

ОЛЕГ ЛЮБИМЦЕВ

УДК 821.161.1 (477) – 312.4
ББК 84.4 (УКР=РОС 6-44)
Л 93

О.В. ЛЮБИМЦЕВ.

**ДЬЯВОЛНЕЛЮБИТ,
КОГДА ЕГО НАЗЫВАЮТ ПО ИМЕНИ**

Скадовск, ЧП “АС”, 2007. – 384 с.

Декабрь 2004 года. Оранжево-революционный Киев как поле столкновения геополитических интересов. Приход долгожданной демократии или же наша страна является одним из пунктов мирового переустройства – установления Нового мирового порядка?

К главному герою – генералу Службы безопасности Украины, попадают документы, которые могут коренным образом изменить политическую ситуацию в стране. И генерал, соответственно, попадает под прессинг различных спецслужб.

Политика, спецоперации, погони. А душа тянется к свету, к любви.

Контакты (автор):

E-mail: odva.production@gmail.com
opus@askad.net

ISBN 978-966-8915-11-6

ББК 84.4 (УКР=РОС 6-44)

© О.В. Любимцев. 2007 г.

*«Берегитесь лжепророков, которые
приходят к вам в овечьей одежде,
а внутри суть волки хищные:
по плодам их узнаете их...»*

(Мат. 7:15-20)

ПРОЛОГ

Часть I

Александр Васильевич Шевчук, генерал Службы безопасности Украины, руководитель Пятого управления, ожидал, в на удивление скромной для столь высокой должности, приемной на четвертом этаже аудиенции у председателя Службы. Пятое управление занималось, как говорили народовольцы еще царских времен, «политическим сыском», и генерал не считал такую формулировку обидной. Наоборот, она довольно точно отражала суть проводимой им и его подчиненными работы. Четкое ясное определение вместо многословного «контроля над деятельностью политических партий, молодежных, студенческих и религиозных организаций, профсоюзов...» и прочая, и прочая. Теперь это был «підрозділ захисту національної державності Центрального управління Служби безпеки», но по старинке и по привычке и он, и большинство коллег говорили «пятое управление». Кому надо – все понимали, а кому-то лишнего понимать не надо.

Иван Павлович назначил на десять тридцать. Электронный блин настенных часов над входом в приемную показывал десять сорок пять. Александр Васильевич несколько дней сомневался, но все же решил поговорить с председателем Службы. Тема предстоящего разговора напрямую вроде бы и не касалась событий, происходящих сейчас в Киеве и в Украине вообще. Президентских выборов, «оранжевой революции», Майдана, собравшего, притянувшего к себе сотни тысяч людей со всей страны и из

других стран тоже, хотя, численность не всегда является критерием истины, майданов и площадей в других городах, политических активистов и туристов разных цветов, ежедневно прибывающих в столицу на автобусах и поездах. Забот с ними и всеми остальными хватало. Служба крутилась в этом wyborном революционном круговороте, только успевай! И, казалось бы, дела давно минувших дней не должны стоять сегодня на повестке дня. Но это только казалось.

История, особенно ее сегмент, находящийся в ведении спецслужб, не всегда оказывается таким, каким прошлое, как страны, так и отдельных людей должно было быть с точки зрения выгод и устремлений сегодняшнего дня, проецирования редких светлых и многочисленных темных пятен этого прошлого на современность.

Формально Служба национальной безопасности Украины «родилась» в тысяча девятьсот девяносто первом году немногим позднее появления на карте мира в результате распада Советского Союза независимого украинского государства. Но, как Украина явилась наследницей Украинской Советской Социалистической Республики в советских границах, так и Служба безопасности народилась на свет Божий уже зрелым рабочим организмом, сменив лишь вывеску Комитета государственной безопасности УССР на серой стене мрачного, доминирующего над окружающими строениями, здания по Владимирской, 33. Строился этот монументальный дом-дворец, так и не увенчавшийся, предусмотренными проектом, гигантской башней и сферическим куполом, еще до революции семнадцатого года для размещения в нем Губернской земской управы Киевщины, но с хозяйственно-административным предназначением не сложилось. Во время войны в этом здании размещалось гестапо, а еще ранее – НКВД.

Пуповина, связывающая Киев с матушкой-Москвой, официально оборвалась, по жизни оставив в Службе массу ниточек и капилляров в виде общих ощущений себя «советскими офицерами», дававшими присягу великой Родине, многолетних дружеских и рабочих отношений, связей, симпатий и документов.

Кстати, насчет документов. Пока в Киеве в конце девяносто первого происходила суверенная эйфория и царила неразбериха неожиданно обретенной вольности, тогдашний руководитель КГБ СССР Николай Голушко не растерялся и отправил в Москву железнодорожный эшелон, а возможно и не один, с архивами украинской госбезопасности, в том числе досье агентов и информаторов и много чего еще интересного и полезного. Вслед отбыл и сам, став вскоре директором Федеральной службы контрразведки России.

В те годы безалаберщины, смутности государственных перспектив и общественного хаоса после десятилетий тотального контроля, среди сотрудников Службы была популярна мрачноватая шутка – «...пройдет и демократия, и гласность, и вот тогда госбезопасность разыщет ваши имена».

На первых порах Служба безопасности неньки, спустя год официального существования потерявшая в названии «национальную» окраску, никак не могла обойтись без привычного Центра. На месте территориального филиала приходилось создавать полноценную структуру, отвечающую интересам независимого государства. Ни самостоятельной службы разведки, ни криптографической службы, к примеру, на Украине никогда не существовало. Но после такого творческого отъезда руководителя украинского КГБ в Москву, власть, под влиянием бывшего тогда на пике и в фаворе национального патриотического движения, решилась на декагэбизацию. КГБ Украины упразднили, сотрудников вывели из штата, а при председателе уже Службы безопасности была создана новая Коллегия,

включившая в себя многих национальных активистов. Эта Коллегия и проводила аттестацию «гэбистских» кадров.

Практически все сотрудники органов, работавшие по проблематике Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) были уволены, так же, как и бывшие москвичи, и вообще, почти все русские по национальности или по паспорту. Многочисленные вакансии заполнились, в основном, выходцами из западно-украинских областей, чтобы было с кем поднимать национальную сознательность Службы безопасности и разомкнуть, в конце концов, удушающие объятия «старшего брата» хотя бы на личном уровне.

Александр Васильевич, тогда далеко еще не генерал, висел на волоске из-за учебы и работы в Москве, но спасли украинские корни и фамилия почти в самом низу списка. Пока ура-патриотическая, решительно настроенная Коллегия дошла до буквы «ш», оказалось, что и работать-то в системе уже почти некому. Как говорится, не всем сеять национально-разумное, доброе, вечное, кому-то надо и пахать.

И, конечно же, придя во власть, новые кадры и члены Коллегии устремились в архивы. Весомые причины для такого неподдельного интереса имелись. Не секрет, что Советскую власть на Западной Украине не любили. В тридцать девятом встречали с цветами, как освободителей от ненавистных поляков, но, хлебнув сталинско-бериевского лиха, добровольно-принудительную коллективизацию: хочешь – вступай в колхоз, не хочешь – расстреляем, возненавидели и Советы, и в сорок первом уже встречали хлебом-солью немцев, как избавителей от «клятых бильшовыкив».

После освобождения Украины Красной Армией, ушедшей в Европу добивать фашистов до победного конца, в лесах и глухих полоньях осталась практически целая армия украинских националистов –

«повстанцев»-«бандеровцев», развязавшая лютую войну с советскими администрациями, милицией, активистами, населением, принявшим новую власть.

Александр Васильевич не разделял современную вялотекущую тенденцию заигрывания с ОУН-УПА, попыток двух государственных комиссий, созданных из национально-сознательных кадров, хоть как-то обелить украинских националистов в целом, попытаться сделать из «бандеровцев» и «воякив» героев национально-освободительного движения, сражавшихся с немцами, Советами и поляками, а не с беззащитным сельским населением за многострадальную неньку, и затащить их всех гамузом на национальный пьедестал. Ему неприятна была вся эта возня с героизацией коллаборационистов, предателей и марионеток. Слишком ограничены они, что тогда, что сейчас, географически и ментально. Генерал считал, что вообще для любых националистов большой проблемой является существование иного мира и иных взглядов за границами их сознания и территории. Вторая мировая – Великая Отечественная война, показала адскую бездну воплощения националистических идей на практике. И потому построение светлого украинского будущего, замешанного на прошлой крови, раздрае и взаимном неприятии, если не сказать ненависти, не представлялось Александру Васильевичу, генералу безопасности, владевшему информацией в несколько большем объеме, чем среднестатистический гражданин, конструктивным и имеющим перспективы занятием.

В украинском истеблишменте имелся определенный идеологический вакуум – при фактическом наличии страны отсутствовали непротиворечивые мифы и героический эпос ее создания, угнетения и, естественно, последующего освобождения. От кого? И от чего? Седая старина Киевской Руси лишь усугубляла проблему украинской идентичности. В Российской империи выходцы из Украины – Малороссии играли ведущие

роли не только в постелях императриц, но и в управлении страной, как и в последующие советские времена. Украинские коммунисты были, скорее всего, самыми из всех коммунистическими. Имелись, конечно, немногочисленные национальные диссиденты, активно заявившие о себе в семидесятые годы после подписания Союзом Хельсинкских соглашений, – преимущественно выходцы из западных областей, но какой-либо реальной опоры и поддержки в Украинской Советской Социалистической Республике, в тогдашнем советском обществе, они не имели. А военная и послевоенная деятельность украинских националистов была слишком кровава и тесно повязана с немецкими фашистами, чтобы служить примером героизации. Так полагал генерал, знакомый с документами, разнообразной скрупулезно запротоколированной фактологией, рабочими и личными делами многих «провидных» националистов – и командиров, и рядовых.

Не за красивые же глаза по личному приказу Гитлера выводил из советского тыла Степана Бандеру легендарный диверсант и любимчик фюрера, начальник отдела VI-C Отто Скорцени? Освобожденный в конце сорок четвертого из концлагеря Заксенхаузен, где находился под почетным арестом за финансовые растраты и несанкционированные немецким начальством самостоятельные действия, Бандера был призван Гиммлером и руководством Абвера для активизации действий ОУН-УПА в тылу Красной армии. Находясь в Кракове в распоряжении абверкоманды-202, и организуя работу своих «проводов», в результате быстрого наступления большевистских войск, национальный герой оказался в советском тылу. И зимой сорок пятого «зелень», то есть, военный, а не черный – карательный, эсэсовец Скорцени выводил «своего друга Бандеру» и его группу по радиомаякам, оставленным в Чехословакии и Австрии, чтобы доставить живым и невредимым в рейх для продолжения священной борьбы с

большевизмом. О чем нацистский супермен номер один и написал в своих занимательных мемуарах, опубликованных в семьдесят пятом.

Обстановка в конце войны и в первые послевоенные годы на Западной Украине была очень сложной. «Бандеровцы» нападали на небольшие отряды и патрули красноармейцев, совершали диверсии, казнили сельских активистов, сотрудничавших с установившими свою власть Советами. Экипированные и вооруженные немцами, зная леса, как свои пять пальцев, предупреждаемые местными, «лесные братья» легко уходили от истребительных отрядов НКВД и СМЕРШа.

Взаимное ожесточение определило появление приказа Сталина, смысл и цель которого состояли в разложении бандеровского подполья изнутри, повязав националистов кровью своих же товарищей. Попался в руки НКВД – хочешь жить? – должен выдать своих. Нет – расстрел на месте. Хочешь помилования? Молодец! Вот пистолет, стреляй в того, кто отказывается предавать, как ты. Стреляй в того, кто час назад шел с тобой бок о бок по тайной тропинке, а вчера вечером делил кусок хлебчины в сыром затхлом схроне, с кем ты, возможно, рос по соседству в одном селе, пас гусей, ходил в лес по ягоды, да к девчатам. Вот так! Жить захочешь – сможешь! И фото на память. Для архива, для рабочего дела. Как и донесения на промокашках и тетрадных листочках о лежках, складах оружия, явках, «бойках» – место, время, количество «хлопцев», как и отчеты об успешном уничтожении этих самых «хлопцев». Засады, расстрелы, очередные завербованные агенты, «ледве відбившись» от «яструбків»-энкавэdistов, потрепанные, но выжившие и вернувшиеся на лесные базы.

В ответ на многочисленные провалы летом сорок пятого Бандера издает секретный приказ своей «службе безопасности» с призывом выявлять в рядах ОУН и УПА

предателей – завербованных НКВД агентов, а также сомневающих насчет явки с повинной – тех, кто потенциально может сдать властям. Такая постановка вопроса открывала широчайшее поле для внутреннего террора со стороны собственной «безпеки». Указом предписывалось направлять на такие задания, где они будут, несомненно, уничтожены большевиками. Особо кровавые чистки прокатились по националистским рядам в сорок пятом и сорок девятом годах, нанеся урон вряд ли меньший, чем все отряды красноармейцев.

К началу пятидесятых с активным вооруженным сопротивлением на Западной Украине было покончено. Часть националистов, активно сотрудничавших с органами, тех, что не сильно в крови, подвели под амнистию за «явку с повинной». Особо одаренных и отличившихся готовили и отправляли для дальнейшей работы за границу. Остальные тысячи «полицаев» пытались выжить в северных лагерях, и к началу шестидесятых, кто выжил, стали возвращаться на родину или оседать в других местах, где жизнью прибило.

Попав в Коллегию Службы безопасности, национальные активисты получили доступ к архивам. Несмотря на отсутствие железнодорожного состава документов, ушедшего на Россию, очевидно, было от чего запаниковать наследникам легендарных фамилий. Рабочие и личные дела отцов и дедов с признаниями, донесениями и доносами, отчетами связных и курирующих сотрудников НКВД о числе уничтоженных в результате успешно проведенных операций «бандитов». Собственноручные подписи, фотографии в соответствующем интерьере на фоне погибших товарищей.

Дабы не вызвать в молодом государстве возможную рознь и вражду по случаю активно муссировавшейся газетами вероятной люстрации или вообще открытия архивов в связи со стремительной демократизацией общества, на самом верху принимается

решение об уничтожении личных и рабочих дел в количестве двух грузовиков. Составляются акты за подписями трех человек, документы уничтожаются – сжигаются. И если «рукописи не горят», как утверждал один гениальный писатель, то документы при наличии трех подписей на акте сжигались и уничтожались однозначно. Раньше. При тоталитаризме. Но в последние годы Александр Васильевич не мог припомнить ни одного случая реального уничтожения сколько-нибудь важных бумаг, несмотря на правильно составленные акты, прилагающийся перечень и подписи трех уполномоченных лиц.

Ходили в то время смутные разговоры, что документы «ушли» далеко, уплыли в сторону, где заходит за самым демократическим горизонтом солнце. С течением времени смутных разговоров, как и действий, становится больше и больше. Страну потрясают скандалы, трагедии, кризисы, всплески противостояния. И управляются они, по мнению генерала, не изнутри. Отнюдь. По большому, реальному счету власти не до государственной безопасности. Некогда. Власть пока занята отчаянным дележом доставшегося в наследство куска советской социалистической государственной собственности. Бывшие комсомольцы, партийные работники, профсоюзные деятели и интеллектуалы поднявшегося криминала активно обогащаются на играх с кредитами и инфляцией, подгребают под себя заводы. А Служба по инерции все что-то фиксирует, путается под ногами. Мешает.

Страна к концу девяностых прямо-таки наводняется всевозможными неправительственными организациями, фондами, грантами и, соответственно, грантоедами. Наблюдая подобное активное раскачивание государственной лодки, Александр Васильевич решается осторожно проверить некоторые свои умозаключения и провести, так сказать, предварительное бужирование.

ПРОЛОГ

Часть II «2004 год. Октябрь»

Изучив длинные перечни «уничтоженных» в девяносто втором документов, генерал по актам уничтожения восстанавливает номера дел и запрашивает в областных архивах Службы отдельные дубликаты, которые по инструкции в обязательном порядке должны были сохраняться при передаче дел в Центральное управление. Многого отсутствует и в областях, но кое-что все-таки выплывает из толщи лет. Первые же, попавшие в руки дубликаты, подтверждают его догадки – в большинстве «уничтожены» дела, относящиеся к категории лиц военного и послевоенного «бандеровского супротиву», тех, кому вместо полагающегося в то время расстрела, была сохранена жизнь за сотрудничество с органами НКВД, за то, что кровью своих же товарищей искупали вину. И некоторые фамилии сейчас на слуху – активные участники политических процессов. Возможно, однофамильцы. А, возможно, и нет. Если так, то документы эти имеют огромную силу и влияние.

Понятное дело, сыновья за отцов не должны отвечать, но вряд ли можно оставаться друзьями с коллегой по партии, если он будет знать, что твой отец сдал его отца и еще двадцать, пятьдесят или сто пятьдесят боевых сотоварищей, тоже чьих-то отцов, на расстрел энкаведистам. Да и на собственной политической карьере можно поставить жирный крест или точку. Так что, находясь в умелых руках, будь то на Западе или Востоке, такие дела могут работать и работать на хозяев. Хозяев документов.

Александр Васильевич систематизирует и анализирует всю информацию сам, не доверяя это дело никому из подчиненных, разве что, поручая сотрудникам узкие конкретные задания, не выбивающиеся из канвы работы Управления. Постепенно список политиков-«однофамильцев» расширяется. Некоторые из них в последние годы успели побывать в Соединенных Штатах – прослушать «курс лекций» или окончить какую-нибудь гуманитарную «академию». Вернувшись на родину, получить опять же американские гранты и возглавить или «демократический институт» или какое-нибудь издание, или партию, но обязательно очень демократическую и крайне оппозиционно настроенную по отношению к существующему, не вызывающему ничьих симпатий, режиму.

Генерал готовит и отправляет в областные архивы тотальный запрос по делам, «уничтоженным» в девяносто втором. Пришедшие ответы подтверждают, что наиболее полный массив дел, вернее их дубликатов, сохранился в архивах западно-украинских областей, а именно, в городе Львове.

Идет переписка и пересылка и время тоже идет, бежит и летит. Наступает год две тысячи четвертый – весна, лето, осень... Октябрь. Невероятно теплый, украшенный разноцветной, но неживой, опадающей наземь листвой.

В стране выборы нового президента, а Александр Васильевич, несмотря на поставленные предвыборные задачи, посылает своего самого толкового сотрудника, майора Геннадия Прокопчука в командировку в город Льва с заданием изъять и доставить в Центральное управление дубликаты дел за номерами по длинному списку. Геннадий едет и убеждается в архиве, что не все, но многие документы в наличии имеются, но, сообщает он генералу, местные органы настроены по отношению к Центру довольно таки недоброжелательно, если не сказать, что враждебно. От майора не отходит

приставленный лейтенант, каждое слово записывает, волнуется, словно ведет английского или российского шпиона. С делами фактически не дают ознакомиться, лишь сообщают, есть данное дело в архиве или нет, да и то, с проволочками и сквозь зубы. О том, чтоб забрать дела в Киев вообще не может быть даже и речи.

Понимая сложность момента и напряженность в стране, Александр Васильевич дает Львовскому руководству шифр-телеграмму, в которой сообщает, что массовая выемка дел за номерами такими-то необходима для предварительного изучения и дальнейшего представления материалов в комиссию Верховной Рады по реабилитации воинов ОУН-УПА. Просит выделить необходимый транспорт, сопровождение поручить майору Прокопчуку Центрального управления СБУ, находящемуся в командировке и так далее. Шифр-телеграмму подкрепляет звонком тамошнему упертому руководству.

Со скрипом, но дело сдвигается с мертвой точки. Выделяются микроавтобус «Фольксваген» и водитель к нему, окрашенные болотной краской, деревянные ящики в количестве трех штук. В них пакуются документы, составляются описи, заверяются печатями и подписями – «выдал-получил», ящики опломбируются, автомобиль благополучно отбывает в сторону Киева.

Майор, как договорено, выходит на связь с генералом каждые полчаса. Выходит раз, два... и пропадает. После первого невыхода Прокопчука на связь в Киеве в вертолет грузится, находящаяся в полной боевой выкладке, «Альфа». После второго невыхода вертолет поднимается в воздух. Через час полета начинает улавливаться один маячок, еще через пятнадцать минут – второй. Километров в сорока от Львова, приземлившись на лесной опушке, в пяти минутах хода на сигнал, бойцы подбирают сонного, но целого и невредимого майора.

Он позже рассказывал.

«Ничего, блин, не понял. Ехал, ехал и вдруг отключился, проснулся в лесу. Сижу, прислоненный весь к дереву, балдею – хорошо, воздух чистый и птички поют».

Но майор не был бы Прокопчуком, если бы не успел при погрузке установить в каждом ящике маячок и себе – персонально, активизировать их в момент отъезда. Ящики нашлись «Альфой» на «заднем дворе» Львовского аэропорта при перегрузке их в «кукурузник». Бой за «наследство войны» был коротким, и ограничился ударом под дых, возбужнувшему было офицеру, командовавшему погрузкой. Два молоденьких солдатика благо-разумно отошли в сторону, дабы не создавать помехи спецназу, перекинувшему ценный груз в вертолет.

Изучив некоторые, доставленные с приключениями дубликаты дел, Александр Васильевич решил, что не вправе не доложить данный вопрос председателю Службы.

Одиннадцать ноль три. Наконец-то массивная деревянная дверь открылась, и кабинет покинули двое незнакомых мужчин в штатском. Одного генерал, кажется, уже видел. Высокий, сухощавый. Грузин. Да. Связан с железорудным концентратом, металлом, кажется так. «Грузин» едва заметно кивнул Александру Васильевичу и вместе со своим спутником покинул приемную.

– Добрый день, Иван Павлович!

– Добрый! Проходи, Александр Васильевич. Присаживайся, – председатель Службы, генерал-лейтенант, крупный лысеющий мужчина, на год моложе Александра Васильевича, показал на мягкий стул, один из двух возле короткого «Т»-образного стола. Поднялся навстречу с рукопожатием.

Генерал вкратце доложил обстановку по Управлению. Председатель, выслушал, задал вопросы, получил лаконичные исчерпывающие ответы.

- И вот еще что, Иван Павлович...
- Да, Александр Васильевич, я слушаю.

– Две недели назад я сделал запрос... – и генерал, опуская подробности и некоторые нюансы, сжав временные рамки собственного расследования, доложил председателю историю с документами из Львовского архива. Представил свое видение данного вопроса, акцентируя тему возможной управляемости заинтересованными сторонами «оттуда» некоторых, ярко вспыхнувших в последнее время, политиков, и подчеркивая необходимость взаимодействия с Управлениями внешней разведки и контрразведки.

В послевыборные сентенции о возможностях собственного влияния на оппозиционеров и, если не раскола, то, во всяком случае, ослабления и определенной управляемости оппозиции изнутри Александр Васильевич не вдавался. Председатель и это, и многое другое понимал не хуже своего визави.

Иван Павлович, конечно же, был в курсе происходящего. Вылет «Альфы» не мог пройти незамеченным. Естественно, Львов сообщил о выемке документов из архивов. И здесь доложили. Но председатель с Александром Васильевичем эту тему не поднимал. Выжидал? Не имел интереса? Вообще-то, в свете происходящих событий у него и так забот полон рот и проблемы сейчас похлеще, чем какие-то там архивные изыскания, дела полувековой давности. Весь мир трубит о наших выборах и активном участии в них посольств и спецслужб соседних и весьма отдаленных государств.

А насчет влияния... Да мало ли чем можно на политиков влиять? Можно с помощью досье на родителей и негативных последствий при оглашении такой информации. Но это еще вопрос, какотреагирует на них человек? Скажет – плевать, уеду на дачу колорадского жука изводить, а вы все идите-ка на х... со своею политикой! Может, и скажет. Правда, пока еще

ни один не сказал и не послал. А вот видеозапись с проституткой, как оказалось почему-то, – несовершеннолетней, или с хорошеньким мальчиком в постели всегда действеннее и вернее. С такого крючка соскочить практически невозможно. Разве что, застрелиться. Многие по-прежнему банально и пошло любят деньги, причем, в особо крупных количествах. Кто-то упивается властью, которая, в конечном счете, – те же деньги, только очень, ну, очень большие...

Все разведки ведут разработку чиновников, начиная где-то с уровня заместителей министров. Анализируются возможности карьерного роста, деловые и личные качества, истории болезни, родственные связи и генеалогические древа для оказания возможного влияния, выявления семейных «болевых точек», любовниц или любовников жен. Изучаются увлечения – с целью установления вроде бы совершенно случайных контактов, например, на теннисном корте или горной лыжне, склонности и недостатки для дискредитации, последующего шантажа и вербовки. Изучаются политические взгляды и симпатии «объекта» вплоть до музыкальных и литературных пристрастий, если таковые имеются, отношение к религии, национальному вопросу, родине, существующим партиям, странам. Создается модель поведения, просчитываются возможные реакции «объекта» в различных штатных и нештатных ситуациях.

– Это все? – Иван Павлович поднялся из-за стола. Подошел к окну, выходящему на Владимирскую. Задумался, всматриваясь в золотые купола тысячелетней Софии Киевской.

– Да. – Александр Васильевич тоже встал.

– Та-ак... Я считаю, инициатива ваша несвоевременна, Александр Васильевич. Сейчас другие задачи стоят. А то, что вы увязались с этими документами? Вы принимали решение, все это – ваша ответственность. Давать какие-либо распоряжения по данному

вопросу я не нахожу возможным. – После некоторого раздумья произнес председатель. Вернулся в свое кресло. Стал рассматривать одну из многочисленных бумаг на столе.

– Я могу идти?

– Да. Всего хорошего, Александр Васильевич, – Иван Павлович кивнул генералу, не отвлекаясь от изучаемого листа. Не поднялся и не протянул руку.

– До свиданья, – генерал направился к двери.

– Да, вот еще что... – задержал его в дверях председатель. – Я по-дружески, поймите меня правильно, советую вам подумать о дальнейшей работе. Может, в другом месте вам будет... комфортнее. Найдете себя.

– Спасибо, Иван Павлович. Я подумаю, – Александр Васильевич вышел из кабинета, закрыв за собой тяжелую дверь.

«Что ж, раз инициатива моя несвоевременна, еще и подумать надо... мы и подумаем. По своему разумению... своей же ответственности».

* * *

Глава 1

Мобильник привычно и щекотно завибрировал на поясе. Александр Васильевич автоматически чуть сбросил газ, нажал «прием» – выпуклую кнопочку слева.

– Да, – говорить в закрепленный на воротнике микрофон было гораздо удобнее, а к мягкому наушнику, непривычному поначалу, он быстро привык и почти не ощущал его.

– Здравствуй. Это я.

Звонил Сергей Николаевич, полковник ВВ, внутренней безопасности. «Вэбэшник». Когда-то он работал в отделе под началом Александра Васильевича, но потом пути-дороги разошлись. А три года назад снова встретились на Владимирской – Сергея перевели в столицу на повышение. Нельзя сказать, чтобы закадычно дружили. Специфика работы не располагала к подобным отношениям, тем более, руководство жестко отслеживало сотрудников – кто, с кем, когда и сколько, а главное – зачем? Скорее, притворялись, изредка выбираясь на природу, или встречаясь за праздничным столом. Вот жены, утомленные «засекреченным» образом жизни, держали контакт плотнее. Мужчины общались скупой и лаконично, но понимали друг друга с полнамека. Единство взглядов и оценок происходящего сближало.

– Узнал, – Александр Васильевич посмотрел в зеркало заднего вида, притормозил и прижал машину к обочине.

– Ты в городе?

– Да, – проводил взглядом объезжающие машины.

– Должок бы отдать. А то затянул, понимаешь. Извини.

«Значит, что-то важное, если Сергею срочно понадобилась встреча».

– Это кстати.

Черный «БМВ» медленно обогнул такую же черную «Тойоту» генерала и припарковался недалеко впереди, возле перекрестка. Стало быть, не показалось. Номера городские, «эмвэдешные» – поленились менять. Халтурщики. Хотя, может, и свои. Скорее всего. Уже месяца полтора, сразу после «львовской истории», его перемещения плотно отслеживались. Очевидно, прослушивались и звонки.

– На шестнадцать нормально?

Александр Васильевич бросил взгляд на часы. Четырнадцать – ноль девять. К трем он может и не успеть, учитывая «бумер» и расстояние.

– Лучше на полпятого.

– Где обычно?

– Да, – и выключил телефон.

«Обычно» это – редкий сосновый лесок, начинающийся непосредственно от окраинного РЭС – района электрических сетей. Время – на час назад от назначенного. Обилие высоковольтных и всяких прочих проводов немного забивало электронный сигнал, а скорее, создавало подобную иллюзию, поэтому все равно страховались и говорили на свежем воздухе, оставляя «предательские» телефоны в машинах.

Ехать до «обычно» около получаса, но не сегодня. Декабрьский снежок мягкими хлопьями уютно укрывал город. Снег пушисто окутывал кустарники и деревья, ложился белым искрящимся ворсом на газоны, упаковывал в холодные саваны одиноко стоящие автомобили. Дорога быстро укатывалась в скользкое

полотно. И некому было посыпать эту скользкость песком или солью. Весь городской коммунхоз сосредоточился в центре. В центре Киева, в центре событий.

Александр Васильевич неспешно отъехал. «БМВ» без ложного стеснения двинулся за «объектом», теперь уже не особо и маскируясь, понимая, что «наружка» засветилась.

Шумные, радостные стайки преимущественно молодежи, украшенные оранжевыми шарфами-шапочками-ленточками, по тротуарам и дорогам стекались к центру – площади Независимости, теперь – с большой буквы Майдану. В эти декабрьские дни общественная дисциплина, как революционными пешеходами, так и водителями была несколько утрачена. Пешеходы радостными криками и маханием оранжевыми флагами приветствовали машины с померанчевыми ленточками на антеннах. Те им троекратно сигналили в ответ «фа! – фа! – фа!», «Ю! – цен! – ко!».

Как военного человека и служаку, генерала такая коллективная раскрепощенность нервировала. Обладая значительной информацией о происходящем в столице и стране, его приводила в смятение мысль, которая сводилась к трем словам: «не дай Бог!». В конце концов, народ не бесконечно всеяден, расхлебывать все, что бы власть ему ни заварила. Не дай Бог прольется первая капля, и этот революционно-дискотечный апофеоз захлебнется в крови, разливаясь насильем по всей стране. Информация, поступающая с мест, была не то что, тревожной. Она была катастрофичной. Об информации сверху и «сбоку» нечего было говорить вообще....

Предчувствие гражданской войны, этот пульсирующий взаимной ненавистью нерв, расчетливо и технологично выпестованный и обнаженный в нужное время, пронизал все общество от рынков и автобусных остановок до больниц, заводов, университетов и телестудий. В сегодняшнем разброде у Службы, в том

числе и у него, была масса самых разнообразных, зачастую взаимоисключающих сведений. И некогда было разбираться, анализировать, где правда, а где заведомая ложь, подбрасываемая «на живца», чтобы пустить их по ложному следу, отвлечь силы и внимание от реально небезопасных для страны «субъектов» и «объектов». Где реальные переговоры, где имитация, провокации и контрпровокации. Телефонные расшифровки заполнили собою время и пространство, выбивая из рабочей колеи.

Некоторые бонзы осторожно намекали ему, что в районах и областях тихонько сидят и ждут сигнала подготовленные и экипированные группы действия. Ждут, когда майданное противостояние пройдет кровавую «точку невозврата». Час «X» или время «Ч» – сигнал, отмашка для пролития на местах «первой крови», после чего эту реку невозможно будет остановить. Абхазия, Осетия, Приднестровье, да и Чечня покажутся детскими игрушками, легкой разминкой, если полыхнет Украина. Не дай Бог!

Александр Васильевич проехал несколько кварталов, остановился на стоянке супермаркета «Била», от которого предстояло двигаться в направлении Бориспольской трассы. «БМВ» припарковался неподалеку, сразу развернувшись для удобного выезда. Предусмотрительный.

«Надо бы испить кофею. Собраться с мыслями. Время не жмет».

Заплатив безучастному автомату, генерал нажал кнопку «Strong» и, потягивая ароматный горьковатый напиток, неспешно погрузился во чрево торгового монстра. Еще в «предбаннике» краем глаза заметил как из «бумера» вышли двое, неспешно прикурили возле ерзающих туда-сюда дверей мегамагазина, непринужденно болтали. Действительно, дураки они бегать за товарищем генералом по торговым отделам. Куда он, родимый, от своей «Тойоты» денется?

Александр Васильевич покружил еще по городу, поймал красную волну светофоров, сместился в крайний левый ряд. «БМВ» не отставал, держался плотно. Перед очередным светофором «Тойота» резко газанула и ушла вправо, осыпанная матюгальным фафаканьем машин, подрезанных хамским маневром. Преследователь продублировал движение, но в ряду между ними оказались два авто. Вклиниться вплотную «бумер» не смог, на секунду упустив ускорение «объекта», что и требовалось доказать. Не пропустив пешеходов, генерал круто рванул на красный свет, на форсаже пройдя правый поворот, опять же получив вдогонку порцию недовольных сигналов и визг чьих-то тормозов. Газуя и смещаясь, то влево, то вправо, на скорости ушел вперед. Покружил по тихим улочкам. «Хвост» отсутствовал. Отвалился. Теперь можно ехать на встречу с Сергеем.

Александр Васильевич Шевчук, генерал Службы, прибыл на встречу с полковником той же Службы Сергеем Николаевичем Романенко в пятнадцать часов девятнадцать минут, на одиннадцать минут раньше назначенного срока. Он отключил телефон, расслабился, откинув затылок на удобный подголовник. Разве мог он раньше представить, что будет встречаться с коллегой, товарищем по работе, не в служебном кабинете, а в лесополосе, предварительно «соскочив с хвоста»? И кто пасет, прослушивает?! Свои! Плоть от плоти, можно сказать. Свои, чужие. Друзья, враги. Свои, которые чужие...

Нет былой четкости и определенности – вот враг и его надо мочить. Вот друг – с ним надо дружить, помогать, защищать. Так все запуталось, переплелось. Клань, группировки, доктрины и доктринеры ...их мать! Год от года он все больше чувствовал себя не в своей тарелке. Служба, ее иерархи, с энтузиазмом принимали участие в «большом хапке» – разделе доставшегося от СССР экономического наследства,

прикрывая те или иные благодарные за прикрытие кланы. А чем они хуже новоявленных нуворишей, бывших комсомольских мальчиков, или «пацанов», институтов в Беркли и Оксфорде не кончавших, но отличающих прибыль от дохода? Ничем. Даже – лучше. Умнее. Профессиональная подготовка, навыки работы, а главное, владение информацией, делали Службу важнейшим игроком и одновременно инструментом в борьбе между складывавшимися финансово-промышленными группировками.

Такая «коммерциализация», правда, не была прописана в законе и задачах Службы, но новая жизнь на ходу вносила корректировки в функциональные обязанности в духе продажного, безыдейного, осененного долларовой зеленью, времени. Откровенно и честно что-либо сказать стало невозможно, если есть желание продолжать работать, а не уйти на пенсию или в какую-нибудь «структуру», как поступили многие сослуживцы. Работа все больше стала напоминать разгребание дерьма. А с выборами – так и подавно. Теряешь уважение к себе. И вообще, становилось все боле и боле противно полумолчать, делать вид, что все замечательно и стабильно. Ну, полный стабильздец! Доигрались. Что будет дальше – это вообще... За гранью. За гранью его понимания как «службиста» более чем с двадцатипятилетним стажем. Нет, разумом-то он все понимал, но сердцем не принимал такую реальность. Теперь еще ко всему – революция.

Его профессиональных навыков и опыта было достаточно, чтобы рассмотреть в способах и средствах привлечения в Киев столь значительного количества людей, в четкой организации митингов, финансовом, продовольственном и экипировочном обеспечении участников пикетирования и блокад государственных учреждений фактическое проведение крупной войсковой операции под руководством подготовленных

людей – «полевых командиров Майдана» и их закулисных стратегов. Заокеанская и европейская дипломатия и различные политические структуры активно включились в конфликт, естественно, на стороне ущемленных в своих конституционных правах оппозиционеров. Как и положено по теории в подобных случаях, массивная информационная поддержка осуществлялась западными априори демократическими средствами массовой информации и стремительно, прямо на глазах у зрителей, демократизирующимися местными телеканалами, радиостанциями, газетами, многочисленными Интернет-ресурсами.

При этом было очень важно, чтобы революция обязательно транслировалась по телевидению в режиме on-line. Постоянно. Многократно апробированная и отточенная технология новостного медиа-гиганта «CNN». Высокотехнологичная революция в прямом эфире. Телезритель даже в самой глубинке должен отождествлять себя с участниками основного действия, сопереживать и находиться под эмоциональным воздействием. С небольшим перерывом на сон, еду, туалет.

Мощная дымовая завеса из обвинений в фальсификации результатов выборов, самые смелые, самые невероятные и заманчивые обещания лучшей жизни, если к власти придут «честные и моральные борцы с авторитарным бандитским режимом». А они придут – в этом нет никаких сомнений. В паузах – дискотека. Главное, чтобы никто не скучал и никуда не расходился. Не выключал телевизор. Show must go on. И оно продолжалось.

Ясно, что фальсификации были. Кто бы спорил? Но они были везде – а наиболее массово на востоке и на западе страны. Выбирать электорату, как всегда, приходилось из двух зол – меньшее. Генерала, как и многих других жителей Украины, не вдохновляла существующая, действительно прогнившая

власть, доведшая страну и народ до состояния «ще не умерла Украина, але вже вмирає». Но и национально-озабоченная оппозиция, бесконечно воспевавшая бандеровцев, неистово поносившая уже и так давно разваленный Советский Союз, вообще радикально нетерпимая ко всему русскому, будь то культура или история, и плебейски преклонявшаяся перед цивилизованным «вышпуканным» Западом, не вызывала симпатий и жизненного оптимизма. Сильно смущали также частые самоуверенные заявления претендента-демократа, что он станет президентом «независимо от результатов голосования». Как это – «независимо»? Так зачем тогда эти выборы проводить? Провозгласить самого себя, любимого, да и дело с концом. Собственно, это и произошло, на его чиновный взгляд достаточно суматошно и трагикомично. Впопыхах.

В этом городе, в этой стране сошлись клином интересы разных игроков, холодных сердцем и рискованных, не постесняющихся, если будет необходимо, им необходимо, рвануть страну по живому. Так что, главное теперь – не дай Бог, не дай Бог...

Сергей Николаевич проехал чуть дальше. Излишне резко тормознул, машину слегка повело и мягко ткнуло широкими шинами в невысокий бордюр.

Нервничает товарищ полковник.

Не оглядываясь, прогулочным шагом Сергей направился в редкий сосновый лесок. Александр Васильевич выждал три минуты и двинулся вслед. Пожали друг другу руки.

– Ты в курсе, что вопрос решен? – Сергей затянулся сигаретой.

– Да. Естественно. Строго по расширенному закону Мэрфи.

– Это из посольства или госдепа?

– Нет. Ученого. «Если могут случиться несколько неприятностей, они происходят в самой неблагоприятной последовательности». И что ты хотел рассказать?

– Несколько наших выступили сегодня с заявлением, что ни в коем случае не допустят применения силы против демонстрантов. На Майдан вышли... В общем, гарантировали полную лояльность и защиту на всех уровнях.

– Я знаю. А что им делать остается? Ты же видишь, как толпу настраивают – «захватывать учреждения власти, аэропорты, дороги». Хотят к власти прийти на крови. Из Лондона постоянно установка идет. Открыто по телефону – не стойте, действуйте, действуйте! Может, и правильно, что ребята сдались? Председатель давно уже... Всё лучше, чем война. Да и за кого воевать, Сергей?

– Ну да, воевать не хочется. Назначили слушания, но это все так... Припарки. Решение очевидно. Третий тур. И кто победит, ты знаешь, – прозвучал полувопрос полковника, полуутверждение. Унылая констатация факта, что неизбежно свершится.

– Знаю. Давай конкретно, – генерал был в курсе грядущих больших перемен. Рассмотрение вопроса в Верховном суде представляло собой определенную, необходимую формальность. Церемония перед намеченным жертвоприношением. Жертва определена, теперь нужно соблюсти процедуру. Ритуал.

Служба фактически разложилась. Легла. Многие писали заявления на выход в отставку, благо резко повышенные пенсии компенсировали преждевременное расставание с горячо любимыми креслами, преимущественно кожаными, черными. Многие, кто явно, кто тайно, предусмотрительно переходили на сторону заранее известного будущего победителя и теперь всячески «набирали очки».

В столице и не только в ней, крутилась масса всевозможной агентуры и просто мутных заезжих типов. Этим «движением» Служба, конечно же, пыталась заниматься, но, отслеживая ситуацию, каких-либо серьезных и решительных действий-противодействий

не предпринимала. Не желала ненароком прогневить будущих больших «друзей», а также «друзей» в перспективе – бывших, но по жизни – стратегических. Как и генерал, многие сделали для себя выбор – не допустить столкновений и крови. А остальное – как повезет. Какой выпадет расклад. Кто – кум королю. Кто – сват. На худой конец – знакомый кума или сосед по даче, односельчанин. Тоже вариант. Но не для обмена ж мнениями о текущем политическом моменте его вызвал на встречу Сергей?

Снег не скрипел, уминался фирменными кожаными подошвами ботинок беззвучно, конспиративно.

– Есть информация интересная. Достоверная, – полковник сделал паузу, очевидно, посвящение генерала давалось ему нелегко. Обязывало. Могло определенным образом и на карьере сказаться и вообще. – Готовятся документы для сдачи. Передачи...

– Какие документы? – бесстрастно спросил генерал.

Подчеркнуто бесстрастно. Слишком подчеркнуто. И слишком быстро. Полковник это почувствовал. Ключул, Васильевич. Акела почувал след...

– Точный перечень я не знаю, и вряд ли удастся прозондировать.

– Что предполагаешь?

– Предполагаю что-то интересное. Источник надежный, не пустозвон. Ты ж понимаешь, кто владеет информацией, тот владеет...

– ...имеет тот всех, – перебил генерал. «Владеть миром» – слишком глобально и туманно. – И кому?

Генерал задал очевидный вопрос. Ответ знал прекрасно.

– Ну, им... – Сергей посмотрел в небо и развел руками. – Ему. Кому ж еще сдавать?

– «Нашим»? – иронично усмехнулся генерал.

Нашим – ихним, в данном случае и в настоящее время это, собственно, одно и то же.

– Думаю, да. Во всяком случае, другой информации нет. Да и логически рассуждая, вряд ли...

– Нда... Точно что, воздух в Киеве отравлен предательством, – Александр Васильевич задумался. – И когда?

– Полагаю, сразу после оглашения решения Верховного суда, – Сергей Николаевич бросил в снег окурок. Проводил его взглядом, раздавил ботинком и растер. Усмехнулся своим действиям. Внутренний «подстрахуй» действовал автономно.

– Хм... – генерал задумался.

Документов, досье, кассет с разговорами много всяких. На всех – белых и пушистых нет по определению. Не та стая – не зайчики. И все это знают. Толку только от этих досье? Лежат, пылятся, пока не минет срок давности. А «папа» сидит на даче. Молчит, «не дышит». Европейцы, особенно, америкосы – эти не церемонятся, счетами припугнули и «папа» поплыл. Теперь его можно списать. Отработанный материал. Назначили нам победителя. Придут «молодые гиены», начнут рвать подряд всех и вся – это понятно.

Документы, документы, собственно, что за документы? Не копии, всякие докладные записки и объяснительные, а первые экземпляры – кто, кому, когда и сколько. Отчеты о проделанной работе и подпись – такой-то. Расписки в получении денег и опять же – такой-то. Номера счетов. Банки, оффшоры... Неплохо бы их иметь. К тем, что есть. К тем, что надежно лежат... в одном месте, в одном бункере, координаты которого известны только ему, учитывая его «личную ответственность».

Популярная и убойная раньше постельная тема, «кто – кого», в последнее время понемногу сдала позиции. Да кого угодно, этим теперь уже не удивишь, не испугаешь, не собьешь с толку. Даже «голубизна» стала модна не только в шоу-бизнесе. А что такого?

В Европе гей-парады проводят, однополые браки заключают. Можно сказать, цивилизованный пример подадут. Так что, постельные приключения виповских сынков и дочек, а также, самих фигурантов и их благоверных, измученных салонами и соляриями, теперь разве что «шестерки» в колоде, «восьмерки», возможно, «девятки». Богатые, они скучают дороже...

– Какие соображения, полковник?

– Такие, очевидно, как и у тебя. Надеюсь. Есть пара-тройка ребят. Надежных, подготовленных, не подведут.

– У меня тоже есть... пара ребят.

– В принципе я так и полагал... – продолжил полковник торопливо.

– Вопрос, Сергей Николаевич, – перебил полковника Александр Васильевич.

– Да.

– Зачем тебе нужен я? Ребята у тебя есть.

– Да, ребята верные есть, – подтвердил Сергей. – Выходов нет. В принципе, есть, но не те.

– А у меня есть?

– А разве нет?

– Хм...

– Ну и в компании веселее... Я, вот, кое-какой план набросал. Экспромт.

– Экспромт? – генерал поднял брови.

– В голове набросал кое-что...

– Кое-что нам не надо. Экспромты не должны рождаться неожиданно, – отрезал Александр Васильевич. После некоторого раздумья произнес. – План это – ...план. Он у нас – всему голова. На щите не устраивает. Давай, Сергей Николаевич, обсудим.

Глава 2

Генерал медленно ехал в сторону центра, включив ближний свет. В декабре смеркается рано, еще и низкая облачность сегодня темнит. Несколько дней назад, как только на площади завязался Майдан, он экстренно собрал всех сотрудников Управления. Собственно, уже месяца два как плановых совещаний не было – всё аврал и горячка. И вдруг – вакуум. Тишина. Никого. Руководство молчит. Давай, мол, действуй, генерал самостоятельно. Под свою ответственность. А там ...спросим по полной, ежели что-то не так. Должно быть все – так!

После краткой вводной, предложил высказать соображения о текущем моменте. Застеснялись, орлы. Уткнулись в папочки, избегая встречаться глазами. Сказал сам – ни на кого не давит, пусть каждый поступает по совести, а лучше – оставит политические симпатии и предпочтения дома. Игры закончились. Главнейшая задача, как Службы, так и каждого сотрудника – предотвращение столкновений, насилия и кровопролития. Это главное. Остальное – потом. Все силы и средства направить на это. Ну и в конце по пунктам, кому, чем предметно заниматься. Почувствовал волну облегчения среди подчиненных. Коллектив даже как-то сплотился в эти непростые ночи и дни, несмотря на трещины, что проросли в отношениях. Вернее, трещины-то они были всегда, но не до такой, правда, степени.

Сделал по пути несколько звонков. Жесткий кризис последних дней ноября, апогей тягостного

противостояния, миновал. Ситуация разряжалась, рассасывалась – шахтеров начали увозить домой. Слава Богу! Хватило ума.

Жена только вернулась из больницы, отделение переполнено, вся на нервах, устала как собака. Дочь сидит дома. Занятия в университете отменили – всем на Майдан! Он запретил Ольге разгуливать дальше магазина. Разругались вдрызг. Кричала, что сокурсники все на площади, ребята не хотят с ней разговаривать даже по телефону. Презирают, считают предательницей. В конце концов, убедил, что не обязательно быть как все, не факт, что нужно подчиняться стадному чувству. Кто прав, а кто правее, жизнь рассудит. Пообещал лично свозить дочь на площадь, как только выкроит время.

Достал из бардачка «непробитый» мобильник, предназначенный для «левых», в широком понимании левизны, звонков. В режиме СМС набрал «?», установил номер, передал. Тут же получил СМС-ный ответ «+2». «Плюс» – это хорошо. «Жду». Вероника свободна, у них есть два часа. Минус дорога – полтора. «Он сказал – поехали!»

– Привет! – она быстро поцеловала его в сухие, морозные губы. Провела ладонью по короткой серебристой стрижке. – Ежик... Кофе будешь?

– Потом... – он задохнулся запахом свежести, травы, цветов – юности и весны, подхватил девушку на руки и помчал в спальню, она же комната и зала.

«Блядская спина!» – мелькнуло в мозгу мимоходом, и гормоны-тестостероны затопили строгие генеральские полушария.

– Ну... ну... что за напор? Что за спешка, будто родители уехали на дачу? Я здесь... никуда не ухожу... так... хорошо... да... да-а-а...

Вероника отдавалась любви неистово и нежно, раскрепощено и самозабвенно, вызывая у него удивительный ответный прилив мужского желания, чувств

и сил. Затыжной обоюдный прыжок в бесконечно-приятную бездну, нирвану, рай или свет. Абсолютная, глубокая отключка.

Упругое, словно резиновое, девичье тело, возбуждало его как никогда, вернее, как когда-то давно. Но юношеские чувства глупы, самонадеянны и быстро-течны. Кажется, так будет всегда – красивые девушки, бессонные ночи, переходящие в беспробудные дни, яблочно-пряный запах волос, беспечность и легкость. С годами он стал получать удовольствие и удовлетворение от близости значительно более и полнее, стал больше ценить и близких женщин, и свои чувства и ощущения. Смаковать их. Гурманствовать. Каждое знакомство, каждый раз, каждый миг.

Генерал редко встречался с какой-либо женщиной дважды. Почти никогда – трижды. Работа не предполагала душевные привязанности и сентиментальность. Привязанность к женщине, любовь, чувства – это делало его уязвимым. Обнажало слабые стороны, которых у профессионала быть не могло. Не должно. Женщины вдохновляют мужчин на многое и великое, и они же мешают всё это осуществлять, творить. Тормозят. Крадут время и силы.

С Вероникой у него случился афронт. Ему хотелось быть с ней еще и еще. Не постоянно и не часто, но достаточно регулярно. Издержки возраста или уходящее время, но генерал ощущал явную периодическую потребность прикинуть к этому живительному источнику. Подсел.

– Который уже час? – непосредственно и банально проявилась из эротического небытия юная подружка, вернув и своего начальственного любовника в объективную реальность. – Седьмой час... ого! Я чайник поставлю?

Легким кошачьим движением Вероника выскользнула из мужских объятий. Наклонилась за павшим на пол халатиком. Он придержал ее за руку,

притянул к себе, провел по телу ладонью, стараясь зафиксировать и запечатлеть в тактильной памяти приятные выпуклости и плавные переходы идеального женского тела. Поцеловал живот, талию, ягодицы. Куснул.

– Нет-нет-нет! – пулеметно и решительно прострочила Вероника. – Ты что?! Скоро Андрюша придет. Я как раз позвоню ему.

Генерал мечтательно закрыл глаза, заложив руки за голову, медленно отходя и воспроизводя уже в памяти приятные переживания. Сквозь мечтательное марево доносились кухонные стуки-грюки и телефонный разговор Вероники с «зайчиком», «котиком», «лапочкой».

– Ты встаешь? Мне постель убрать надо.

– Да, – он открыл глаза. – А что «котик»?

– Уже спускается в метро.

– Это серьезно.

– Вот-вот, old salt, – улыбнулась Вероника. – Get up, my action man!

– Есть! – Александр Васильевич пружинисто выбросил тренированное тело из постели.

«Блядская спина!»

Уже месяца три как он не был ни в бассейне, ни в спортзале. Срочно! Срочно заняться, вот только закончится вся эта разноцветная катавасия. – Вот из олд солт?

– ...это – «морской волк», а экшн мэн – что-то типа «крутого парня», «героя».

– О-о!

– Только не задирайте нос, мой генерал. Переходите к водным процедурам, и желательно «престо виваче».

– «Просто» чего?

– «Престо виваче» – быстро и весело, музыкальный мой...

Уходя, Александр Васильевич оставил на кухонном

столе пару зеленоватых купюр с добрым американским президентом Беном Франклином. Просто ему хотелось немного помочь симпатичной, чувственной девочке, так что это вовсе не была с его стороны плата за разовую любовь. Во всяком случае, так думал он.

С Вероникой генерал познакомился в июне, на дачном «мальчишнике». Некоторые великовозрастные «мальчики» прибыли со своими девочками, а если кто был без дамы, то радушный хозяин все предусмотрел – длинноногий эскорт резвился на лужайке и плескался в бассейне, пока серьезные мужи «решали» вопросы по-взрослому. Неофициальная часть, как всегда в таких случаях, удалась веселая, пьяная и распутная. Эскорт привычно пошел по рукам и всему остальному, но Вероника, Александр Васильевич заметил, вела себя весьма и весьма прилично – с депутатом приехала, не отходила от него далеко и надолго, и с ним же уехала.

– Санёк! – делился с генералом подвыпивший законотворец, послав Веронику за очередным пивом из холодильника. – Девка, ...ну, просто блеск! Отпад! Я улетаю с ней! И не хочется возвращаться... Но жена, стерва, застучала, щемит... блин. Вот...

– Да, девочка интересная, красивая, – соглашался генерал с депутатом. – Фигурка исключительная!

– Что фигурка?! Ты бы знал, эх... бы знал... – сокрушался уличенный в супружеской измене и находящийся под жестоким супружним прессингом народный избранник. Весь бизнес депутата был переписан на жену, поэтому качать права он мог исключительно в парламенте.

За время недолгого отсутствия патрона, Вероника перебросилась с Александром Васильевичем несколькими ничего не значащими, дежурными фразами. Несущественными. За исключением номера ее телефона.

Три года назад она приехала в Киев из провинции.

Поступила в институт. Общежитием иногородних не обеспечивали – прошли те беззаботные времена. Немного пожила у родственников, но там начались проблемы, о которых она подробно не распространялась. Потом у нее появился бой-френд Андрияша. Он работал на автозаправке. Познакомились в баре, стали встречаться, затем и жить вместе, сняв однокомнатную квартиру на проспекте Бажана, недалеко от метро «Харьковская».

Александр Васильевичу показалось, что эти события произошли в жизни девушки практически одновременно, хотя, в рассказе Вероники они были, все же несколько разнесены во времени. Андрияша на заправке что-то «немножечко крутил», поэтому «молодым» хватало денег оплачивать квартиру.

Первый раз они встретились с Вероникой в гостинице. Вели себя напряженно. Ему было даже приятно, что она волнуется и нервничает. Но притерлись быстро и в дальнейшем уже не испытывали неловкость и стеснение. Девушка никогда не намекала на деньги или подарки, но никогда и не отказывалась. Вела себя естественно, словно выпивала стакан воды. Александр Васильевич не спрашивал про депутата-патрона. Возможно, она продолжала встречаться и с ним или еще с кем-либо. И даже наверняка. Она была гармонична и раскованна в своем непостоянстве. Это была ее жизнь, ее право и выбор.

Его устраивали их встречи два-три раза в месяц, и он был благодарен Нике за эту чувственно-акробатическую встряску-разрядку. Он ощущал себя графом Дракулой, набирающимся энергии и жизненной силы от молодого сочного тела.

Генерал старался отставить некие морально-этические составляющие, например, вроде того, что Вероника моложе его дочери Ольги на два года. Думая об этом, он с неудовольствием представлял, что Ольга может быть близка с каким-нибудь старым хреном

вроде Геннадия Аркадьевича из Минюста, не пропускавшего ни одной секретарши и всегда имевшего при себе «виагру» и набор презервативов. В конце концов, что в том предосудительного? Это насчет себя, а не Минюста. Жена устала и вообще... А он? Разве не заслужил он такие маленькие жизненные радости? Конечно, заслужил.

Машина плавно несла его в эпицентр событий. Привычно завибрировал на поясе телефон.

Глава 3

Первый! Первый! Я – «ноль»!
– Я – «первый»! – ответил Александр Васильевич. Мгновенно переключился на прием. Почувствовал холодный трепет погони. Сердце работало ровно и четко, как мотор.

– Объект – капитан на заднем сиденье. На заднем сиденье черный дипломат. Плюс водитель. Джип «Ниссан», «вишня», номер... Пошел к тебе по Владимирской. Отбой! – полковник переключился на «прием», положил рацию на сиденье, рядом такая же негромко бубнила на «ментовской» волне. Выехал с Малой Подвальной на Владимирскую, вклинившись в поток машин, двинулся за джипом по вероятному маршруту «объекта».

Достоверно маршрут этот был неизвестен. Догадки, предположения, возможные варианты... Но действия профессионалов, в отличие от любителей, достаточно предсказуемы. План заключался в том, чтобы не отпускать «объект» далеко, брать прямо здесь, в самом центре. За революционной суетой кто что заметит? Сценарий банальный, многожды оперативно опробованный и отработанный – машина ГАИ, остановка, зажали сзади, спереди и ...приехали, хлопцы! Но, обычно-то это обычно. Много проще. Жучки, прослушка, наблюдение и, наконец, перехват – деньги, драгоценности, наркотики. Всякое бывало. И когда «реальным парням» предъявляли решение суда об установке прослушивающего устройства в машине такой-то, записи их «конкретных

пацанских базаров» – публика тут же плыла и «чистосердечно» просилась. Остановка – вот главное что. А там уж «бойцы» не должны подвести. Не сработает, будем думать по ходу. Плясать от момента. В крайнем случае – бить. На Большой Житомирской стояла, приготовленная для удара «Газель».

– Я – «первый»! – переключился генерал. – «Второй»?!

– Я – «второй»!

– Джип «Ниссан», «вишня», номер... Водитель и капитан с дипломатом на запястье. Капитан на заднем сиденье. Проходит Софийскую площадь... подожди... гаишники, черт!... не остановился... бараны – откуда взялись?! Идут на тебя, принял, «второй»?!

– «Второй» принял! Отбой!

«Откуда они вылезли, эти колхозники?! Еще и на площадь поперлись!» – генерал про себя матюнулся.

Его «Тойота» расположилась на краю Софийской площади, имея за кормой «бутик Шевченко». Сам знаменитый футболист, понятное дело, модным бизнесом не занимался. Кажется, занималась сестра. Неожиданно прямо напротив памятника Богдану Хмельницкому, метров за тридцать до светофора, появилась затрапезная милицейская «пятерка». Она попала в поле генеральского зрения вместе с «объектом» – темно-вишневым джипом, который гаишник непонятно с какой прыти попытался вдруг застопорить. Джип, не снижая скорости, миновал и не в меру рьяного милиционера, и площадь.

«Точно, понагнали контингент из провинции – спецпропуск на стекле им не указ. А, может, конкурирующая фирма? Вряд ли, хотя, такое творится, что и не разберешь...».

Вторая рация, настроенная на милицейскую волну, сообщила, что «автомобиль «Ниссан-Патрол» тёмного кольору, держнумера... не зупынывся на вымогу державтоинспектора».

«А повезло! Подфартило. Ребята же слышат», – генеральская «Тойота», показав левый поворот, мягко сползла со стоянки, двинулась следом.

Джип «тёмного кольору» притормозил на знаке «стоп», пропуская справа поток машин с Малой Житомирской, имея слева по борту помпезное здание Апелляционного суда.

– Куда будем ехать, товарищ капитан? – заскучавшему молоденькому водителю джипа хотелось завязать разговор, обсудить положение в стране, события в Киеве.

– Пока прямо, – худощавый капитан смотрел вперед, не обнаруживая склонности к общению.

– Ясно, что прямо. А потом?

– Потом скажу.

– Так точно, – зачем-то произнес раздосадованный водитель и уныло замолчал, не найдя понимания со старшим по званию. Продолжил движение.

Недоезжая до светофора, перед Михайловской площадью, увенчанной вдалеке воздушными золотистыми куполами Михайловского Златоверхого собора, воздвигнутого в честь архангела Михаила, небесного покровителя Киева, почти напротив городского Управления внутренних дел, стояла гаишная машина.

«Ребята всегда здесь пасутся. Доят «чайников» и крутых, кто на «стопе» не тормозит. Иди сюда! Хлебное место. На «Шкоде» сегодня...», – подумал водитель. Ему-то вся эта шушера милицейская, можно сказать, пополам. Номера, спецталон, да еще пропуск на стекле. Такого останавливать – себе выйдет дороже.

Он поравнялся с гаишниками. Что-то они сегодня близко к светофору закорились. Красный свет. Толпа с оранжевыми и желто-черными флагами, приближалась к перекрестку, направляясь в сторону Майдана. У многих головы были в повязках и банданах такой же раскраски. Шумели, выбрасывая вверх руки с пальцами, растопыренными латинской буквой «V». Victory! Победа!

– Разом нас богато! Нас не подолатаы!

– Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!

В окно постучали. Водитель даже не заметил, как подошел высокий гаишник. Слегка опустил стекло.

– Сержант Левченко! – отдал честь милиционер. – Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

– Ты что, служивый, ослеп?! – водила ткнул пальцем в специальный пропуск, приклеенный в правом нижнем углу лобового стекла. К пропуску прилагался и специальный талон. Останавливать, а паче досматривать владельца такого пропуска-талона простым смертным было противопоказано. Вообще-то, по инструкции остановить можно кого угодно. И документы проверить, даже сверить номера двигателя и шасси кузова с указанными в талоне. Но после подобной проверки «любопытательный» кадр вылетал из «органов» в двадцать четыре часа. Капитан с заднего сиденья протянул гаишнику свое удостоверение.

– У нас распоряжение, товарищ капитан, – в извинительном тоне обратился к капитану сержант, просунул в окно бумагу. – Вы же знаете, наверно, на Саксаганского «девятку» с двумя москвичами задержали. А в багажнике три кило пластида...

– Два девятьсот, – поправил капитан, продемонстрировав осведомленность.

– Вот, видите. У них там еще оружие изъяли, детонаторы. А накануне их на Боричевом Току возле штаба «Нашей Украины» зафиксировали. Так что,

теперь приказ – проверять всех без исключения. А вы и на площади не остановились на требование...

Капитан пробежался взглядом по листку, вернул. Кивнул головой. Водитель дал документы.

На перекрестке в шествие «оранжистов» вклинились молодые люди в синих шапочках и шарфах, размахивающие бело-голубыми флагами.

– Откройте, пожалуйста, капот, я номер двигателя проверю, – сержант сделал шаг от машины, как бы приглашая водителя выйти.

– Я-ну-ко-вич! Я-ну-ко-вич!

– Ю-цен-ко! Нас не подолаты!

– Вас треба не долаты! Вас треба ликуваты!

Водитель ждал решение капитана, но тот был увлечен происходящим на перекрестке. Столкновения не произошло. Супротивники неожиданно начали брататься и обниматься.

– У-кра-и-на! У-кра-и-на!

Красный свет продолжал гореть. Щелкнул центральный замок.

Практически одновременно со щелчком распахнулись двери. Сержант навалился на водителя, а кто-то, невидимый ранее, на капитана, мгновенно вколов им в предплечья шприц-тюбы. Напавший на капитана, кусачками передал цепь. Дипломат мгновенно переправился в «Шкоду».

– Повезло капитану – остался с рукой, – здоровенный «невидимый» гаишник усмехнулся и аккуратно посадил обмякшего снулого офицера, пристегнул ремнем. Водилу передвинули на переднее пассажирское место. Тоже закрепили ремнем безопасности, чтобы не заваливался. – Ну, бывай!

– Ага! – сержант забрался на место шофера. – Давай!

Загорелся зеленый свет. Гурьба политических антагонистов сместилась с проезжей части и, кажется даже, значительно рассосалась. Джип свернул

вправо, проехал квартал по Михайловской вниз, повернул в правую сторону еще раз, миновал модный ирландский «О’Брайенс» бар и остановился. Сержант, не выключая двигатель, отсоединил брелок сигнализации, оставил в окне маленькую щель, вышел из машины, закрыл двери на центральный замок, бросил брелок на водительское сиденье.

– Отдохните, ребята, пару часов. В тепле, – и браво зашагал вперед по живописному Михайловскому переулку.

Глава 4 «Школа»

По коридорам школы промчал дежурный, тарахтя колокольчиком. Такой же, как у ихней коровы Машки, только она пореже бубенила, когда вечером возвращалась из стада. Занятия начались. С шумом и грохотом класс мгновенно заполнился вихрастыми мальчишками и девочками с косичками и бантами. Полная приземистая учительница вошла в класс, остановилась в дверях, зорко всматриваясь по верх очков в учеников.

– Здравствуйте, диты!

– Здравсьте, Надия Мыкытивна! – откликнулось детское разноголосье.

– Сидайте, будь ласка. – Надежда Никитична внимательно осмотрела классную доску. Потрогала ее. Доска продолжала висеть. Мел и влажная тряпка присутствовали. Изучив пол, и не найдя ничего подозрительного, учительница небыстро, вперевалочку как раскормленная утка, преодолела эту «следовую полосу». Учительский стол был идеально чист, как и стул. Ни клея, ни кнопок. Покачала стул. Стоит крепко, ножки не подпилены. Ничего. В преддверии контрольной за четверть это было подозрительно, даже более чем. Надежда Никитична удобно и плотно уселась. Заняла «боевой» пост.

– Приготовуалы, диты, ручки, зошиты. Пышемо...

– Фьюить... – раздался тихий свист. Класс разрозненно хихикнул.

– Це хто? – учительница обвела всех строгим взглядом. – Це ты, Сашко?

– Та вы шо, Надия Мыкытивна! – на «камчатке» поднялся паренек, обиженный несправедным наветом. – Сашко та Сашко... Мэни робить бильш нема чога?

– Ладно, сидай. Ще тики раз почую...

– Фьюить... – перебил нотацию тихий свист. Класс сдержанно прыснул.

– Не, хто це вытворяе? – Надежда Никитична выбралась из-за стола и грозно нависла над классом.

– Це видверте хулиганство...

– Фьюить... – с другой стороны.

– Сашко!

– Га!

– Зараз я бачила – це точно ты!

– Не, вы така интересна, Надия Мыкытивна! Чога б це я свистив, як вы дывитесь на мэна?

– Шоб завтра батьки булы у школи, зрозумив?

– Та при чем тут...

– У школи!!! Як бы мэни колысь сказали, шо у Василя та Олены Шевчукив такой разбышака та прохвост уродытсья...

– Фьюить... – от окна.

– Фьюить... – от шкафа.

– Фьюить... – откуда-то из-под учительского стола.

– Фьюить... фьюить... фьюить... – со всех сторон. Класс надрывно хохотал, перекрывая возмущенное кудахтанье, ничего не понимающей, вконец растерянной Надежды Никитичны.

– Черговый, хто черговый? – с трудом добилась внимания педагог с многолетним стажем, повидавшая всякого на несладком учительском пути.

– Ну, я... – поднялся долговязый Лёнчик. Лёня Корж. Безбидный флегмат, потому и классный козел отпущения.

– Швыдко подывысь, шо там у шкафи та за батарей.

Лёнчик открыт дверцу шкафа. Пошерудил в рулонах ватмана, старых стенгазетах. Из шкафа выскочил небольшой зверек песочного цвета, присел на хвост, сложил передние лапки и вытянул шею.

– Фьюить! – и жажнул по проходу.

– А-а-а-а!!! – дико завизжали девчонки и взлетели с ногами на парты. – Ховрахи! А-а-а!!!

– А-а-арррр!!! – завопила и зарычала Надежда Никитична, увидев второго, третьего, четвертого суслика. Всплеснула руками – Ой-ё-ё-ё-ёй!

– Га-а-а!!! – рыготали мальчишки.

Шесть-семь зверьков загнанно носились по классу в поисках выхода, и поднимая невероятный переполох.

– А-ах... – это прибежавшая на шум директриса, обмякла в дверях, чуть не потеряв сознание от метнувшейся в коридор зверушки. Но нашла в себе силы, устояла и побежала по коридору с криком «Петрович! Петрович!».

Вскоре со шваброй наперевес явился дядя Грыня, он же Петрович – школьный сторож, плотник, стекольщик и еще бог знает кто. Его усилиями грызуны были выдворены сначала в коридор, а затем и на улицу.

До конца урока осталось пятнадцать минут. Дети, наконец, уgomонились и расселись по местам. Пацаны, Сашко и Вилька, победно переглядывались. Их ночные труды не прошли даром. Один заливал в норку воду, второй ловил суслика за холку и бросал в кожаную сумку. Когда набрался с десятков «ховрахов», подростки направили свои стопы в школу. Открыть окно не составляло труда – оконные шпингалеты вытащили в конце дня заблаговременно. Вытряхнули из сумки добычу и – атаа! А ни в чем не повинные зверьки, не найдя выхода из запертого на ночь класса, рассредоточились и заховались, на то они и ховрахи, где смогли.

Надежда Никитична, тяжело дыша мощно вздымавшейся грудью, осовело обводила взглядом учеников. Медленно приходила в себя. Носорожьи уперлась глазами в «камчатку».

– Я знаю, Сашко – це ты. Це твоих рук дило й пидручныкив твоих. Шевчук! Я з тобою говорю, чи ни!

– А шо – Шевчук? Крайний я, чи шо? – паренек нехотя вылез из-за парты.

– Бачила-бачила, но такого ще нэ було... Это ж ой-ё-ё-ё-ёй! Шо ты улыбаешься, шалэный?

– Надия Мыкытивна, ну шо вы на самом деле? При чем тут я?

– Як це, при чем ты? А хто? Ну, скажи, хто?

– Та видкиль мэне знаты... – простодушно пожал плечами Сашко.

Класс хихикал и посмеивался, наблюдая перепалку учителя и ученика. Героического ученика, заводилы и закоперщика большинства всевозможных хохм и каверз.

– Ты мэне не придуривайся, командир, я твою «зондеркоманду» выведу на чисту воду, дай тики час. Вы у мэне попляшете ще... голубчики. Пострыбаютэ...

– Та, Надия Мыкытивна...

– Шо, Надия Мыкытивна?! Ты думаешь, я не знаю, хто осенью жаб в классе попритаскивал, теж перед контрольной як раз?

– Яких жаб?

– Тих самых!

– А-а... тех...

– Так! Так!

– ...шо вы со второго этажа выбрасывали, а воны вбывались?

– Шевчук, прекрати!!!

– ...а мы трупы з хлопцами збыралы та поховалы их...

– Ххх... Хх... Ну, я тэбэ разоблачу, Шевчук, ты знай! Я ж тэбэ разкую!

«Дзинь! Дзинь! Дзинь!»

По коридору школы весело пробежал с колокольчиком дежурный. Урок закончился. Школьники разнокалиберным горохом высыпали на улицу. Впереди столько еще веселого и интересного! Эх!

Глава 5

По Трехсвятительсткой Александр Васильевич спустился на Европейскую площадь, миновал гостиницу «Днепр» и стадион «Динамо», повернул на парковую аллею. Нырнул под Поцелуев мост. Затормозил на стоянке возле рестораника.

Полковник припарковался через две машины, вышел с большой спортивной сумкой, заглянул в дорогостоящее заведение общепита, почти сразу же вернулся и бухнулся на заднее сиденье генеральской «Тойоты». Александр Васильевич сделал радио громче.

– Фух! Ну что, Саня, товарищ генерал, ёханный бабай! А ведь удалось! А?! Без сучка и задоринки! Как орлы сработали, а?! – полковник достал из баула черный кожаный кейс, украшенный половиной наручника.

– Да. Молодцы ребята. Сработали четко, – Александр Васильевич перегнулся назад, рассматривая трофей. Дипломат, как дипломат. Ничего особенного, разве что, кодовый замок. Сергей Николаевич бессмысленно покрутил желтые металлические колесики.

– Давай, по чуть-чуть за успех, и для расслабона? – полковник выудил из кармана плоскую, слегка изогнутую фляжку, отхлебнул пару глотков, посмаковал во рту душистую согревающую жидкость, и с сожалением ее проглотил. Передал ценный сосуд генералу.

– «Хенесси»? – теплая струйка неторопливо скатилась вниз по пищеводу.

– Армянский, – Сергей Николаевич отверткой оттянул край крышки и завел в щель монтировку. – Ну что? Копать дальше? Не похоже, что там какие-то примочки имеются.

– Будем надеяться, обойдемся без сюрпризов. Копай.

А сюрпризы в виде ампул с кислотой или миниатюрного взрывного устройства на случай взлома вполне могли быть. Теоретически. В другое время и в другом месте. В теперешнем аврале и бардаке подобная осмотрительность и сверхосторожность коллег представлялись маловероятными. Во всяком случае, хотелось в это верить.

Замок легко хрустнул с одной стороны, затем – с другой.

– Тьфу, блин, экономисты, мать их! Ширпотреб китайский... – Сергей Николаевич досадливо откинул крышку. В дипломате лежали две одинаковые темно-синие пластиковые папки. Полковник взял одну в руки, покрутил, рассматривая со всех сторон. Взвесил папку на ладонях. – Сколько тонн в тротиловом эквиваленте потянет, как мыслишь?

– Главное, чтоб не на девять граммов, – Александр Васильевич задумчиво смотрел на папку.

Сейчас они перейдут некую черту от незнания к знанию. Меньше знаешь – спокойнее спишь, и вообще, жизнь кажется светлее и радостнее, справедливее, если не обременен вредной или чрезмерной информацией. Но – это не про них. У них работа и заключалась как раз в этой самой информации, в преодолении черт, полос, границ, стереотипов. Очередную черту они перешли час назад. Зачем это все, по большому счету, им надо? Богаче не станут, собственно, никто и не собирался торговать заветными листочками оптом или в розницу. Или – кто его знает? Как жизнь выкрутится? Какой ляжет пасьянс? В Пальма-де-Мальорка, Гонолулу, или еще в каких экзотических местах, тоже можно

жить, правда, не так весело, как у нас. Многие в последнее время в Лондон потянулись. Старая добрая Англия стала модной для бывшего советского человека... Нет, не в этом дело. А в чем тогда?

С какой такой прыти понесло их в эти «казаки-разбойники» с непредсказуемым исходом? Что и кому они хотят доказать? Самим себе? А может, они патриоты? Спасают важную информацию для страны. Или это – протест? Мол, они не пешки в чужой игре. Да, точно. Они не пешки. И не позволят собой манипулировать, разве что, в некоторой мере под влиянием обстоятельств непреодолимой силы... Понятно, оправдание и объяснение всегда и всему можно найти. Если постараться или поставить такую задачу. Задачи... причины... исходы... Ладно, строить из себя борца за идею. Идеи-то никакой нет. Причем, достаточно продолжительное уже время. Идея была, да сплыла, канула в Лету вместе с партией, руководящей и направляющей. Не выдержала здоровой конкуренции. Так за что, за кого бороться? За народ? Народ тоже бывает разный. Разноцветный. Наивный и неискушенный. Искушается легко, но, очевидно, ненадолго. Терпит слишком долго.

А мы – искушенные и компетентные? Кто есть «ху»? Только не надо мнить себя героями. Такие же торгаши, как и все. У кого-то товар – нефть, газ, руда и всякие прочие ископаемые, картошка, например, ее тоже выкапывать надо, а вот у нас – информация. Что такое, эта самая информация? Информация это то, чего кто-то очень не хочет увидеть опубликованным. Все остальное – реклама. Кто и на что учился. Специфика. Пошел бы в сельскохозяйственный, как мечтал отец... нет, все-таки, хорошо, что не пошел. А там... эх! Свежий воздух. Директорский, без амортизаторов «Уазик». Ядреные доярки, душисто пахнущие парным молоком и навозом. Понятное дело, соль жизни, но – тоска. Тупик, сдобренный самогоном.

Таковые мысли пронесли в генеральской голове, пока папка перекочевывала в его руки и являла на свет божий свое затаенное нутро.

Внутри пластиковой лежала другая папка – кожаная, темно-коричневая, с черными завязками, с выдавленным, когда-то золотистым орлом и свастики. Несмотря на почтенный возраст, нацистская папка хорошо сохранилась. eutschland. Немецкое качество. «Мерседес» он и в Африке «Мерседес». Офицеры переглянулись. Документы были аккуратно рассортированы в современные прозрачные «файлы», всего десять блоков. Генерал вытащил пожелтевшие свидетельства худших времен из верхнего «файла», поверхностно перелистал. Все были на немецком языке, большинство страниц украшал вверху орел со свастикой. В одном из «файлов» частенько попадалось знакомое название – «14th Grenadier Division SS Galicia».

– У тебя как с немецким? – изучая листки, генерал спросил Сергея Николаевича.

– Почти никак... – виновато пожал тот плечами.

– Это и плохо, полковник. Очень плохо, – не отрываясь от бумаг, строго заметил Александр Васильевич. – У меня, кстати, тоже.

Одна из подборок содержала польские и, очевидно, чехословацкие или югославские документы. Содержимое трех нижних «файлов» преимущественно представляло собой рукописные, некоторые – «химическим» карандашом, разнокалиберные листки, в большинстве вырванные из школьных тетрадей. Отчеты, донесения, замусоленные фрагменты каких-то текстов или писем большей частью на украинском языке. Блеклый зимний свет, а, главное, дефицит времени не позволяли заняться изучением добытых трофеев досконально. В одном из файлов документы явно отличались – несколько плотных, меньшего формата

карточек учета, напоминающих многочисленные стандартные статистические формы – комсомольские, профсоюзные, отделов кадров. Формы были заполнены главным образом на печатной машинке, некоторые строчки – от руки. На верхней карточке в правом углу значилось «Personallharte II», и ниже вписана знакомая всему миру фамилия. Несколько статистических столбцов и зловещая, отдающая стонами и ужасом миллионов душ, жирная строчка – «Kriegsgefangenenlager Auschwitz» – Освенцим.

Остальные карточки были похожи на первую, только менялись названия лагерей. Генерал молча протянул карточки полковнику, указав пальцем на фамилию заключенного.

– Ого! – присвистнул Сергей Николаевич. Внимательно просмотрел их, вернул документы генералу. – Не многовато будет для одного?

– Не знаю. Надо перевести. Изучить, – Александр Васильевич вернул карточки в файловую емкость.

Полковник тем временем распечатал вторую пластиковую папку. В ней находилась обычная современная канцелярская картонная папка с банальными тряпичными завязками бантиком. Содержимое также было аккуратно расфасовано в прозрачные «файловые» емкости. «Файлы» были наполнены главным образом документами Народного Комиссариата Внутренний Дел, МГБ и КГБ СССР и Украинской ССР. Многие украшал печатный оттиск «Секретно» или – аналогичная резолюция красными чернилами. Нижние файлы также были заполнены рукописными документами на русском и украинском языках. Стандартные листки формата А-4 и тетрадные в клеточку или линейку. «Сообщения», «заявления», «справки» за подписями. А вот, прихваченное стиплером к «заявлению», решение Киевского городского Совета народных депутатов «о выделении двухкомнатной

квартиры семье нуждающегося...». Ничего, вроде бы, особенного, если не считать даты и фамилии благодетельствованного Советской властью. Известный борец с ненавистным коммунистическим режимом, легенда националистического движения.

В одном из «файлов» были собраны собственно-ручные биографии того же обладателя звучной ныне фамилии и переводы с немецкого нескольких архивных документов.

– Слушай, Саш, по-моему, мы не в ту степь станцевали... – Сергей Николаевич разочарованно перебирал документы.

– Похоже.

– Определенно должны были быть документы по финансированию.

– Переживаешь, что платежей нет?

– В общем-то – да. Не только платежей. По газу должны были быть интересные материалы. Лихой вариант прокрутили – на выборы миллиарды кубов зафуговали. Массива нет, нет конкретики.

– Какой-то массив есть. Надо только оценить его правильно, что за массив. По-моему, некоторые бумаги могут быть «горячими», особенно сейчас, перед третьим туром. – Генерал вернул полковнику папку. Он тоже был озадачен и раздосадован «ассортиментом». – Надо разобраться, почитать, перевести. Тогда и поймем, что попало нам в руки.

– Слушай, а может, это отвлекающий маневр был? Обманка? Попались на «живца»? – Сергей Николаевич положил папки в спортивную сумку.

– Сережа, мы просто на одно были настроены, а получили совсем другое. Переключиться надо, изучить документы. Не думаю, что это совсем уж «пустышка».

– Да. Непохоже вроде. Бумаги серьезные... Хотя, знаешь, за эти годы уже все друг друга много раз и разоблачили, и многократно отмылись, и перекрасились

снова. Уже никому неинтересно. Все – происки и провокации. Фальшування, одним словом.

– Все может быть. А возможно, тут заложены бомбы, которые многих счетов стоят? Кто знает?

– Мы с тобой первые и узнаем, что за рыбка ловится...

– ...в мутной декабрьской воде, – завершил фразу генерал.

– Отправлю к рыбам, – полковник взял покалеченный кейс.

– Да. И давай дуй на службу. Ты, кстати, полтора часа отсутствовал...

– Все строго по плану. Отработка мероприятия на свежем воздухе. У меня часть людей на Майдане задействована. Фиксируют.

– Молодец!

Генерал не стеснялся ругать подчиненных, но и не стеснялся хвалить. По делу. Для любого человека важно мнение о нем окружающих. И зачастую, доброе слово, поощрение, моральная поддержка имеют куда больший эффект, нежели материальные составляющие бытия. Подчиненные роют землю с удвоенной энергией, оправдывая свою высокую оценку, стараясь не уронить планку, приподнятую начальством. Знакомые и незнакомые люди легко идут на контакт, произвольно и активно реагируя на положительные посылы собеседника. Психология, искусство общения, нахождения чувствительных или уязвимых точек, убеждения и направления мышления собеседника в определенное русло, влияния и, в конце концов, вербовки – все это изучалось и отрабатывалось на практике много лет. К каждому человеку нужен свой подход, ключик, но шаблон зачастую используется стандартный, многократно опробованный, простой и эффективный.

В советские времена для Службы был важен тотальный информационный охват населения. Сверху

требовали показатели, отчетность. Приходилось отрабатывать этот важный сегмент. Общался, убеждал. Ясно, что становиться «сексотом» – секретным сотрудником КГБ, мало кто, просто так, с бухты-барухты соглашался. Но кто-то был настроен патриотически, и в свете все более ожесточающейся борьбы мировых империалистов со страной Советов, использования против СССР самых изощренных методов – от «звездных войн» до разложения подрастающего поколения прославляющим насилие и наркотики роком, психологией потребления и вещизмом, готов был проявлять свой гражданский долг и сообщать не реже, чем раз в месяц, о негативных фактах в целом позитивной окружающей действительности. Кто-то не любил начальство и не стеснялся регулярно проявлять это естественное чувство в письменной форме. Кто-то нуждался материально. Работники вокзалов, морских портов и аэропортов внимательно бдили, всматриваясь в глаза и изучая багаж, пытаясь не пропустить или не выпустить вероятного шпиона.

Какая мощная была структура – Комитет, наследник жуткого НКВД?! Казалось бы, песчинка не просочится, уж не проскользнет, все и вся под контролем. Не успел враг замыслить, а партия уже знает, держит руку на пульсе, точнее – на горле. А страна, р-раз, и рухнула в Беловежье, словно глиняный колосс. А народ-то свою страну не поддержал, не помог ей, не заступился, не поднялся, как в сорок первом.

Почему так произошло? Ведь глядя назад из совсем недалекого прошлого, ясно, что, начиная где-то с середины пятидесятых, не все было так плохо, как об этом рассказывали потом недалекие политики.

У генерала было свое объяснение этого трагического феномена. Государство, вернее, сатрапы государства, охраняя самоё себя, превысили критический порог воздействия на собственное население. Многие миллионы насильно изгнаны из родных мест,

депортированы. Еще больше миллионов уничтожено – лучших, ярких, активных, выдающихся. Прервана традиция, связь поколений. Десятилетия бессмысленно жестокой борьбы с собственным народом – внутренними врагами, в большинстве мнимыми и безвинными, вырастили поколения, в сердцах своих полные нелюбви и обид к такому государству или апатии. На словах государство было объявлено народным, а на самом деле жизнь этого самого народа, от имени которого свершались все мыслимые и немыслимые катаклизмы, не стоила и гроша. Лагерная пыль.

Такие глобальные воздействия на человеческое общество не могут пройти бесследно. Меняется генотип, психика, поведение огромных людских масс. Неуклюжее, громоздкое государство не смогло адекватно реагировать на вызовы времени, не смогло жизнеспособно «перестроиться». Не нашлось лидеров, соответствующих масштабам страны и необходимых изменений. Возможно, какой-нибудь советский Дэн Сяо Пин пропал в Гулаге или стал вором «в законе»? Сгинул. И не один... Государство много десятилетий не любило свой народ, и в решающую годину народ отплатил государству тем же.

Александр Васильевич обогнул, занятый «оранжевыми» революционерами, Украинский дом, бывший музей В. И. Ленина, никогда, кстати, в Киеве не бывавшего.

«Так, а что же делать с папками?»

Глава 6

— **З**аходи! – Георгий Петрович слегка посторонился в дверях, одновременно протянув Александру Васильевичу руку. Рукопожатие у бывшего шефа всегда было коротким и жестким. Так и сейчас.

Георгий Петрович скоро год, как был на пенсии. Дослужившись до заместителя председателя Службы, в какой-то момент он считался основным претендентом на руководящее кресло. Но вместо ожидаемого назначения случилась неожиданная для генерал-майора отставка, одобренная ценным подарком от председателя – наградным пистолетом «Форт». Для Александра Васильевича же в том ничего непредвиденного не было. Конечно же, Георгий Петрович – профессионал, вопросов нет. Кругозор, опыт, хватка. Но имелись в наличии и коллизии, например, русак по происхождению, да и по взглядам. На это и раньше на высшем уровне обращалось внимание, а в последнее время, особенно в свете приближавшихся выборов, руководству страны, очевидно, не хотелось лишней раз слышать от национал-патриотов обвинения в контролируемости украинских спецслужб российскими коллегами.

Георгий Петрович, безусловно, переживал, какая к черту пенсия в 60 лет?! Но держался молодцом: спортзал, бассейн, молодая жена. Крупный, подтянутый и крепкий, он напоминал классического борца, постриженного под «ноль». В выборные сражения особо не ввязывался, обиженный на, не оценившую его, власть. К оппозиции симпатий

не питал и иллюзий не испытывал. Разве что, консультировал по старой дружбе хороших знакомых, да и то очень избирательно.

Александр Васильевич прошел в просторную гостиную, по-европейски совмещенную с кухней. Расположился за обширным прозрачно-стеклянным столом. Документы из добытых накануне папок были рассортированы на несколько стоп. Генерал доверял Георгию Петровичу на сто процентов, как отцу родному, и это доверие было взаимным. За долгие годы совместной работы они столько раз помогали и выручали друг друга, что были не просто друзьями, – братьями по оружию, а зачастую, это больше, чем по крови. Кроме того, Александру Васильевичу был необходим знаток немецкого языка, коим его экс-шеф и являлся.

Генерал-майор выслушал историю о проведенной успешной операции без видимого удивления и одобрения. Не спрашивал, кто участвовал, кроме Александра Васильевича, в экспроприации. Пообещал к утру по возможности разобраться с бумагами. Судя по сортировке – разобрался.

– Пить что-нибудь будешь? – Георгий Петрович кивнул на встроенный бар.

– Кофе.

– С коньяком? – вопрос прозвучал скорее как утверждение.

– Немного, – пить коньяк Александру Васильевичу совершенно не хотелось, но бутылка уже стояла на столе.

– Итак, – Георгий Петрович с пульта увеличил бубнеж телевизора. – Я разделил материалы по степени важности или актуальности...

– С точки зрения чего?

– С точки зрения? – переспросил Георгий Петрович и задумался. – ...С точки зрения ближайшего будущего, как в частном понимании, так и страны в целом.

– Политики?

– Естественно, и внешней, и внутренней, – прозрачная кофеварка внутренне резко забурлила и зачихала. Георгий Петрович разлил по чашкам ароматный кофе. Приправил его коньяком.

– Уже разворачивается на полном ходу политика наша, внешняя и внутренняя... – Александр Васильевич пригубил дымящийся напиток.

– Да уж, танцуем под проплаченную заказную музыку, – согласился Георгий Петрович. – У тебя есть время?

– Часа полтора.

– Это хорошо. Так вот, помнишь, в девяносто втором я в Штатах по обмену опытом находился?

– Помню, конечно. Ну, тогда это было событие. Стажировка в ЦРУ, в Лэнгли... в самом логове, как нас всю жизнь учили.

– У них там надпись интересная в вестибюле на мраморе высечена от Иисуса Христа. «Ты познаешь истину, и истина сделает тебя свободным».

– Написать можно все, что угодно. Главное – соответствовать, – Александр Васильевич отпил кофе. – Насчет истины и ЦРУ мне сомнительно что-то.

– Да. Это дело такое, – Георгий Петрович не стал углубляться в академические вопросы. – Так вот, америкосы, ребята откровенные, они мне тогда карту будущего раздела Югославии показывали. В Югославии нельзя сказать, что тишь да благодать были, но ни этнических конфликтов, ни стрельбы, а на бумаге уже все было поделено. Механизм запущен.

– Помню, ты рассказывал. Ну да, собственно, зачем им мощные и самостоятельные «юги» на юге Европы? Разделяй и властвуй. НАТО Югославию разбомбило, все эти новые страны постепенно подбирает, базы размещает и ситуацию там сейчас контролирует. Сейчас и на многие годы вперед.

– Америкосы здесь своего добились. Одно Косово – чего стоит... Через НАТО все контролируют, и Европе в жопу пистон вставили, чтоб не сильно шустрили и забегали вперед со своим евро.

– Геополитика, – Александр Васильевич покрутил полупустую чашку. – Союз рухнул, Варшавский договор... Китай пуховиками и футболками занят. А янки почуяли запах нефти. Ирак? Пожалуйста! Саддам – плохой парень. А еще недавно янки его руками воевали с Ираном, и он был хоть и сукин сын, кровавый диктатор, но их сукин сын. Вооружали его.

– Грузию голыми руками взяли, можно сказать, прогулочным шагом. Майлз, посол штатовский, сначала в Белграде отработал, потом – в Тбилиси. «Старого лиса» скovyрнул, как сухой прыщик, – экс-шеф добавил себе еще коньяку. – В Белграде молодежный «Отпор» создали, в Тбилиси – «Тмару», у нас – «Пору» клонировали. «Фридом Хаус» адмирала Вулси, бывшего директора ЦРУ, все это финансирует, а мы можем только сопли утирать и снимать на пленку, как они чемоданы с баками раздают. А пленками этими – разве что подтереться, чтоб не прогневить. Не дай Бог, бабки обрежут или счета прикроют!

– Не только «Фридом». А «Фонд поддержки демократии»? А «ЮСЭЙД»? Сорос «мальчиков» своих в Киеве расставил. Березовский отметился...

– Ну, так мы ж теперь в очереди за демократией! И, обрати внимание, Саша, открыто обо всем пишут, ничего не скрывают!

– Так это, если – читать, а читать ведь нам некогда.

– А Бжезинский в своей «Шахматной доске» ставит цель «балканизировать» Евразию, не допустить стабильных отношений между Россией, Евросоюзом и Китаем. На хрена им такой противовес? Хотят сами гегемонить! Понравилось! Доктрину Буша

сочинили с благословения Чейни. А мы просто очередное шило, которое засунут, да что – засунут? уже воткнули в задницу России. Они, б...ть, «балканизировать» нас хотят, а мы как Бобики к ним бежим за косточкой! В очередь выстраиваемся, Збигневу ручку пожать. Тьфу!

Геополитика всегда была коньком Георгия Петровича. Он читал все публикации по данной тематике. В бытность на работе, один из его помощников шерстил Интернет и заказывал при необходимости переводы соответствующих статей, если генерал-майору некогда было читать в оригинале. Соответственно, и события, даже внешне незначительные, Георгий Петрович оценивал глобально, во взаимосвязи с интересами крупнейших мировых политических игроков, а главное, ведущих нефтяных корпораций. Его известный афоризм звучал примерно так – «в конечном счете, разговор всегда идет о нефти». Может, это и не он придумал, но данная фраза многое объясняла. В конечном счете.

– Если мы все так хорошо знаем и понимаем, отчего ж имеем вот это? – по телевизору шла прямая трансляция с Майдана. Александр Васильевич по инерции задал очевидный вопрос, ответ на который он и сам прекрасно знал. – Как я понимаю, идет реализация концепции Бжезинского о разделе России и Украины с целью контроля над путями транспортировки энергоносителей. Что ж здесь непонятного?

– Ну, так что я тебе тут буду прописные истины объяснять?! Оттого и имеем, что без войны страну разрушили, да разворовали все. Народ нищий, а наверху – пена воровская. Миллионеры... биомать! – говоря о гео- или просто политике, или еще о чем, генерал-майор не стеснялся при случае колоритно вспоминать биологическую или японскую мать. – Идеалов нет, честности нет, веры нет. Зато хватательные рефлексy

непомерно развились. До безобразия. Вот и получили протест, революцию за все годы предательства. Сколько можно так жить?! Люди хотят перемен к лучшему. А тут тебе и «оранжевая» революция – геополитика, бизнес, технология.

– Этот еще, лондонский «узник совести» подзуживает.

– Не, ну а как без него? – оживился Георгий Петрович. – Слишком привык рулить при Бэ-эНе. А как политический штурвал ни крути, все равно в итоге кто-то останется за бортом. Какую свистопляску с российским депутатом – кандидатом в президенты нам устроил?!

– А вы, по-моему, уже не работали?

– Да, сразу после Нового года меня ушли, а в феврале этот киевский «инкогнито» вояж закрутился.

– Ну, слава Богу, тогда отработали нормально, – отдел Александра Васильевича принимал некоторое участие в февральской спецоперации по спасению потенциального «агнца на заклание», по недопущению принесения на политический алтарь еще одной «сакральной жертвы». Так иносказательно именовал в телефонных перехватах лондонский хозяин своего подопечного политика, как раз накануне тайного визита в Киев зарегистрированного кандидатом в президенты России.

– Что вы там «отработали», Саша?! Повезло, что пограничник дотошный оказался, заставил иммиграционный талон заполнить. Факт въезда на территорию Украины зафиксировали. Когда и с кем. А то еще одним «телом» больше бы стало. «Отработали» они...

– Так, может, пограничник неспроста заинтересовался Иваном Петровичем?

– Ну, не знаю, – проворчал Георгий Петрович. – Может быть... А для БАБа Украина не сама по себе, а

как плацдарм интересна. Ему тут – хоть трава не расти. Для него главная цель – Россия. Путин. Вышибить из седла.

– Ну, это маловероятно.

– Значит, если раньше не получится, дожидаться две тысячи восьмого года и на выборах своего человека поставить. Революционера.

– Но, тем не менее, вкладывается в революцию не по-детски.

– Этот бабки отобьет, еще и с наваром. Бизнесмен. – Георгий Петрович сделал глоток. Плеснул еще коньяка. Выпил.

– «Любая революция – это вопрос денег», – кажется так любил говорить Парвус, он же Гельфанд? – вставил Александр Васильевич.

– Это тот, что Владимира Ильича в опломбированном вагоне из Германии отправлял?

– Тот самый. И в вагоне отправлял, и деньги немецких на революцию, то бишь, развал Империи, давал. Годы идут, а мало, что меняется, в смысле – революций, технологий.

– А для них, наивняков, – Георгий Петрович махнул рукой на экран, где показывали толпу на Майдане, – это шоу – оранжевая надежда.

– Обманут, конечно, но какое-то время попользуются.

– Попользуются. «Холодную войну», а я считаю это была Третья мировая война, Союз проиграл. Итогом чего получилось расчленение проигравшей стороны на 15 частей. Украина – крупнейшее, после России, по населению и экономическому потенциалу вычленение из Союза, Российской империи, как угодно можно называть. И функция, предназначенная нам добрым дядюшкой Сэмом, это – ослабление дроблением. А для гарантированного отделения нужно бороться с силой притяжения между большей частью населения Украины и Россией. Вот и хаотят все, что было.

– Так, все ж по науке, Георгий Петрович. Еще Адольф Гитлер говорил – «крушение очагов культуры – есть крушение нации». Помню, как же – изучали.

– Даже Победу нашу извалять в грязи и перьях хотят...

– А если все же вернуться к нашим баранам? – Александр Васильевич положил ладонь на ближнюю пачку документов. Понятно, что наболело и у генерал-майора, и у него, встречаются нечасто, но время отнюдь не резиновое. А Георгия Петровича начало слегка геополитически заносить.

– Если вернуться к ним, то среди кучи этого хлама есть бумаги, не чуждые остроте текущего момента и, полагаю, некоторым образом они могут быть связаны с тем, что будет происходить в нашей стране далее. Что имеется в виду? – генерал-майор привычно спросил себя и так же привычно, дав «вводную», стал отвечать. – Первая стопка, самая многочисленная, я бы назвал ее «частная фактология». Принципиального значения не имеет.

– А непринципиальное значение ее, в чем состоит?

– Дискредитация того или иного политика, известного или не очень – из украинского националистического движения. Почти все отошли давно уже в мир иной. Так, запыленные иконы движения. Правда, остались наследники. В свое время было много публикаций подобных документов. Доносов, отчетов, расписок... Ты ж понимаешь, всех убежденных СМЕРШ передавал, из них в лагеря никто не попал. Лагерь или тюрьму, а это, как ни крути, а – жизнь, хоть и гнусная, надо было еще заслужить. Кто выжил в лагерях и вернулся, кто тут остался, это ж все «наши» люди. Строчили друг на друга наперегонки, как со «шмайсеров». Да и нами в свое время целенаправленная работа проводилась по дискредитации

националистического движения. Это сейчас модно стало их мерзости объявлять «энкаведэшными провозаками» в отношении героев нации. Героям слава! А все остальные – пошли на х...!

– Статус кво. Для одних – герои навсегда. Для других – навсегда предатели.

– Вот-вот. Вторая стопка интереснее, хотя во многом не успел разобраться. Повозился со словарем. С английским проще, а вот мой немецкий никогда не был идеален, так что пришлось помучиться, тем более, сколько лет уже не практиковался. Почти все документы связаны с украинскими националистическими военными формированиями. Дивизия СС «Галичина», батальоны «Нахтигаль», «Роланд», «Бранденбург 800», шуцманшафтбатальоны, Украинская Повстанческая Армия, Организация Украинских Националистов – и «бэ», и «мэ»...

– Мельника и Бандеры?

– Они самые.

– А что там может быть интересного? Уже писано-переписано на эту тему, – Александр Васильевич взял верхний документ, взгляд остановился на двух «С», изображенных в виде параллельных молний. – Опять упираемся в проблему менталитета. Для них это всегда будут герои, пусть хоть по пояс в польской или еврейской крови. А для нас герой – Николай Кузнецов, погибший в бою с этими самыми бандеровцами, и генерал Ватутин, которому они в спину стреляли.

– Ты прав, Александр Васильевич, как Редьярд Киплинг...

– «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись»?

– Именно так, – Георгий Петрович добавил себе еще немного янтарного напитка. – Надо опять же смотреть фамилии в этих документах. И тут есть один существенный нюанс.

– Какой именно? – Александр Васильевич допил кофе и отодвинул чашку, намекая, что коньяк он пить не будет.

– Нюанс состоит в том, что до сегодняшнего момента вот это столкновение двух разных украинских менталитетов не стояло на повестке дня. Правящую элиту, клан, группировку, короче, наше руководство, особо не беспокоила тема «украинской национальной идеи». Упала нам независимость, как снег на голову, вот и хорошо. Хватит Москве в глаза заглядывать! Главное, успеть полнее карманы набить. Ну и объяснить популярно, что «Украина – не Россия», не Узбекистан, не Франция и не Уганда. А раз мы – не Россия, то и предатель Мазепа на деньгах не помешает.

– Может, у него какие-то принципы были? Он «универсалы» про незалежность от русского царя рассылал... Пачками.

– Да какие к черту принципы? Отца своей малолетней любовницы убил, а перед тем пытал, где деньги спрятаны, дознавался, кожу сдирал... Всех предавал. И царя, и казаков своих, и Карла предал.

– Что-то мы опять отклонились, – заметил Александр Васильевич. – Кажется, еще в девяносто шестом была создана комиссия по реабилитации УПА и ОУН?

– Это – вторая комиссия. А Верховная Рада еще в девяносто третьем создала депутатскую комиссию по ходатайствам националистов. В девяносто шестом Закон приняли «О правовом статусе ветеранов Великой Отечественной войны» – кажется, так он назывался. Признали ветеранами не только наших солдат, но и вояк УПА, воевавших против немцев и совершивших преступлений против народа. В индивидуальном порядке. Но, видишь ли, им этого мало. Поди, докажи, что ты именно с немцами воевал? Хотя тотальной реабилитации ОУН-УПА, и вообще признания УПА воюющей стороной.

– Хотят и – все. Ни Нюрнберг, ничто им не указ. Хотеть не вредно...

– Видишь ли, – перебил Александра Васильевича Георгий Петрович, – тут сложная игра велась. «Папа» радикальных националистов аккуратно подерживал, как пугало для Москвы, мол, любите меня, единственного, а то придут «бандеры» к власти – мало не покажется. С другой стороны, диаспоре и Штатам приятно делал.

– Балансировал, как всегда.

– Игрался. В девяносто шестом вторую комиссию в свет запустили, уже правительственную с учеными-историками из тех, что вчера руководящую роль КПСС и интернационализм воспевали, диссертации о неизбежности победы коммунизма черкали, а сегодня вдруг экстренно перекрасились и осознали свою национальную самобытность. Хамелеоны, япона мать!

– Насколько я помню, никакого конкретного решения по выводам этой комиссии не принималось?

– Александр Васильевич незаметно взглянул на часы.

– Ну да, несколько лет изучали-изучали и пришли к выводу, что войны без крови не бывает, – усмехнулся генерал-майор. – Хм, решение-то как раз приняли. Предложили всем помириться, а ОУНовцев и УПАшников признать борцами с оккупацией и тоталитарным советским режимом, героями, так сказать, национально-освободительного движения украинского народа.

– Недавно, кстати, анекдот прочитал на тему. «Два мальчика на Западной. Один – а кем работал твой дедушка? Второй – наверное, электриком. А почему? А у него на каске две молнии нарисованы».

– Вот-вот.

– Георгий Петрович, в данном случае ни решения Нюрнбергского процесса, ни показания свидетелей – у поляков, сколько материалов по вырезанным

польским селам?! ни сотрудничество с фашистами, ничто для них не имеет значения?

– У фюрера тоже была масса поклонников. Как и у Сталина.

– Все время упираемся в вопрос менталитета. Хороший индеец – мертвый индеец.

– Так вот, касательно менталитета. Сейчас к власти придут ребята, озабоченные, кроме раздачи долгов и пошлого хапанья, еще и «украинством», украинской национальной идеей в свидомой упаковке. Кто-то – искренне, для большинства – фишка такая, как теперь модно говорить. Но рьяные. Наломают дров.

– Георгий Петрович, но это ж естественно. Что-бы страна состоялась, должна у нее быть и своя национальная идея. Ну, понимают они ее по-своему – однозначно. Я бы сказал, мифологизированно. Сказка про неньку, которой в исторической реальности вроде и не было. Шамбала Карпатская. Подкинули галичанам миф об их украинизаторской «исторической миссии», вот они и постараются воплотить его в жизнь.

– Видишь ли, «хлопцы» считают, что у них лицензия на истину, патент на формирование национальных интересов Украины, право навязывать свои взгляды другим. Если думаешь не по ихнему, не согласен, значит, враг. На гиляку!

– Одни уже воплощали мировую революцию – светлое наше будущее.

– А национальная идея должна объединять страну, народ, а не разделять и озлоблять друг против друга. Украина – многонациональное государство и не нужно строить ее исключительно для украинцев. Титулы раздавать, ты – титульная нация, а ты – не титульная. Извини-подвинься! Лозунг, смотри, придумали – чемадан, вокзал, Россия!

– Это не они придумали, у прибалтов подхватили, – уточнил Александр Васильевич.

– Русские на этой территории – не национальное меньшинство и не оккупанты, а коренное население. Особенно на юге и востоке. Это ж исторический факт. Ни историю, ни географию, ничего не хотят знать! Киевская Русь теперь для них не Русь, понимаешь, а Украина-Русь! А «Тараса Бульбу» взять?! Эх, да что говорить! – Георгий Петрович разошелся, выплескивая эмоции. Понятно, ежедневная телевизионная накрутка и дефицит общения отрицательно сказывались на полном энергии отставном генерале. Жена и та, наверно, уже устала каждый вечер слушать одни и те же комментарии и гневные монологи мужа.

– У турков кто земли отбивал, начиная с восемнадцатого века? – продолжил мысль Александр Васильевич. Он тоже поддался настроению генерал-майора, тем более, что спорить-то им тут было не о чем. Спорили с гипотетическими противниками, находившимися по ту сторону телевизионного экрана.

– А теперь народ поделили. Оскорблений сколько?! Так и до войны недалеко. Вспомни, почти все конфликты начинались с гуманитарных лозунгов? – Георгий Петрович строго погрозил пальцем плазменному телевизору «Sony».

– Прикрытие.

– Но всегда срабатывало. Так что, в очередной раз, возвращаясь к нашим баранам, мое резюме такое. Многим бы не хотелось, чтобы эти документы увидели свет. Национальные герои получают негероические. Хотя по большому счету, все это вчерашние новости. Разве что, так – нежелательные штрихи для некоторых партайгеноссе и камарадов. Тут и участие в акциях против партизан не только на Украине, но и в Белоруссии, Польше, Чехословакии, Югославии. Сотрудничество с Абвером, немцами вообще. Со многим разбираться надо. До утра сидел, но не все успел обработать. Но знаешь, Саша,

для них СС и Абвер не страшны. Страшно то, что с НКВД сотрудничали, на своих стучали. Вот это для них – конец!

– А здесь? – Александр Васильевич положил ладонь на третью стопку.

– А здесь – самое интересное. Родители, Саша, – это святое, особенно там, – Георгий Петрович показал большим пальцем на потолок.

– Жена Цезаря – должна быть вне подозрений?

– И жена. И все остальные.

– Тень на плетень нежелательна. По идее, – уточнил Александр Васильевич.

– Именно. Так вот, очень занимательные бумаги. Противоречий как-то чересчур набирается. Попробуй составить хронологическую таблицу для наглядности. Проанализировать даты, координаты, расстояния. Я вот набросал тут кое-что. Посмотришь на досуге. Нестыковки, конечно, получаются на первый взгляд. И нужна еще информация, чтобы выводы делать. Возможно, найдется всему этому какое-то объяснение.

– Вопрос в том, какое? – Александр Васильевич аккуратно сложил документы в дипломат. – И вообще, даже если тут не одна собака зарыта, у нас ведь дети за родителей не отвечают?

– Не отвечать-то, не отвечают... – генерал-майор задумался. – Но, с другой стороны, яблоко от яблони далеко не откатится... Это может многое объяснять. Взгляды человека, его мировоззрение. Слабые места, болевые точки. Ты понимаешь меня.

– Что ж не понять? На точку всегда надавить можно. Или наступить. Ситуация и без этих бумаг просматривается в определенном ракурсе, – Александр Васильевич поднялся уходить.

– То, что «Збигнев энд компани» его ведут, вне сомнения... Америкосам нужен управляемый буфер, которым они отождмут Россию от Европы. Газопроводы,

опять же я о своем. Насчет документов... Вообще-то, главное не в том, о чем мы тут с тобой травили. Главное... – Георгий Петрович задумался, сосредоточенно потирая переносицу указательным пальцем.

– ...в третьем туре?

– Да, именно в нем. Короче, если сложить всю эту мозаику семейную, эти немецко-энкавэдэшные пазлы, может весьма нелицеприятная картина получится для кандидата. Опубликовать оперативно и шумиху вокруг темы поднять до небес. Ты ж понимаешь, тема для многих болезненная. И не только, даже не столько – у нас. Потратить еще два-три «лимона», зато несколько процентов на выборах можно отбить. Это я гарантирую. Нутром чую, а ты знаешь мое нутро.

– Не без того, – улыбнулся Александр Васильевич. Нутро, а точнее, чутье у Георгия Петровича было знаменитое, как у большой белой акулы, чующей кровь на расстоянии нескольких километров.

– Только действовать надо, а не мотню тягать! Смотреть противно, как их в говно мордами на всех каналах макают, а они все оправдываются и оправдываются! В атаку надо идти! Инициативу перехватывать!

– Ты ж видишь, ребята потухли. Катятся по инерции. Финансирование, по моим данным, фактически прекращено. Сдались. И крысы побежали...

– Да, понимаю я все. Обидно. Допустить такое?! А этим, – генерал-майор постучал по дипломату, – насколько я разумею, предметно у нас не занимались, к сожалению.

– Как – не занимались, если мы с тобой в руках это «предметно» держим?! – Александр Васильевич также в ответ постучал по дипломату.

– Если бы занимались предметно, как положено, как их, засранцев, умные люди учили, порвали бы всех, как Бобик тряпку! Еще в зародыше! И вот этой херни

в стране бы не было! – Отставник-генерал еще раз погрозил пальцем в сторону демократически разбушевавшегося телевизора.

– Ну что, я пошел? – Александр Васильевич двинулся к двери.

– Кстати, возьми. Я отсканировал главное. – Георгий Петрович протянул Александру Васильевичу компакт-диск.

– Спасибо! Это кстати.

Друзья обнялись в дверях. Французский лифт мягко отворил створки, приглашая Александра Васильевича в комфортабельный зеркальный бокс.

Эх, Георгий Петрович, Георгий Петрович, старинный друг и товарищ! Немножко не в той стране мы уже живем, что родились, выросли и возмужали. Для нас это – трагедия и боль, для других – счастье и надежда, для третьих – бабло немереное, для четвертых, учитывая третьих, – нищета и безысходность, а кому-то – все равно, по барабану. Река времени течет в одном направлении, и ничто не может изменить ее ровный неизменчивый бег – ни наползание или отступление Ледника, ни извержения вулканов, ни беспрестанные войны, ни технический прогресс и развитие культуры. И никто – даже Бог.

Глава 7 «Роза»

Заканчивались последние летние каникулы перед выпускным десятым классом. Александр проводил их дома в том смысле, что никуда из родного населенного пункта не уезжал. А смысл? Друзья, речка, овраги и балки, прохладные тенистые рощи, клуб – все здесь, рядом. Минус, конечно, приходилось возиться по хозяйству, но куда деться от неминуемого вечного сельского быта? Лучше уж расквитаться по быстрому и смыться из дома без скандала. Да и «ма» не сильно одолевала хлопца – пусть отдохнет, нагуляется перед серьезной учебой.

По вечерам на ступеньках клуба Александр «играл танцы» – пел и «чесал» на ритм-гитаре. Эпидемия освоения шестиструнки как раз захлестнула подрастающее мужское население. Сашко, в силу упорства характера и сосредоточенности овладел инструментом быстрее и качественнее, чем приятели. Родители всегда задушевно спивали во время застолий, так что голос в числе много другого передался по наследству. Стать новым Валерием Ободзинским, Робертино Лоретти или Эдуардом Хилем перспектива не светила, но для сельских танцев самодеятельных вокальных способностей хватало. И главное, девчонки стали посматривать на юного солиста совсем другими глазами. Это приятно волновало.

ВИА сложился зимой, непосредственно к новому году. Руководил коллективом хударук ДК Андрей Николаевич, присланный осенью после института культуры, молодой специалист. Он же подбирал

репертуар, играл на «ионике» и объяснял доморощенным музыкантам, где чего нажимать, какие «брать аккорды». «Молодым» Андрей Николаевич числился в документах по распределению и в короткой сельсоветской очереди на жилье, а в жизни ему было тридцать или около того, то есть для пацанов он был очевидным «стариком». В отличие от его супруги.

«Женские песни» исполняла двадцатидвухлетняя жена руководителя Роза. Тоже молодой специалист, методистка клуба – худощавая, стройная еврейка с волнистыми каштановыми волосами, карими миндалевидными, как у газели, а скорее – сайгака, так как слегка навькате, глазами. На Розу Михайловну она не тянула, общалась по-свойски, как ровесница старшекласница. Родилась Роза в Крыму. Рассказывала, как бы оправдываясь за ярко выраженную национальность, что в крови у нее много всего мешано-перемешано, вспоминала дедушкины истории про древних хазар и их отдаленных потомков – современных караимов, переселение народов, многовековые гонения, турков, тюрков и даже татаро-монголов. Очевидно, дедушка у нее был исторически подкован. Но внешне, несмотря на все исторические экскурсии, Роза была типичной еврейкой, красивой особенной, непривычной славянскому глазу красотой – восточной, острой, чувственной.

Александра волновали ее полные губы, мраморная кожа, тонкий запах духов. Он представлял вишневые соски на упругой груди и к горлу подкатывал ком, млело внутри. Роза часто снилась ему голой, они ласкали и любили друг друга, а в самый ответственный момент он всегда просыпался, разбуженный юношески неумной, прорвавшейся плотью.

«Девственность» юный певец и гитарист вокально-инструментального ансамбля «Золотой колос» ордена Ленина совхоза им. Ленина Красноводского района потерял на майские праздники. В такие дни на

танцах собиралась не только молодежь, но и многие скучающие и тоскующие молодящиеся селянки, а из мужского контингента – кто мог еще самостоятельно дойти до клуба в вечерний час после всего принятого на грудь за день. Аптекарша, живущая через четыре дома по их улице, попросила провести. Подождала поодаль, пока соберут и занесут в клуб аппаратуру.

Шли медленно, молчаливо. О чем особо говорить-то? Он – еще школьник, а у нее – сын осенью в школу пойдет. Ночь – черная, без звезд, хоть глаз выколи. Только собаки гавкают, одни вслед, другие – за компанию. Перебрехиваются.

– А ты хорошо поешь, – Марина, так звали аптекаршу, то ли погладила, то ли похлопала его по плечу. Вблизи она оказалась моложе, чем ему представлялось. Вполне ничего. Правда, немного крупноватая.

– Хм... стараюсь... – Александр думал о Розе. Как она с мужем тоже идет домой, тот, наверно, обнимает ее за талию. Интеллигент. Это наши пацаны висят у девок на плечах, как половики на заборе. Придут домой. Попьют чай или что там они пьют перед сном. Потом разденутся, лягут в постель... черт!

– «Алешкина любовь» мне очень нравится.

– Что?

– Говорю, «Алешкина любовь» – хорошая песня.

– Да. Ничего...

– И «Нет тебя прекрасней» славная, только старая уже. Я ее еще в институте слышала, в общаге все время крутили.

– Ага... – в его воображении Андрей Николаевич вел себя все более вызывающе. Менял позиции, никак не мог налопаться дурманящим юным телом. Скотина! А Роза тоже хорошая штучка...

– Ну, вот мы и пришли, – Марина остановилась у калитки.

– Ага... пришли, – Александр посмотрел на темные окна.

– Спасибо, что провел.

– Та нема за шо.

– Ну, пока? – она протянула ему руку.

– Пока, – теплая женская ладонь, легко разогнав юношеские фантазии и бредни, источала магическую энергию, вызывая желание. И не было сил ее отпустить. И ноги застыли, не поворачивались и не уходили.

– Ну, я пошла?

– Ага. Иди... те.

– Саша... – она провела свободной рукой ему по щеке. – Саша...

– Что?

– Ничего, – Марина улыбнулась. – Ничего.

– А... а...

– Что? – спросила, словно выдохнула последний воздух из легких Марина.

– Не знаю... я... ну... – слова и мысли стопорились и не высказывались. Ну, как же трудно это сказать?! Что сказать? Что? Ну?!

– Может, зайдешь? Чаю поьем. Хочешь? – вопрос пронзил его током. Огорошили простота, естественность и ясность. Сердце закатилось, непонятно куда. Горло сладко запершило.

– Ну, да... – он бросил взгляд на по-прежнему темные окна. – Хочу.

– Муж в командировке, – развеяла женщина сомнения «юного Вертера». – Он у меня нефтяник. Три месяца, а то и больше на вахте. Нефтеюганск, слышал?

– Не-а.

– Это в Тюменской области. Потом два-три месяца дома. А сын сейчас у бабушки в Кировограде.

– Ага, – он отпустил руку.

– Я кобеля придержу, а ты к крыльцу проходи. Свои, Дружок! Свои. Ну, что ты, хороший мой? –

Марина погладила рычащую овчарку, удерживая за ошейник, пока Александр быстро проскользнул к двери. – Ты держись за меня в темноте. Свет не будем включать, ладно? А то соседи... хорошо?

– Хорошо, – он крепко держался за женскую талию одной рукой. Второй лихорадочно мял грудь, живот, бедра, замедляя общее продвижение в темноте, мучимый мыслью – только б это не произошло до того, до того как...

– Сейчас, сейчас, горячий мой. Не спеши. Вот так, – они, наконец-то, опустили на кровать.

Он еще не успел ничего сделать, а «это» уже произошло. Но молодое ненасытное «это» происходило раз за разом всю ночь. И в дальнейшие ночи тоже.

Любовники соблюдали максимальную конспирацию. Александр по ночам пробирался к женщине через огород. Марина без лишних разговоров выпроваживала его затемно до рассвета – молва ей была ни к чему. Коротких часов не хватало утолить голод, напиться друг другом вдосталь. Отсыпался он на уроках и переменах. Мать заметила, что сын ночью через окно уходит, а утром таким же путем возвращается в постель. Марину «вычислила», но сыну ничего не говорила. Сколько у него в жизни еще будет таких Марин?

Вскоре «курс молодого бойца» окончился сам собой. Сначала бабушка привезла Марине сына, затем и муж вернулся на длительную побывку из Сибири. За все лето виделся с «первым инструктором» всего два раза, когда заходил за лекарствами для матери в сельскую аптеку.

– Мне, пожалуйста, валерьянки и анальгину.

– Вот, пожалуйста, настой валерианы. А вместо анальгина я советую вам купить пенталгин или баралгин. Обезболивающий эффект тот же, но зато не влияет на сердечную мышцу.

- Давайте пенталгин или этот, как его?
- Баралгин. Пожалуйста, с вас...
- Вот. Спасибо.
- Пожалуйста. Заходите, всегда будем рады.
- До побачення...
- До свиданья.

Два быстрых проникновенных взгляда в глаза. И все. Но Марина почему-то не являлась ему в юношеских снах. Снилось Роза. Ее образ преследовал Александра во сне и наяву. Особенно после недавнего случая на танцах. А случай этот преумножил его популярность и авторитет среди односельчан обоего пола.

В субботу на танцах появилась пара приезжих, не блатных, но приблатненных. Цеплялись к девчонкам, громко матерились, хамили напропалую. Тот, что поамбалистее, схватил за руку Розу, когда она проходила по танцплощадке. Улыбаясь, что-то объяснял ей. На сцену девушка прибежала в слезах.

– Он сказал, после танцев со мною сделает... такое сделает... и друг его сделает...

Музыканты прекратили играть. Андрей Николаевич в микрофон попросил гостей вести себя прилично, не хулиганить и, получив в ответ порцию отборного мата, ретировался в клуб звонить участковому. Здоровяк направился на сцену напрямиком к Розе.

– Хорош бузить! – преградил ему путь Александр.

– Та ты утри сопли, пацан, ща заши...

– Нна!!! – коротко, снизу вверх, почти без замаха Александр ударил верзилу прямо в нос, костяшками почувствовав, как проминаются под кулаком хрящи и тонкие носовые кости.

– А-ах!!! – от удара, жуткой боли и неожиданности верзила навзничь рухнул на отполированный подошвами асфальт площадки. Лицо, шея, рубашка обильно залились алой кровью.

Дружана в панике мелко засуетился вокруг поверженного кореша. Принесли ведро воды. Кое-как обмыли пострадавшего, усадили на скамейку. Нос у него явно был сломан, но от больницы, пришедший в себя здоровяк, отказался. Посидел, очухался. Пообещал «привести завтра толпу», «отмахать все село», «девок вздрючить», а «малого грохнуть ваще», расцветив для убедительности свои обещания многоэтажными матерными конструкциями. Говорил он негромко, хлюпая красной юшкой, утирая ее, неизвестно откуда взявшимся белым вафельным полотенцем. И удалился в темноту, поддерживаемый своим притихшим другом.

«Малый» в это время сидел на колонке. Вернувшийся к «шапочному разбору» Андрей Николаевич, сообщил, что, в конце концов, дозвонился до участкового, но тот, впрочем, так и не появился. А Роза в порыве благодарности обняла и несколько раз поцеловала героя, причем, не только в щеки. И посмотрела на него совсем не так, как раньше, словно увидела другого человека. Давид, сразивший Голиафа. Наверно, сведущий дедушка рассказывал ей эту историю. Или читала.

Танцы в воскресенье решили не отменять. Укомплектовались арматурой, штакетником, кольями, самодельными стрелковыми «поджигами» с дробью. Но «толпа махаться» не пришла, как и на следующие выходные. Приблудные хулиганы вскоре забылись, а слава «первого бойца» за Александром осталась.

Специально боксом он не занимался. В школе в соответствии с установками районо делался упор на игровые коллективные виды спорта, и Сашко играл за футбольную сборную школы правым «хавом», полузащитником. А дома во дворе висела самодельная «груша», имелся турник и кустарная штанга. Качался. И поколачивал «грушу». Особенно тщательно отрабатывал удар снизу вверх. Короткий и резкий,

почти без замаха. Прямо в нос. Опыт детских и юношеских потасовок показал, что, не обладая гренадерской комплекцией, все проблемы надо решать сразу и радикально – первым же ударом. Возможность нанести второй может и не представится. А нос – самая уязвимая точка. И болевая, и вообще обилие крови всегда вызывает панику.

Среди недели встретил Розу в продмаге. Поболтали о том, о сем. Роза все вспоминала субботнюю стычку. Сашко скромничал, мол, «так получилось». Расставаясь, Роза неожиданно посетовала, что нет, дескать, в продаже свежей рыбы, а так хочется. Не вопрос. Сашко метнулся к Вильке. Кинули сетки в мешки, и на воду.

Самое рыбное место под мостом, но и самое строгое. С удочкой не всегда постоишь – инспектор гоняет, мол, нерестилище, ямы. А какое нерестилище в августе? Быстро посыпали сеть, перегородив реку. Днем. У всех на виду. Сплавились вниз, где протоки. Второй сеткой окружили камышовый островок. Поднялись к мосту. Споро вытянули сетку с попавшимися рыбешками. Снова спустились вниз к протокам, поверх сети прошли внутрь камышового островка. Пошерудили кругом веслами, что есть силы. Также оперативно подняли сеть в лодку – на этот раз улов оказался прибыльнее. Билась, окутывая себя нитями, приличная щука.

На «лодочную» не пошли, понимая, что после моста инспектор кинется именно туда. Ему, поди, уже доложили, что какие-то ухари среди бела дня вторглись с сетями в самую, что ни на есть вотчину. С такой наглостью и подрывом служивого авторитета бороться надобно нещадно. Выжигать каленым железом.

По тайной, вырубленной в плавнях протоке, тихонько подошли к берегу. Без шума и пыли, а главное – лодочного стука, легко передающегося по воде, втихомолку выпутали рыбу в мешок, спрятали в

камышпах сетки. Закоулками и огородами доставили ценный груз в барак, переделанный под семейное общежитие. Здесь, в ожидании типового совхозного домика с прирезанными пятнадцатью или тридцатью сотками земли под помидорчики, картоплю, чи сонячник, семья носителей культуры занимала целых две комнаты и имела отдельный вход с торца, что в данном случае было немаловажно. На стук открыла Роза.

– Куда? – Сашко кивнул на мешок.

– Не знаю... Наверно, сюда, – она посторонилась.

– А что там такое? Кукуруза?

– Почти, – он занес мешок внутрь.

Две комнаты, расположенные одна напротив другой, разделялись коридором, отгороженным от общего, импровизированной фанерной перегородкой от пола и до потолка. Этот кусок коридора служил кроме всего прочего еще и прихожей, и кухней, и ванной. За неимением лучшего варианта, Александр высыпал трепыхающуюся рыбу в ванну.

– Боже мой! Это что такое?! Зачем?! Мальчики, да вы с ума сопли!!! – удивление, восторг и смущение смешались в ее вскрике.

– Рыбу заказывали, получить – распышиться. Щикарно! – Виля тоже зашел вслед за другом и самодовольно улыбался, наблюдая произведенный эффект. Перл Элочки-людоедки из «Двенадцати стульев» он произносил с одесским прононсом Бубы Касторского из «Неуловимых мстителей», щеголяя словечком к месту, а чаще – не очень.

У Розы было не просто отношение к рыбе, как продукту питания, богатому белками и витамином А. Рыба это – нечто большее, чем еда. Приготовление – ритуал, а поедание рыбы – почти священное действие. Во всяком случае, не бутерброд с колбасой проглотить на ходу или картошку пожарить. Опять же, семейные или национальные традиции. Тут уже, наверно, постаралась бабушка.

Повосхищавшись и повозмущавшись какое-то время, Роза настояла, чтобы часть улова мальчики забрали, а то пропадет. Хранить все равно негде, холодильничек маленький. Соседям раздать – ненужная информация, ребят можно подставить. Поблагодарила и пригласила на рыбный ужин на восемь вечера. Почистит рыбу и приготовит, а ребята пока приведут себя в порядок.

Сашко на обратном пути был задумчив. Что-то Андрея Николаевича не видно было. Вышел куда? Ужинать в компании худрука ему совсем не улыбалось. Эх, надо было спросить у Розы... Как она поцеловала его в субботу?! И сейчас... Губы мягкие, теплые, вкусные такие... А с Вилей, лучшим другом, что делать? Тащить с собой?

– Ну, ты пойдешь? – Сашко равнодушно ковырялся спичкой под ногтями.

– Та шо я рыбу нэ йив? – Вилька пожал плечами. – Чи забув, сьогодни ж з чапльнськими у футбол гуляем.

– Точно, у меня якость вылетело про футбол. И перед Розой...

– Ни, ты дывись сам, бо якость невдобно. А замисть тэбэ и Льончик с задоволеннем побигае.

– А ты?

– А шо я? У воротах хто мене заmine? А вона приготувала, чекать будэ.

– А шо ей нас ожидать? У нее Андрей Николаевич...

– Шось нэ бачив я того Андрия Миколаича. Мабуть, чухнув дэсь.

– К вечеру причухает, – не скрыл досады Сашко.

– О-го, хлопчисько, на шо це ты замахнувся, скаженьий?

– Ни на шо такое я не замахнувся... Скажешь пацанам, ногу пидвирнув.

Ровно в восемь Сашко сидел за обильным рыбным столом. Уха с тузлуком – отдельной приправой из толченого чеснока и черного перца, чего-то еще острого и ароматного. Карасики и окуньки жареные. Щука фаршированная. Когда она успела все это приготовить? И зачем так много?

– А где же твой товарищ? Он придет?

– Нет. У Вильки сегодня игра важная в футбол.

– Ты, кажется, тоже футболист?

– Да, есть такое дело. Но у меня сегодня нога болит.

– Что-то я не заметила, – улыбнулась Роза.

– Болела, но уже прошла. Я таблетку принял обезболивающую. Баралгин – новое лекарство. Обладает хорошим эффектом.

– А-а. Понятно... Что это за имя такое – Вилька?

– Вообще-то, он – Вениамин – Вельямин – Виля или Вилька.

– Вот, – Роза поставила перед ним тарелку с ухой. – Приправу добавляй по вкусу.

– А больше никого не будет? Может, подождать...

– Андрюша к родителям уехал. Только в субботу вернется. Приятного аппетита.

– Смачного... – Сашко смутился, опустил голову и сосредоточился на ухе. Покраснел от собственных мыслей.

«Уехал! Уехал! Уехал!»

– Хочешь вина?

– Можно.

Роза достала из холодильника начатую бутылку красного. Выпили по полстакана. Вино оказалось терпким и кисловатым. Налила еще.

– Ты пил на брудершафт?

– На что?

– На брудершафт – на дружбу. Руку делают вот так, – она поднялась, завела свою руку за его и пригубила вино. Сашко тоже отпил глоток.

– И все?

– Нет... Теперь надо поцеловать друг друга и стать друзьями на всю жизнь, – Роза быстро чмокнула его в щеку.

Сашко медленно притянул ее за талию. Девушка не сопротивлялась, но, изгибаясь, отклонялась от него. Запрокинув голову, смотрела прямо в глаза. Он бережно обнял ее плечи. Прижался губами к губам. Они призывно раскрылись ему навстречу.

Роза оказалась невероятно страстной натурой. Она громко стонала, звала маму, чье присутствие в данном случае было совсем необязательным, бессвязно выкрикивала что-то, успевая кусать грудь и плечи юному партнеру, царапала ему ногтями спину. Он пытался закрывать ей рот ладонью, она кусала ее и продолжала распространять пикантные звуки сквозь тонкие переборки сухопутного, населенного сельской интеллигенцией, дредноута.

– Только не туда! Только не туда! – Вспомнила Роза и произнесла осмысленную фразу.

– Уже...

– Что – уже?!

– Уже – туда...

– Ах ты!... – она выскочила из кровати, минуты три плескалась с тазиком в коридорном отсеке, прыгала, как на физкультуре, поставив руки на талию. Затем вернулась в постель – возбужденная, ненасытная, неугомонная, шумная и травмоопасная. Часа в три ночи проголодалась. Как и он.

– Ну что, рыбачок, продолжим наш кошерный ужин?

– Какой-какой?

– Кошерный, это по-нашему – правильный.

– А разве еда может быть правильная или неправильная?

– Конечно. Есть пицца чистая, а есть нечистая, которую запрещено употреблять. Ну... у нас.

– Кто ж это тебе запрещает?

– Ну, традиции... – Роза задумалась, не спеша пережевывая рыбную плоть. Чистую. – Свинина, кстати, считается нечистая.

– А я сальцо люблю! – Сашко с аппетитом расправлялся с небольшими жареными карасиками. Щелкал их как семечки.

– Я тоже, особенно ветчину какую-нибудь.

– Ма карасей в сметане жарит – пальчики оближешь!

– Я так не делаю. У нас нельзя смешивать рыбное или мясное с молочным.

– И ты так строго всего этого придержишься? – он отрезал кусок фаршированной щуки. Объеденье! Особенно в три часа ночи. Особенно после всего...

– Нет, конечно. Бабушка с дедушкой старались соблюдать, родители – так себе, а я и подавно отошла от всего. И Андрюша не приветствует.

– Ясно, что рыбу любишь – она в воде плавает, вся чистая. Кошерная, да?

– А вот и нет. Кошерной считается только рыба с чешуей и плавниками.

– Как это? А сом?

– Сом – некошерный. И даже осетер.

– Ха! А икра, что – тоже некошерная, нечистая?!

– Да. Нечистая. Черная – некошерная, а красная – кошерная.

– Ерунда какая-то с вашей кошерностью. И кто это так решил?

– В Торе написано.

– Где-где?

– В Торе – книге из Ветхого Завета.

– Просто написано – и все? Это можно, а это – не можно?!

– Да, так и написано.

– Ну, вы даете! Там еще про Соломона и Моисея, да?

– В общем, да. И про них тоже.

– Вот, чудак! Преданья старины глубокой...

Сашку были непонятны и странны какие-то допотопные правила в наше время. Но Роза совершенно не собиралась доказывать верность древнего гастрономического уклада своего народа. Честно говоря, она и сама в его правильности сомневалась. Они утолили желудки, а молодые неутомимые тела требовали любви, любви и любви. В клубе, в акациевой посадке, в окраинных кущах – везде, где удавалось уединиться за неполных три дня.

В субботу вернулся Андрей Николаевич. Ему, конечно, все донесли ехидно-доброжелательные соседки. Александр был немедленно отчислен из ансамбля, так как школьник по какому-то постановлению должен был находиться дома с родителями после девяти вечера, а не подвергаться тлетворному влиянию улицы в темное время суток.

Вскоре началась школа. Розу он практически не видел. В ноябре на каникулах всем классом ездили в Минск и Брест. Осматривали Брестскую крепость и места боевой славы, памятники, музеи. Вернувшись, Сашко узнал, что Андрей Николаевич и его жена уехали, перевелись на работу в другое место. Это был удар.

Александр страдал. Ночью неловкие слезы душили его. Отчаянье сжимало сердце. Он любил Розу. На самом деле, по настоящему. Реминисценции короткого, но большого и яркого чувства остались на всю жизнь. Комета сверкнула и исчезла, а память об этой вспышке осталась. Обожгла. Лет десять-пятнадцать спустя даже пытался пару раз отыскать ее. Поверхностные запросы ничего не дали, а довести дело до конца помешала работа, командировки, текучка и напряженка. Гораздо позднее, все же «отработав вопрос», узнал, что супруги Кравченко – Андрей Николаевич и Роза Михайловна

(девичья фамилия Фишман) вместе с сыном Александром отбыли на постоянное место жительства в Израиль. Но это произошло много позже. А тогда он мучился, переживал, казнил себя, что все так произошло. Не в том смысле, что произошло, а что происходило шумно и очевидно, слишком откровенно и вызывающе для небольшого патриархального населенного пункта. И Роза уехала...

Его и так высокий среди сверстников и не только авторитет поднялся на еще один, теперь уже просто запредельный уровень. Перед Новым годом Александр случайно столкнулся на улице с аптекаршей Мариной. Муж уже недели две как борется с вечной сибирской мерзлотой. Сын рвется на зимние каникулы к бабушке и дедушке — у него там закадычные друзья. Александр не возражал. Ночной маршрут он помнил.

Глава 8

На службе все было, как обычно. Не как всегда, а как в эти декабрьские дни. Тревожно, суетливо и безалаберно. Строгому функционированию, четкому маневру даже внешне уже никто не пытался соответствовать. Служба жила одним днем, скорее даже, одним моментом.

«Снайперы на крышах!!! Они сейчас будут стрелять по демонстрантам!!!»

«Беркуты», «Соколы» и прочие укркоммандос мчались на крыши, но там их встречали лишь перепуганные голуби и стражи ушедшей эпохи – бетонные статуи соцреализма, десятилетиями выглядывающие светлое будущее в грядущей дали.

«Во дворе Кабмина – российский спецназ!!!»

«К Киеву подходят эшелоны с бронетехникой!!!»

«В Жулянах приземлились самолеты с десанниками Псковской дивизии!!!»

«Уголовники из зон Донбасса досрочно освобождены, вооружены и приближаются на специальных поездах к миролюбивой и беззащитной столице!!! Киевляне, готовьтесь к погромам, киевлянки – к изнасилованиям!!!»

Служба отработывала все месседжи, даже самые нелепые. Иначе было нельзя. В преддверии близкой смены власти недоработки и равнодушие в отношении революционеров были недопустимы. Служба и так себя по самые помидоры показала. Не отмываться и не откреститься. Проштрафившиеся экстренно готовили запасные аэродромы, на которые можно было

комфортно приземлиться или, в крайнем случае, аварийно катапультироваться до того, как заработает новая метла, жаждущая справедливого возмездия и наказания. Отмщения.

В семи местах велась дистанционная запись происходящих в центре Киева событий с выходом изображения на экраны в Министерстве внутренних дел и Службе безопасности. Майдан с наибольшим количеством камер, Центральная избирательная комиссия, Европейская площадь, Кабмин, администрация Президента, Верховная Рада. Седьмое место съемок было предельно засекречено, и его мало кто знал.

Забавная история происходила в Кабинете министров. Митингующие заблокировали вход и не пропускали в здание ни министров, ни технический персонал, никого из слуг и прислуги «преступного режима».

«Геть! Владу геть! Ганьба! Ганьба!». Бочки грохотали, знамена полоскали на зимнем ветру, и только один министр Кабинета министров импозантный мужчина Толстоухов появлялся каждое утро в своем кабинете и задерживался в нем допоздна, раздражая зажженными окнами и персональным упорством демонстрантов, полагавших, что чиновник ночует в Кабмине. Но министру вовсе не обязательно было проводить дни и ночи в своем кабинете.

Александр Васильевич знал, что здание это первоначально строилось для НКВД, вниз уходит почти столько же этажей, что наверху. Имеет множество хитрых входов и выходов – пеших, автомобильных и даже железнодорожных. В метро и разные, порой неожиданные, места. Только старые, уже редкие в наше время, чекистские кадры могли помнить замысловатую сеть подземных коммуникаций и не всю, а только лишь часть ее. Запасы еды, воды, одежды и всего остального в подземных складах «на период Чрезвычайного положения»

заложены и сейчас по меркам еще того военного времени. Позволяют прожить под землей кабинету в полном составе в течение двух невеселых лет. Бомбоубежище – с прочностью, выдерживающей прямое попадание ядерной бомбы.

С подземными катакомбами киевского Кабмина может сравниться разве что запасной пункт Генштаба Вооруженных Сил СССР, расположенный в Крыму в одной из известных, любимых туристами гор, уходящий в толщу земли на двенадцать этажей. Там самая скромная дверь весила и сейчас весит двадцать пять тонн. Империи могли себе позволить и пирамиды, и пункты Генштаба. Три года после смерти Сталина пустовало в Киеве новое отстроенное здание, и только Хрущев решился отдать его украинскому правительству.

Эфир был переполнен политикой и «техническими приспособлениями» к ней. Все писали всех. И все всех посылали. Борьба с этим фактически было невозможно. У партий, банков, холдингов имелись свои охранные структуры, разведки и контрразведки.

Александр Васильевич привычно дал отделу текущие установки. Основное – контроль на улицах, в среде партий и организаций – кто что планирует и замышляет. Агенты должны отрабатывать максимально, остужать горячие головы, информировать, предупреждать. Исключение провокаций и любых столкновений, выявление лиц, имеющих оружие и готовых его применить. Документирование контактов и действий сотрудников иностранных спецслужб. И т. д. и т. п. Выявление, профилактика, стабилизация, фиксация.

Но в целом обстановка не была такой экстремальной, как в первые майданные дни и ночи. Ситуация переломилась. Неизбежность победы «оранжевой» революции не вызывала сомнений и, в принципе, бесчисленный люд можно было распустить

по хатам и «полонынам». Но, ясно было, что никто с этим многочисленным «джокером» не расстанется до окончательной и безоговорочной победы демократии, сколько бы ни стоила круглосуточная су-пермассовка.

Звонил Сергей Николаевич. Хочет срочно встретиться. Волнуется. Генерал тоже волновался. Он кожей чувствовал сгустившееся внутреннее напряжение, плотный воздух кабинетов и коридоров, хотя о нападении на курьера и похищении документов никто нигде не говорил, словно ничего не произошло. Ни намека. А прошло уже почти два дня. Но генерал чувствовал, что поиск идет, не может не идти. Вот то, что он к этому поиску не подключен – плохо. Не входит в круг доверия. Причем, давно. Значит, висит на крючке. Во всяком случае, его персону тоже обрабатывают по этому делу.

«Советую вам подумать о дальнейшей работе».

«Спасибо. Подумал».

По Саперно-Слободской Александр Васильевич спустился к транспортной развязке, миновал метро «Выдубичи» и ретрансляторные вышки, проехал под железнодорожным мостом и въехал, как гласила надпись на стенде, в «региональный ландшафтный парк городского значения «Лысая гора». Надпись строго «забороняла згідно чинного законодавства» повреждение и уничтожение деревьев, кустарников и травяного покрова, организацию стихийных мест отдыха.

Генерал и не собирался покушаться на спящую природу или стихийно отдыхать, он только властно махнул рукой охраннику в будочке и тот оперативно метнулся открывать шлабгаум в нарушение запрета проезда и стоянки автотранспорта. Жест и уверенность водителя «внушали» и не вызвали желания удостовериться в его праве проезжать, где вздумается.

Зимой Лысая гора и ее дебри посещались публикой редко, а вот в теплое время обильный травяной покров заповедной и знаменитой вершины активно повреждали многочисленные историки и студенты, сатанисты и новоявленные язычники, банальные любители пикников и грибники, диггеры и одухотворенные, но слегка вольтанутые поклонники Михаила Булгакова. Ведь именно на этой горе собирались ведьмы на свои славные шабаши. Именно сюда прилетала, намазанная волшебной мазью, булгаковская красавица Маргарита.

Кроме основного своего предназначения как места сбора разнообразной нечистой силы, Лысая гора несет на себе остаточные следы многочисленных фортификационных сооружений разных времен. Редуты, отстроенные в девятнадцатом веке после Крымской войны, насыпные валы, арочные кирпичной кладки туннели с боковыми штольнями. Призванные защитить город от неприятеля с юга, укрепления использовались по своему прямому назначению только во время Великой Отечественной войны. Здесь же на горе стоят неохватные тысячелетние дубы, ровесники Киевской Руси, Владимира, Святослава и Олега. Дубы, простоявшие долгие века, пережившие междоусобное братоубийство, Батыя, Витовта, поляков, Романовых, коммунистов, и обгоревшие от рук современных, не помнящих ни родства, ни предков, вандалов. Огибает Лысую гору не менее примечательная, но пришедшая в полный упадок и непотребство речушка Лыбидь, терпеливо ожидающая своего очищения и возрождения, помнящая казацкие «чайки» и драккары варягов. Лыбидь – в честь сестры трех братьев – основателей Киева – Кия, Щека и Хорива. Александр Васильевич с удивлением узнал много лет назад, что имя Лыбидь происходит не от очевидного вроде бы «лебедя», «лебедушки», а от древнего «лыбиться», улыбаться. Очевидно, сестричка у

братцев была веселая, улыбчивая. Для тогда еще лейтенанта госбезопасности подобная этимология не представлялась убедительной, но известный специалист по Киеву, историк и этнограф, утверждал именно так.

Генерал и полковник изредка встречались у подножия Лысой горы. Беседовали, бродя по дорожкам и тропам, окруженные буйной зеленью и историческими артефактами. Никаких особых конспиративных мотивов в том не было. Просто оазис среди городского бетона.

«Тойота» неспешно проехала вверх по узкой полосе асфальта, перешедшей в гравий, развернулась, сдала назад. Сергей Николаевич уже ждал. По сырой, заснеженной дорожке углубились в оголенную, неуютно-зимнюю чащу. Телефоны, естественно, как всегда в таких случаях, оставили в машинах.

– Игорь сегодня на работу не пришел, – полковник закурил.

– Это?...

– Водитель «Шкоды».

– А что о нем конкретно известно? – генерал сжал пальцы в кулак. Косточки побелели.

«Вот оно и началось, а ты волновался, что слишком тихо все, если не считать революции».

– Жена говорит, как обычно, без пятнадцати восемь вышел из дома, – Сергей Николаевич посмотрел на часы. – Двенадцать уже. Мобильник не отвечает. Полная тишина. Как сквозь землю провалился.

– Сколько еще человек было задействовано? – Александр Васильевич знал, что всего «орлов» было четверо. Трое «гаишников» на «Шкоде» и один на «Газели».

– Виктор и Паша – с Игорем. И Миша – в «Газели», но он не в курсе. Стоял, ждал указаний. Потом получил команду – поехал в Борисполь самолет встречать.

– Это хорошо, что он не в курсе. Хотя, сопоставят время, место... Тоже прессовать парня начнут.

– Ну, да... – полковник щелкнул зажигалкой, прикурил очередную сигарету. – Всякое может быть.

– Где ребята сейчас?

– Миша на службе. Виктор и Павел со мной. Недалеко тут, – уточнил Сергей Николаевич. – Ждут. Игорь молчит. Ну, я говорил уже...

– Уже знаю. – Александр Васильевич задумался. Какое-то время шли по хрусткому, обледенелому снегу молча. – Какие предусмотрел варианты?

– Есть вариант – ребятам лечь на дно, исчезнуть. Самим или даже с семьями. Все подготовлено, если...

– Это слишком наглядно. Сразу выкладываем все карты – берите тепленькими прямо в постели.

– Я тоже так думаю, – согласился полковник.

– Надо время выиграть. Запутать ситуацию. Намутить. Что ж мы стрелки-то на себя сами будем переводить? В командировку их подальше пошли. Есть такая возможность?

– Да. Такой вариант предусмотрен. Все подготовлено. Могут ехать прямо сейчас.

– Куда отправляешь?

– В Крым. Там как раз напряженка с татарами. И выборы, и самозахваты. Усилим состав. Хотя, в основном, наоборот – к нам сейчас едут.

– Ничего. Нормально. Вот и отправляй туда ребят. В Крыму всегда ситуация сложная. Пусть сидят там, командуют и побольше ажиотажа вокруг себя создают, шума, короче, активного движения.

– Понятно, так и сделаем, – полковник был доволен, что правильно все рассчитал.

– И контакт держи. Чуть что – упали на дно. Там есть, где упасть «орлам»?

– Само собой. Конечно, есть.

– Продумайте легенду. Ну, и при необходимости – к братьям-славянам.

– Такой вариант тоже предусмотрен на самый крайний случай, – полковник опять потянулся за куревом.

– Слушай, Сергей, ты что-то много куришь в последнее время?

– Это нервы, Саша. А затынулся, вроде и отпускает. А тебя что, не тянет?

– Первое время, как бросил, тянуло. Года два. Даже снилось, как затягиваюсь, медленно дым выпускаю. А потом, как отрезало.

– А я два раза пытался бросить. Месяц, другой, а как понервничаю, так сигарету хватаю... – махнул рукой полковник.

– Не время еще так нервничать. Кстати, тебя документы интересуют, из-за чего весь сыр-бор разрумянивается? – Александр Васильевич повернул назад к машинам.

– В некоторой степени – да, – усмехнулся Сергей Николаевич. – Я, вроде как, не посторонний в этом деле. «Коза ностра» – наше дело. Общее.

Генерал подробно рассказал о содержании попавших к ним документов. Что-то еще неясно, не переведено, но в целом картина вырисовалась вот такая.

– Ммда... – удрученно покачал головой полковник. – Это – халепа, Саня! Вместо обеспеченной старости, блондинок и яхт, короче, полного пакета в награду, будем теперь, как зайцы по снегу скакать. Экспроприаторы, еханный бабай! Борцы за идею! И что нам делать с этими военными трофеями? Подпалить и сжечь?

– Всегда можно успеть. Дело нехитрое. А бумаги эти очень даже кому-то будут нужны. И очень важны. Даже знаем, кому, да?

– Знать-то знаем, а вот толку от нашего знания? – полковник усмехнулся. – А может, наплевать на все и отдать на публикацию?

– Нет! – отрезал генерал. – Думаю, не возьмут, побоятся. Внутренне ребята уже сломались. Это, во-первых. Во-вторых, себя подставим – как ни маскируйся, а кто-нибудь да сдаст, чтоб выслужаться. Ты ведь не собираешься из страны уезжать?

– Не собираюсь... – пессимистично произнес полковник. – Куда уезжать?

– Я тоже не собираюсь. Вот и не рефлексируй. И работать мы с тобой хотим, «скажи, Серега»? – Александр Васильевич похлопал товарища по спине.

– Говорю...

– Это было, в-третьих, а в-четвертых, может, ты хочешь продать документы?

– Н-н...

– Что-то ты не уверен, полковник?

– Не уверен... – Сергей Николаевич сосредоточенно замолчал. – Не уверен, что цену хорошую дадут, чтоб действительно хватило, если валить отсюда придется.

– А не хочется?

– Не хочется. И что?

– Пока – ничего.

– Россияне, – отрывисто произнес Сергей Николаевич.

– Что – россияне?

– Думаю, им это будет интересно, учитывая взаимную нелюбовь. Прозондируешь?

– Сомневаюсь, во всяком случае, в данный момент. Ты же видишь, они вообще демонстративно в сторону отошли после поздравлений и всего этого оголтелого шума. Не захотят связываться, чтоб не завоняло в очередной раз. И что тут осталось? На дни счет идет.

– А на перспективу?

– На перспективу будем посмотреть. Возьми, – генерал протянул полковнику диск. – Здесь все самое важное. Пусть у тебя тоже будет.

– Самое важное – самым отважным, – Сергей Николаевич положил диск в карман.

– Папка с файлами просто так не откроется. Пароль «Маргарита» с большой буквы.

– Почему именно «Маргарита»?

– Лысая гора. Она сюда прилетала.

– Логично. Запомнил.

– Вот и хорошо, – настроение и так неважное, ухудшилось еще. Генерал молча шел к машине.

А на что они рассчитывали? Получить номера счетов и шито-крыто перегнуть суммы с изрядным количеством нулей? Это не так просто, как в кино показывают. Нужны хакеры высшего пилотажа, чтобы повернуть подобные операции. Хакер – он тоже человек, ему семью кормить надо. Человеческий фактор. Что знают двое, то знают все. Счета, нули, хакеры, чистильщики – так можно и забыть, с чего начинали. Погрязнуть. А начинали они, кажется, с обостренного чувства собственного достоинства и большого внутреннего протеста. Поддавшись революционному раздору и ажиотажу, они, конечно, нагусарили, впали некоторым образом в мальчишество. Показали кое-кому «кузькину мать»! Поиграли в войнушку. И доигрались. Доказали самим себе, что они таки крутые парни. И влипли. Причем, конкретно. А если бы в дипломате все же находились выделенные счета? Тогда было бы хуже. Еще хуже.

– Я вот думаю, – прервал паузу Сергей Николаевич, – почему Игоря так быстро вычислили? Машина – левая. Вряд ли водитель и капитан его запомнили. Он ведь из машины-то и не выходил. Спутник?

– У нас спутников нет, – Александр Васильевич посмотрел в небо. – Россиянам нет смысла суетиться. Американцы?

– А что? Как раз нормально. Вспомни, когда ракета самолет сбивала над Черным морем, они снимки уже через несколько часов передали, чтобы без

ненужного «ля-ля». А то наши деятели напрягаться начали, мол, я не я, ракета не моя, двадцать километров... Хотя, масштаб события не тот. Это ж не ракета, – засомневался полковник.

– Это гораздо больше, Сережа, чем ракета. Это важная для них страна и в целом ситуация. Так что, контролируют очень внимательно.

– И что тогда получается? – Сергей Николаевич снова потянулся за сигаретой. Вытащил, помял ее между пальцев, понюхал, вернул в пачку.

– А получается, что фантазируем мы с тобой много.

– Ты о чем?

– О том, что, скорее всего, видеочамера зафиксировала «орлов» твоих на перекрестке. А мы голову напрасно ломаем.

– Там не пишется. Я наводил справки.

– Там УВД рядом. Поставили камеру, и никого не спросили. Тем более, спуск к Майдану, центр. Место козырное. Просматривается хорошо.

– Наверно, – разочарованно согласился полковник.

Генерал сам давал команду заблаговременно установить видеочамеры напротив входов в штабы многих политических партий, за исключением явной мелюзги. И что характерно, после второго тура иностранные послы, военные атташе, секретари посольств, торговые якобы представители ходили туда, как к себе домой, совершенно не стесняясь и не боясь быть обвиненными «во вмешательстве», не утруждая себя прикрытиями и рутинной секретностью. Пошли ва-банк, прекрасно понимая, что сила и время на их стороне.

Глава 9

Втринадцать тридцать Александр Васильевич собрал на экстренное совещание руководителей отделов. Они теперь проводились часто и обязательно одно вечером или ночью. Других, несрочных, в последнее время не было. Доклады о текущей обстановке и принимаемых мерах, согласование действий. Доложили. Согласовали. Деловито и немногословно обменялись информацией, стараясь не выражать личное отношение к происходящему.

Выступления докладчиков походили на рассказ спортивного комментатора, например, о результатах очередного футбольного тура во Франции – беспристрастность и объективность, даже некоторая отстраненность. Мол, наше дело государственное, чтобы страна, порядок, высшие интересы, понимаешь. Безопасность. Мы не отдельным политикам, а народу служим, о нем печемся денно и нощно. Да, ребята держат носы по ветру, улавливая не только изменения направления, но и отдельные составляющие нынешнего декабрьского дутья – влажность, сухость, температуру воздушного потока, усилия различных политических сил в создании этой, омывающей Киев и страну, конвекции.

Получили в очередной раз директивные указания оказывать всяческую помощь и внимание руководителям революционного процесса. Приезжают европейские делегации и отдельные видные деятели, прославленные демократы – обеспечить их вниманием со своей стороны, как положено по инструкции. Разошлись.

Руководящее звено со службы практически не отлучалось. Многие ночевали в кабинетах, благо условия позволяли. Утренний кофе, после бритья, услужливо подавался верными ординарцами, референтами, секретаршами. Душ, свежие рубашки, носки, все было предусмотрено.

Генерал позвонил домой. Дочь уныло томилась возле телевизора – это днем. Вечером допоздна Ольга обычно «гуляла» в Интернете. Ирина еще в клинике. Звонить жене на работу не стал. Потом, когда вернется домой. Расслабился, закрыв глаза, на минутку другую в уютном кожаном кресле кабинета. Сосредоточился. Достал чистый лист бумаги. Компьютер пусть отдыхает, не для него тема.

«Начнем составлять таблицу хронологических и географических противоречий».

Аналитический труд прервался очередным назойливым телефонным звонком.

– Шевчук! – раздраженно рыкнул он в трубку.

– Олександр Васильович? Це майор Костишин. Термінове повідомлення.

– Слухаю, майоре! – если собеседник обращался к нему на украинском, генерал автоматически переходил на суржик, привычный с детства.

– Полковник Романенко годину тому потрапив в аварію на мосту Патона. Зараз він знаходиться в реанімації в Головному воєнному клінічному госпіталі.

– Як він?

– Стан тяжкий. Поки що до тями не приходив.

– А що трапилося на мосту?

– Автомобіль полковника зачепив огорожу й кілька разів перекинувся.

– Сам?

– Так, на самоті був.... Подушки безпеки значно вплинули....

– Сам перевернувся, спрашиваю? Или столкнулся с кем-нибудь?

– Достеменно поки невідомо. Зараз ситуація з'ясовується.

– Свідки якісь є? – генерал начал убирать бума- ги в дипломат.

– Хтось є....

– Що ще відомо?

– Це все.

– Спасибо, майор, – генерал положил трубку.

Та-а-ак... так-так-так... так-так...

Александр Васильевич вызвал майора Прокопчука – руководителя отдела по контролю за молодежными и студенческими организациями. Поручил поехать на мост, разобраться, что случилось, пообщаться с гаишниками максимально плотно, самому осмотреть машину, где она сейчас находится, ограждение моста. В восемнадцать ноль-ноль доложить. Там, разумеется, будут люди из «внутренней безопасности», их зона ответственности – их кадр пострадал, но Геннадий парень смышленный и шустрый. Найдет, что сказать.

Генерал ценил молодого, перспективного сотрудника за находчивость, веселый характер, хватку бультерьера. Если что-то поручить, вывернется, а скорее, всех вывернет наизнанку, но добьется своего, получит искомый результат. И сейчас генерал не отправлял его на дежурства, рейды, работу с массами. Держал при себе на всякий пожарный случай, который имеет обыкновение случаться гораздо чаще, чем ожидаешь. Тем более, работы как раз с молодежными и студенческими организациями было невпроворот. Считаю, у каждой партии есть молодежное крыло, которое пополняется почти на сто процентов студентами. Есть крепкие ребята, еще не вышедшие из молодежного возраста, для решения охранных и специфических задач. Есть интернетчики, хакеры, да мало ли чем, может заниматься, каверзная на выдумку, молодежь.

Начиная с августа, майор со товарищи начал активно мониторить электронные средства массовой

информации оппозиционеров не только по молодежной тематике, еженедельно выдавая шефу аналитику. Сначала ничего особенно интересного не вылавливалось, если не считать нескольких заскоков у крайних «наци». Данные случаи отработали на сто процентов – соответствующая информация прошла практически по всем каналам телевидения и газетам. Кандидат-демократ вынужден был отрекаться от неадекватных соратников, исключать из партии, оправдываться, но для многих избирателей имидж претендента был подпорчен «плямами» коричневого оттенка. Конечно же, основной мониторинг осуществлялся Службой вживую, непосредственно на пленэре, но и интернетовское подспорье приносило свой, порой весомый улов.

С углублением в осень и разгаром выборных страстей майорская аналитика начала набирать вес. А с началом революции стала прямо таки интересной. Пошло активное финансирование оппозиционеров через Интернет сочувствующей публикой, и не только украинской. Канада, США, Великобритания – понятное дело, многочисленная диаспора и традиционные фаны демократии.

Ukraine! range revolution! Wow! We love you!
 Uschenko – TAK! Ukraine! We will rock you!!!

Португалия, Италия, Испания, незначительно Германия и совсем мало Греция – это уже «заробитчане» из Галичины и Волыни відривали трішечки від кишені важкою працею зароблених грошенят, «долярів», аби цього Кучму та його москальських нащадків – геть! Франция конкретно жлобилась, украинские гастарбайтеры там были редки, а местные граждане Пятой республики прижимисты, несмотря на яркие революционные традиции, «Марсельезу» и гильотину. Общую сумму, поступивших через Интернет, частных пожертвований определить было сложно, но как для наших балованных политиков, так не Бог весть какие деньги.

И вот те раз! Неожиданным боком показалась американская компания политического консалтинга «Aristocrate International, Inc». Всплыла как атомобой «Огайо», оснащенный ракетными комплексами «Трайидент», пред Трухановым островом. Она и раньше была в поле зрения Службы. Американские политтехнологи консультировали будущих революционеров весь год, проводили исследования, выдавали рекомендации. В общем, ничего особенного, как и многие другие неправительственные организации. Хотя, продвинутые ребята, эти «Аристократы», оказались. Разработали «паспорта регионов» Украины и модели поведения кандидата в разных областях с учетом экономических, социальных, этнических и прочих характеристик. Не хухры-мухры типа «нам тут болтать некогда, мы работаем для людей, ...и помолимся».

И тут вдруг «Aristocrate International, Inc» занялся активным сбором средств для своих украинских работодателей. Заходишь на сайт – линки, гиперлинки – загружай, не зевай, revolution помогай! Естественно, на украинском и английском языках. Это был повод – иностранное финансирование участника выборов в корне противоречило законодательству. Дело можно подать резонансно. Раздуть. Активно использовать как мощный аргумент в Верховном суде.

Генерал тут же подготовил доклад председателю. После «львовской истории» Иван Павлович разговаривал с генералом редко и сквозь зубы, старался не замечать и не встречаться вообще. Ясно, что председатель и палец о палец не ударит по этому докладу, но ничего – пусть будет.

Иван Павлович ознакомился, распорядился передать ему все имеющиеся по делу материалы. Александр Васильевич еще раз почувствовал холод и отстраненность – легкий высочайший вакуум вокруг себя. Карантинную зону. Телефон стал совсем редко

звонить. Поставленные задачи упростились и ограничались. Здесь – налево, тут – направо, сюда – не заходить, туда – не смотреть. Вопросы есть? Нет! Идите, Александр Васильевич. Работайте.

Информация об «Аристократе» и сборе средств по миру предприимчивыми политтехнологами, имевшими свою дельту в семь – десять процентов, нигде не прозвучала. Только в Москве на интернетовской пресс-конференции американского посла Вершбоу, как выяснил дотошный майор Прокопчук.

Но какое нам, спрашивается, дело до ушлых вопросов кремлевских провокаторов? И какое их имперское собачье дело до нашей демократии?!

Генерал распорядился продолжать мониторить. Пополнял сейф. Не отправлять же майора «регулювщиком» на улицы?

По жизни Геннадий Прокопчук был современный раздолбай, если не сказать большего. Но на работе у него был полный ажур. Сотрудники заняты делом, документация – все тютелька в тютельку, сам – с иголочки. Отчеты, проверки – всегда вовремя, никаких проблем. Проверяющие, если таковые изредка случались, сыты-пьяны. Притом, что руководитель молодежно-студенческого отдела как минимум треть, если не более, своего ненормированного рабочего времени, посвящал интимной жизни, интенсивной и многообразной, с бесчисленными особами женского пола – легкомысленными и не очень, незамужними и обремененными узами брака, студентками, продавщицами, стоматологами, медсестрами, стриптизершами и официантками. «Личный контакт» происходил в номерах гостиниц, закрепленных за Службой, в офисах, подсобных помещениях, чаще в съемной «конспиративной» от жены квартире, в крайнем случае, в машине или на природе. Где случалось. В прямом и переносном смысле этого слова.

Майор являл собой яркий пример верности небызвестного утверждения, что «женщины любят ушами». Мужественный антикрасавец, ростом выше среднего, рыжий, но постриженный налысо, с маленькими, близко посаженными поросячьими глазками, крючковатым носом и полными, чувственными губами. Красноречивый, остроумный, напористый, в меру, иной раз без меры, циничный. Когда он начинал говорить, фонтанировать шалопутным потоком слов, ошарашенные женщины цепенели в неумении и неспособности отказать, открывали рот, теряя способность к самостоятельному реальному мышлению, и закрывали его, когда естественный, но ненормально стремительный процесс сближения полов постигал бурный финиш, и новоприобретенный любовник отправлялся в душ или просто натягивал штаны. Нельзя сказать, что Геннадий пользовался стопроцентным успехом у женщин, бывали, конечно, и исключения. По собственному признанию майора «он редко не любил». Геннадий следовал в жизни простому и ясному принципу – любишь кататься, люби и катайся. Что он и делал. Генерал относился к подчиненному ловеласу снисходительно. Покровительствовал. Дело не страдало, а это – главное.

Глава 10

Вчера вечером попасть к Сергею Николаевичу не удалось. Шла операция. В холле для посетителей генерал сочувственно обнял Людмилу, жену полковника. Постарался как-то приободрить, сказал дежурные в таких случаях слова, что будем надеяться на лучшее, могут на него рассчитывать, чтобы знали, они как родные. Злился на себя за эту словесную вымученность, когда, в общем-то, достаточно взгляда, пожатия руки. Все и так понятно. Слова ни к чему, лишнее колебание воздуха. Но так мы устроены, что все равно надо что-то сказать, выполнить ритуал.

Вскоре приехал Артем, сын Сергея. Невысокий, в мать плотный, Артем не пошел по стопам отца. Два-три года назад окончив «нархоз», ушел в бизнес. Работал менеджером на фирме, занимающейся обновлением городских коммуникаций. Дырявые, поточенные ржавчиной и временем металлические трубы, меняли на пластиковые – вечные. Почти вечные. Вечными у нас могут быть только трудности. Зарабатывал хорошо, чувствовал себя уверенно. Прождав полтора часа, Александр Васильевич возвратился на службу. Наркоз, обезболивающие – раньше утра полковник в себя не придет. Если придет.

Майор Прокопчук вернулся и ожидал доложить. Генерал нажал кнопку селектора.

- Майор Прокопчук! Отдел...
- Зайди!

Секретарша принесла чай, бутерброды. Поблагодарил, отправил домой.

– Садись, – генерал кивнул на еду. – Перекуси.

– Спасибо, а кофе есть?

– Что есть, то и ешь. Все перед тобой.

– Хотя, ладно, и чай сойдет, – майор отхлебнул из чашки. – Как вы сказали, я сразу же поехал, но на мосту уже никого не было. Я – в райотдел, нашел ребят, которые на место выезжали и схему ДТП составляли. Лейтенантик и сержант. Поговорил с ними, посмотрел, что они нарисовали.

– Свидетели происшествия есть?

– Кто видел, что именно и как произошло, таких нет. Только те, что уже перевернутую машину увидели и ГАИ вызвали. И что интересно, гаишники говорят, тормозного следа нет. Ехал, ехал себе полковник ровно и вдруг вильнул. Так получается. И потом, там по три полосы в каждую сторону, и еще реверсивная по центру, чего его в крайнюю правую понесло? Непонятно.

– Автомобиль полковника...

– «Пассат» у них там же на площадке. Как раз при мне сгружали. Помят сильно. На переднем левом крыле есть небольшая продольная вмятина и царапины такие же. Нехарактерная. Справа и сзади ничего похожего на эти царапины нет. Я с царапин краску в пакетик соскреб, эксперту нашему дал, чтобы сразу посмотрел. Говорит, похоже, имеется чужеродная краска – темный металлик, а родная – черная с темно-зеленым бутылочным отливом. Завтра заключение даст. А мне и на глаз показалось, что вроде бы серый цвет присутствует, – Геннадий уминал бутерброды один за другим.

– То есть, «подрезали» его, ударили в бок?

– Похоже на то, – майор сделал паузу, дожевал. С сожалением посмотрел на последний, одинокий бутерброд на тарелке.

– Доедай, я все равно есть не хочу. И чай допивай.

– Угу, спасибо! Я расскажу вам, как было вкусно. А то сегодня без обеда, аж сосет внутри.

– А чего это ты без обеда?

На мост Геннадий поехал около трех, до этого находился в Управлении. Должен был находиться. Вполне мог пообедать в столовой. Готовят там очень даже прилично.

– Да закрутился что-то с этой суетой...

«Врет! Определенно врет. В чашку внимательно смотрит. А в глаза – прям как ребенок невинный. И какая ж у него суета? Всегда одна и та же».

– Гена, ты мне не свисти. Ты знаешь, я этого не люблю. Хочешь, чтобы я тебе рассказал, где ты был?!

– Александр Васильевич, ну, ничего такого... тем более, я все время на связи был. Звонок и через пять минут я на месте. Так... знакомая студентка пригласила кофе в баре попить. Я как раз по работе возле Украинского дома... – Геннадий имел в виду бар гостиницы «Киев».

– Студентка? Попить кофе? Там кофе пятнадцать гривен стоит.

– Ну, я их, в смысле, ее пригласил. У меня новая знакомая, на филолога учится, продвинутая... ну, в этом вопросе... они тут рядом, на Майдане, группой тусуются... Захотела меня со своей подружкой познакомить.

– Та тоже продвинутая оказалась в «этом вопросе»?

– Ну да... Тоже филолог будущий.

– То есть, кофе вы, как я понимаю, не пили?

«Это ж надо! Крутом революция, а этот кобель с девицами развлекается! Казанова!»

– Ну да. Не успели... – Геннадий допил вторую чашку, поставил ее на тарелку.

При всей своей любвеобильности, он был весьма экономен, даже прижимист. Не то что, не сорил деньгами перед женщинами, а, наоборот, очень тяжело и

неохотно с ними, деньгами, расставался. Только в самых крайних, исключительных случаях. Майор не являлся приверженцем современной аксиомы из отношений полов, справедливо утверждающей, что предложение заняться сексом гораздо реже заканчивается сексом, чем предложение пойти в ресторан. Водить женщин по ресторанам и ночным клубам, пускать недешевую пыль в глаза – не его стиль. Кроме ошеломляющего воздействия убойным личным обаянием на объекты, Геннадий предпочитал оказывать женскому полу различные услуги и делать добрые дела – устраивал на работу, в общежитие, помогал «решать» разнообразные проблемы. Благодарные красавицы не забывали своего благодетеля. В «конспиративной» квартире у него постоянно кантовались какие-то девчонки. А получить номер в любой гостинице на пару часов для майора вообще не составляло никакого труда.

– В салоне что-нибудь интересное нашли?

– В салоне и «бардачке» – ничего особенного.

Обычная мелочевка. Багажник заклинило, завтра с утра будут резать.

– Поедешь.

– Да. Договорились на девять тридцать.

– Из наших кого-нибудь видел?

– Нарисовались в конце, когда уже в машину садился. Кстати, Александр Васильевич, я у сержанта телефоны свидетелей взял. В письменных показаниях зацепиться не за что. Полчаса назад позвонил, поговорил с ними. Так один вспомнил, хотя и не уверен, показалось ему, будто от перевернутого «Пассата» то ли джип, то ли «Лексус», короче, внедорожник какой-то отъехал, когда они приближались. Темный металлик.

Глава 11

Александр Васильевич свернул на Госпитальную улицу и въехал во двор Главного военного клинического госпиталя Министерства обороны – невысокого, но массивного старинного строения, окрашенного в желто-белые тона. Плотная хвоя голубых сосен просвечивала зеленью из-под укрытого дерева снега, казалась неестественной, пластмассовой. Генерал вырулил на парковку. Ему выдали белый халат, который он набросил на плечи. Молодой, лет тридцать с небольшим, лечащий врач провел в палату к Сергею Николаевичу. Возле дверей сидел сонный скучающий дежурный. Лейтенант. Поднялся. Генерал показал удостоверение. Лейтенант в ответ вяло козырнул и вернулся к кроссвордам.

Полковник лежал на спине, опутанный проводами. Приборы фиксировали работу сердечно-сосудистой системы, дыхание. Капельница. В нос вставлена прозрачная трубочка для подачи кислорода. Голова забинтована. Правая рука отведена и приподнята, удерживается грузом. Корсет из гипса с широким воронкообразным воротником белыми латами фиксировал грудную клетку и шею.

Жена Сергея, Людмила, расположилась на небольшой кушетке у стены. Она как сидела, так и задремала, слегка завалившись набок.

– Как он? – генерал перешел на шепот.

– Компрессионный перелом позвоночника, два ребра сломаны, легкое повреждено, ключица, сотрясение мозга.

Досталось полковнику изрядно. Наверно, скорость была приличная, сто двадцать – сто тридцать, не меньше, если не больше.

– Когда он в себя может прийти?

– Определенный срок трудно назвать. Может и сегодня, может и через два дня или через неделю. Все зависит от организма. Операция прошла нормально. Профессор Кириченко делал, Андрей Анатольевич, лучший у нас специалист. Главное, спинной мозг не поврежден. Функции сохранены. А кости срастутся. Открытый вопрос – степень сотрясения мозга, возможные последствия. Говорить об этом пока преждевременно.

Александр Васильевич смотрел на пострадавшего друга. Молчал. Доктор пощелкал тумблерами приборов, вернул их в исходное положение.

– У вас есть ко мне еще вопросы?

– Пока нет.

– Тогда я распоряжусь насчет капельницы и вообще, – врач поджал зажим на трубке. Пузырьки воздуха, поднимающиеся вверх в бутылочке, уменьшились и замедлили свой бег.

– Да, пожалуйста. Делайте, что считаете нужным, – генерал переместил взгляд на капельницу. Раствор действительно подходил к концу.

«Сергея, Серега! Сергей Николаевич! Полковник Романенко! Дай Бог, поднимешься, мы с тобой еще покуролесим всем чертям и смертям, всем मुдакам назло. Лишь бы ты поднялся, друг дорогой! Эх, не стоят эти бумажки того, Сережа, Сережа!»

Появилась миловидная, среднего возраста, медсестра. Быстрым движением проверила иголку в вене, погладив ловкими пальцами лейкопластырь, заменила бутылочку, освободила зажим. Пузырьки побежали. Слегка придавила. Посчитала бульбочки, поглядывая на часы. Удовлетворенно кивнула самой себе белой накрахмаленной шапочкой.

– О! Саша, ты здесь? – проснулась Людмила. Поднялась. Взяла его за руку, прильнула как-то жалостливо, всхлипнула.

– Ты, мать, не раскисай. Держись, Люда! – генерал по-отечески погладил ее по волосам. – Серега, вон, – молодец! Будь здоров, какой богатырь! По весне еще на рыбалку поедем. А что? И поедем. Вчетвером. Я Иришку возьму. От Киева двести кэмэ, прямо на белорусской границе. У меня знакомый есть, дача у него там. Места – просто сказка! Банька деревянная. А рыба ловится, ну, как дурная! И щука, и судак, и окунь, и лещ! Только так, мелкую мы брать не будем.

– Не будем, Сашенька, не будем, – покорно согласилась Людмила, глядя на лежащего мужа, и думая, совершенно не о весенней совместной рыбалке, понимая, что товарищ стремится как-то отвлечь ее, ободрить.

– Жиночка! – обратилась к Людмиле медсестра. – Идемте, позавтракаете. А то вы тут с вечера сидите.

– Спасибо, я не хочу. Скоро сын должен подъехать. Да и неудобно как-то...

– А что неудобного? Сегодня запеканка творожная – очень вкусная. Чай или кофе. Идемте. Выпечка у нас всегда на завтрак домашняя – кому можно.

– Да, Люда, подкрепись, не помешает. А я здесь останусь. Подожду тебя.

– Ну, хорошо... – Людмила двинулась вслед за участливой медсестрой.

Прошло несколько минут. Светло-серые, почти белые стены, тишина и тепло убаюкивали, клонили в сон, обволакивая спокойствием, как паутиной. Сергей лежал, пузырьки в капельнице мерно поднимались вверх, неоновая лампа монотонно тихонько гудела, из-за закрытой двери слышались отдаленные

голоса и шаги. Генералу показалось, что слегка, совсем чуть-чуть шевельнулись пальцы полковника. Да! Точно! Почти незаметно, но движение есть.

– Сережа! Серега! Сергей! – Александр Васильевич осторожно взял в руки ладонь полковника, пытаясь уловить неприметный тремор. – Ты меня слышишь, Сережа! Сережа, это я, Саша! Сергей! Ты слышишь меня?

Чуть дрогнули веки. К мочке уха скатилась слеза. Еще одна. Александр Васильевич почувствовал как безжизненные, разве что не холодные ранее пальцы пришли в легкое сбивчивое движение в его ладони. По лицу Сергея словно пробежала быстрая нервная волна. Одна, другая, третья. Сквозь веки стала видна тонкая влажная полоска глаз.

– Сережа! Сережа! Ты слышишь меня? Ты видишь меня? Это я, Саша! Ты...

– Сс... – дрогнули губы полковника.

– Сидеть? Ты хочешь сесть? Позвать доктора?

– Сс... – зрачки глаз чуть двинулись туда и обратно.

– Не звать? Не надо? А что? Что – «с»? Я слышу «с». Что еще? Сережа? Скажи!

– Сс... се... – приоткрылись губы.

– Серый? Серый автомобиль? Ты это хотел сказать?

Глаза полковника закрылись.

– Сережа, я понял – серый автомобиль. Я понял.

Полковник с минуту пролежал без движения. Александр Васильевич почувствовал его какую-то общую судорогу или физическое усилие. Узкой щелью опять чуть приоткрылись глаза.

– Се... ой...

– Серой? Сырой?

– Се... хой... – выдохнул полковник. И снова собрался с силами. – Той...

– Се – той! Седой? Седой, Сережа? Да?! Ты хотел сказать – «седой»?

Полковник закрыл глаза и затих.

– Он говорит? – в палату влетела Людмила. – Он пришел в себя?!

– Немножко.

– О, Господи! А я ушла! Ушла! Какая я дура! Сереженька, ты слышишь меня? Ты слышишь меня? – Людмила быстро целовала его руку. – Милый! Он слышит, я чувствую! Он слышит!

Людмила залилась слезами счастья и горя. Глядя, что муж пострадал, счастья, что он пришел в себя. Теперь каждая маленькая победа, каждый шаг вперед будут для них счастьем. Вошел доктор. Живое осмотрел больного. Стремительно вышел. Вернулся с медсестрой и, очевидно, профессором. Людмилу строго отправили на кушетку. Сидеть и не разводить в палате сырость. Генерал предусмотрительно ретировался к двери.

Больной пришел в себя, это прекрасно, очень хорошо. Превосходно. Позитив. Но его ни в коем случае нельзя волновать, беспокоить, а тем паче расстраивать. Покой физический и душевный, вот, что сейчас, голубушка, для него важно. А уж мы со своей стороны постараемся. Сделаем все возможное, не сомневайтесь, и даже больше. Так что, успокойтесь, золотая моя, чтобы его не тревожить. Возьмите себя в руки. Все будет хорошо! Вы это знаете? Нет? А я это знаю! Улыбнулись? Вот и замечательно!

«Седой. Что значит – седой? Кто этот – седой? Предупреждает нас Сергей. А означает это, скорее всего, что «седого» надо опасаться. Серая машина. А именно, темный металлик. А в ней этот некто – «седой». Тот, что тебя, Серега, ударил в левое крыло и перевернул. Что ж, очевидно, скоро побачимось, «седой». «Сивый».

Генеральская «Тойота», оставляя за кормой перекрестки, несла на важную службу безопасности государства героя не данного, а совсем другого времени и другого пространства. Особенно, если рассматривать географическое пространство, испещренное пунктирами границ, сквозь геополитическую линзу.

Глава 12

- А**лександр Васильевич?
- Да. Слушаю.
  - Это Артем. Романенко.
  - Да, Артем. Как отец?
  - Иногда приходит в себя, но ненадолго. Секунд пятнадцать – двадцать.
  - Это уже хорошо. Я был сегодня утром в больнице. С лечащим врачом и профессором...
  - Спасибо, я знаю. Я, собственно, по другому поводу звоню. Мне мама ваш телефон дала.
  - Я понял. Слушаю тебя.
  - У нас квартиру взломали...
  - Когда?!
  - Днем. Сегодня, в начале второго.
  - А сигнализация?
  - Мне с вневедомственной охраны позвонили, когда я в больнице у папы находился. Сигнализация сработала, но пока они приехали, говорят, минуты четыре прошло, пять, не больше, в квартире уже никого не было.
  - А где ты сейчас?
  - Я здесь, дома. Тут милиция как раз... документы пишут, криминалист исследует. С соседями беседуют.
  - И что соседи?
  - На нашей площадке еще две квартиры, на работе все. Только девочка из школы недавно пришла.
  - А выше, ниже?
  - Кажется, ничего не слышали. Когда люди

дома, обычно телевизор включен. Жужжит. А эти, наверно, звук сирены смогли отключить заранее или сразу, как вошли, а электроника на пульте охраны сигнал все же дала.

– Мама как?

– Мама держится. Пока в больнице осталась. Тут закончится все, наведу более-менее порядок и поеду на ночь заберу ее. Сказала, чтобы я позвонил вам, ну, чтоб вы в курсе дела были.

– Правильно, что позвонил. Что украли, уже выяснили?

– Пока только системный блок от компьютера и диски. Вроде больше ничего не взяли, хотя, искали. Перевернули тут все, но видно, спешили сильно. Я маму успокоил, что ничего страшного не произошло. Только комп утащить и успели...

– А ты внимательно смотрел?

– Да. Все в порядке. Мы ж в шкафу под бельем не храним. Странно, даже папины часы в прихожей, как вчера положил, так и лежат. А они, как минимум...

– Я знаю, Артем, сколько они стоят.

– Монитор не взяли, а у меня «Sony» – плоский. Колонки дорогие английские...

– Артем, я сейчас пришло к тебе майора, его Геннадий зовут, – генерал нажал на кнопку селектора. – Для координации действий. Он там посмотрит, поспрашивает. Ты ему все подробно расскажи. Хорошо?

– Хорошо. Александр Васильевич.

– И, Артем, ты звони в любое время, днем или ночью, не имеет значения, если появится новая, пусть даже незначительная информация, договорились?

– Да, я обязательно позвоню.

– И еще. Постарайся поменьше один по городу перемещаться – на работу или еще куда-нибудь. Особенно в темное время.

– Да какая сейчас работа, Александр Васильевич?!

– Ты все же послушай меня. У тебя есть кто-то из друзей – такой покрупнее, может, спортсмен? Хорошо, если боксер.

– Брат есть двоюродный, на Оболони живет. Он в сентябре «бронзу» на открытом первенстве Белоруссии по айкидо взял. В полусреднем.

– Вот пусть он несколько дней с тобой и мамой побудет вместе. Поживет у вас. Это возможно?

– А вы считаете, нужно?

– Я так считаю.

– Поговорю.

– В больницу вместе передвигайтесь. Маму одну не оставляй. Такси по телефону не заказывай и в первое попавшееся не садись. Лучше – в третье, четвертое.

– У меня ж машина, Александр Васильевич...

– Ну, если случится. И звони – ты помнишь.

– Я помню. До свиданья?

– До свиданья, Артем, – генерал положил мобильник на стол. Задуматься помешал стук в дверь.

– Разрешите, Александр Васильевич?

– Заходи, майор. Тут вот какое дело...

Майор утром присутствовал на разрезании багажника «Пассата», в котором, естественно, ничего примечательного, кроме типичных водительских принадлежностей и некоторого количества, неизбежного для большинства багажников, автомобильного хлама, обнаружено не было. Ни в салоне, ни в личных вещах Сергея Николаевича диск не нашелся. Можно предположить, что этот некто «Седой» успел вытащить его у полковника сразу после аварии. Если, конечно, диск находился у Сергея при себе. Да, вполне вероятно, как бы оказывая помощь пострадавшему, оперативно проверить его карманы. И вовремя слинять. Учитывая вторжение в квартиру и

совершенно не прикрытый обычной кражей интерес к системному блоку компьютера, очевидно, так оно и есть. С большой долей вероятности. Если информация есть на компакт-диске, значит, она должна быть и на жестком диске компьютера. На работе полковник добытыми документами заниматься не будет. Значит, вероятно, дома. Более-менее логика их действий просматривается. Их. Кого – их?

Семья Сергея Николаевича Романенко жила в современном благоустроенном многоэтажном доме с магнитным замком на парадном, вахтером, знавшим в лицо всех жильцов, подземным гаражом. Вот как раз через подземный гараж очень удобно попасть в подъезд. Шестой этаж. Открыли дверь, а нет замков, тем более, дверных, которые не открывались бы посторонними умельцами – сигнал тревоги на охранном пульте – выехала группа захвата. Один взломщик быстро хватается компьютерный блок, второй – диски, плюс прошелся по верхам на авось, пока первый шнуры выдергивает. До тридцати секунд. И – вниз. На все про все минута-полторы – не больше. Пусть даже две. «Седой» с напарником вполне укладывались в необходимый им временной интервал.

А, кстати, если правильно понял Сергея, и действительно этот «седой» существует, вряд ли полковник мог видеть его через боковое стекло, когда «Пассат» прижимали и ударяли. У джипов и джипоподобных стекла затонированы так, что абсолютно не видно, кто в машине сидит. Не опускал же тот стекло и махал рукой, мол, тормозни, приятель? Нет. Значит, увидел, когда «седой» шарил по карманам. Еще в сознании Сергей Николаевич был... А может, успели пообщаться до столкновения на дороге? Тогда почему полковник ему, генералу, не позвонил? Не успел? Помешали? Предположения вилами по воде. Вопросы без ответов.

Генерал позвонил дочери, предупредил, чтобы никому ни под какими предложениями не открывала дверь и закрылась на все замки и цепочку. Сделал необходимые, на случай его возможного отсутствия, распоряжения, уточнил обстановку и маневры подчиненного личного состава. Дефицит времени и текущие события не позволяли сосредоточиться на тщательном анализе перехваченных документов и отставленной «таблице противоречий» – хронологических и не только. Перенос академических историко-графологических изысканий, чреватых последствиями для здоровья исследователей, на более спокойную перспективу становился очевидным.

Александр Васильевич дождался майора. Тот вернулся около семи. Оказалось, пенсионер сверху слышал сирену, но не придал значения, он как раз обедал на кухне, а в зале работал телевизор, еще подумал, что опять крутят «Магнолию-ТВ» про всякие ЧП или трансляция с Майдана, а там шумят, как хотят. Раньше-то он телевизор всегда выключал, когда ужинал или обедал, а племянник ему объяснил, что для кинескопа момент включения или выключения гораздо вреднее, чем несколько часов работы.

Охранник на въезде-выезде из подземного гаража вспомнил двух ремонтников или строителей. Они в обед выезжали на «копейке». Внешность описать толком не мог. Один в спортивной шапочке ниже бровей. Темной. Это водитель. Единственная примета – с усами. Черными, продолговатыми. Которые можно благополучно прилепить и отлепить. Ну, и говор, вроде, чуток не наш. Перебросились парой фраз, когда машина заезжала. У дежурного в Чопе родственники, вот, что-то похожее. Второй – в таком строительном тряпичном шлеме был. Или как у металлургов – все закрыто, кроме глаз, на них защитные очки одеваются, и шнуровка сзади. Больше ничего характерного не запомнил. Тот, что за рулем,

вроде как помоложе, а второй копался, чего-то искал внизу на коврикe – охранник только шлем и видел. Машина заехала в гараж в двенадцать двадцать. Водитель был один. В журнале время и номер «Жигуля» записаны. Выехали в четырнадцать десять. Все по инструкции. Чтобы спешили, выезжая, не сказал бы.

Ни ремонтных, ни строительных работ в первой половине дня в гараже, подъезде или квартирах не проводилось. Криминалист говорит, по следам обуви, похоже, что воров было двое. Сорок второй и сорок пятый размеры, значит, и по росту один должен быть явно выше. Отпечатки сняли, будут идентифицировать, исключать Артема и родителей. Если что-то определяют, позвонят. Номера майор, конечно же, пробьет. Но ясно, что или машина угнана, или номера левые, мифические. Вот таков улов.

А, кстати, вы слышали, что заместитель председателя пропал? Считают, перешел на нелегальное положение. Ребята говорят, скорее всего, он уже в России. Что тут ехать? Несколько часов и – граница.

Глава 13

За окнами потемнело. Долгие декабрьские ночи напоздали на город, беспрепятственно захватывая пространство и время. Ночной авангард – сумерки, заблаговременно обволакивали стылой серостью улицы, парки, бульвары, Майдан. Сковывали смятением мысли, сжимали тревогою души на обширном земном пространстве – от извилистого, коварного Ужа на западе до размеренного Северского Донца на восточной равнине, от запустелого народом северного Полесья до бурлящего, перегретого политически и этнически, южного Крыма. Что принесет этот вечер и эта ночь? Еще одна ночь противостояния, как казалось, добра и зла, света и тьмы, сырых казематов прошлого и девственно-белых европакетов будущего. Ночь невероятного напряжения суммарного людского нерва, усталости и надежды. Люди наконец-то почувствовали себя людьми в своей стране. Не бессловесными, покорными созданиями, от которых ничего не зависит, над жизнями которых можно всячески экспериментировать, коих можно бесконечно обманывать, обирать и унижать, а гражданами, энергией и силой духа которых творится вот прямо сейчас, именно в этот момент история их прекрасной, но почему-то растасканной по карманам, страны.

Пора ехать домой. Звонила Ирина. Интересовалась, что за паника? Паники нет. Закройтесь на все замки, сидите и ждите. Скоро буду.

Александр Васильевич открыл сейф, достал из

кобуры табельный «ПМ», проверил обойму, сунул в карман пальто.

Выезжая на Набережную, показалось, что два огонька фар сзади копируют его маневры. Раз такое дело, будем «завязывать шнурки». Он прибавлял, и они прибавляли. Сбрасывал газ, притормаживали и они. На Набережной маневрировать было сложно, в обе стороны по трем полосам шли непрерывные потоки машин. Нырнув под мост, развернулся на развязке в сторону Подола. Огоньки плотно держались за кормой «Тойоты».

«Ну что ж, поиграем в догонялки».

Генерал резко стартовал, обходя мерно катящиеся автомобили то слева, то справа. Преследователи не отставали, даже наоборот, плотно упали на хвост, не отпуская «объект» дальше восьми-деяти метров, нороя приблизиться максимально, чуть не ударить «Тойоту» в высокую дутую корму.

«Давят на психику. Демонстрируют силу и превосходство».

Совершив еще несколько вызывающих перемещений на дороге, генерал понял, что избавиться от преследователей будет очень сложно, если возможно вообще. За рулем там явно сидел не обычный водитель, а гонщик. Высокий, надо отдать должное... его мать! профессионал. Как банный лист прилип к заднице автомобиля. Генеральский ботинок придавил акселератор.

«Будем действовать по ситуации».

Ситуация тем временем для Александра Васильевича начала осложняться. Преследователь отлепился от кормы «Тойоты» и начал его обходить, подрезая и выжимая в крайнюю правую полосу.

«Вот ты и нарисовался, серый джип. Темный металлик. Как Серегу душишь, да, гад?!»

Джип коротко вильнул вправо, ударив «Тойоту» в крыло чуть выше колеса. Руль дернулся из рук,

машина юркнула, едва не загудев под какую-то дальнобойную махину, но генерал успел вырулить из мелкодисперсного облака отработанной солярки вперемешку с водой и снегом и, вдавив педаль до пола, вырвался вперед. Но ненадолго. Джип снова обходил его слева, выжимая в крайнюю правую полосу – свободную, только ограниченную высоким бордюром.

Стало как-то вакуумно и неуютно в животе, словно он опустил вниз, потянув за собой горло. Во рту появился неприятный металлический привкус. Зато в голове вдруг возникла необыкновенная ясность и четкость будущих действий. Он не будет смещаться вправо к бордюру и не собирается терпеливо сносить удары. Не дождетесь! Сзади слева – просвет огней. Впереди... вот сейчас!

Вззззжжж!!!! Завизжали тормоза, а больше – резина об асфальт трассы, пустив из-под колес клубы белого едкого дыма. Джип по инерции промчался вперед, а «Тойота», затормозив, и, развернувшись на ходу через две сплошные линии, уже рванула в обратном направлении. Генерал видел в зеркало, как джип пытается развернуться, вклиниться во встречный поток. Разворачивается уже, но расстояние между ними все увеличивалось и стало таково, что сейчас можно легко и незаметно свернуть на первую же прилегающую дорогу и затеряться во множестве перекрестков, развязок, поворотов и дворов. Он даже не смотрел в зеркало заднего вида, зная, что джип еще безнадежно далеко. А вот и...!

Внезапно продолговатое автомобильное тело преградило движение генеральской «Тойоте», решительно и бесповоротно прижало к бордюру, приняв на себя, погашенный тормозами, мягкий удар бампера, проминающий двери дорогостоящего немецкого автомобильного чуда. Следя за джипом, Александр Васильевич не заметил, как развернулась за ним черная «Ауди», шедшая несколько сзади, настигла

и вынудила остановиться, влетев вслед за ним через бордюр на тротуар аккуратно напротив памятника отцам-основателям города – легендарному князю полян Кию, его младшим братьям Щеку и Хориву и сестре Лыбидь, плавно скользящими во времени над Днепром в варяжском драккаре.

Генерал снял «ПМ» с предохранителя. Выждал несколько секунд, не думая ни о чем, и открыл дверь. Из «Ауди» уже вышли двое, лет тридцати – тридцати пяти. Одинаково крепкие, одинаково подтянутые. Стояли молча в стойке, руки в карманах, ноги на ширине плеч. Генерал тоже молчал. Вот и подъехал джип. Припарковался плотно к «Тойоте», легко преодолев бордюр. Желтоватый, тусклый свет фонаря освещал сцену действия.

«Взяли в коробочку» – мелькнула мысль, и Александр Васильевич совершенно не к месту невольно усмехнулся.

Это он привык быть охотником, а не дичью. Ставить условия, разрабатывать планы, доводить их до логического конца, не оставляя «объектам» ни малейшего шанса. Шансы появлялись потом, вместе с высокими звонками и сановным небескорыстным заступничеством. Технический спуск на тормозах. И у них, что было особенно обидно, а больше в генеральной прокуратуре, после передачи им дел.

«Как глупо все, наивно и нереально...»

От джипа отделились две вполне реальные фигуры. Водитель – гонщик. В спортивной шапочке «унамо Kyiv». Среднего роста, худощавый, длинный острый нос, тонкие губы, без усов, заточенный подбородок. Глаза – колючие, глубоко посаженные. В руке матово отсвечивал пистолет. Второй – крупнее. Высокий. В низко надвинутой кепке. Лицо мясистое, плотное, нос, рот, подбородок – обычные, ничем не примечательные. Глаза под кепкой – тоже какие-то обыкновенные. Лицо этакое, взгляду не за

что зацепиться, разве что, за эту общую мясистость. Ниже кепки – короткий серебристый ворс волос. Главная примета. «Седой». Руки в карманах. Спокоен. Чувствуется, главный.

– Александр Васильевич, что вам на дороге стоять? Присоединяйтесь к нам, – «седой» жестом показал на тротуар впереди себя.

Генерал перешел на тротуар. Гонщик тем временем нырнул в «Тойоту», пошерудил в салоне, проверил багажник, положил ключи себе в карман. Отрицательно покачал головой «седому».

– Может, вы объясните мне, что тут происходит? С какой стати создаете аварийные ситуации? Тараните мою машину? – генерал понимал, что впустую колеблет пространство. Его строгие вопросы не произведут на визави ни малейшего впечатления. Все всё разумели и знали, почему и по какой причине случилось им встретиться столь нетрадиционным способом этим декабрьским вечером. Но такая игра. У каждого своя роль и надо ее играть, выполнять. Озвучивать текст.

– Вы прекрасно понимаете, уважаемый Александр Васильевич, что у нас не было и нет никакого желания с вами видеться, тем более, в такой экстремальной манере. Просто, с некоторого недавнего времени у вас есть то, что вам не принадлежит. И скажу откровенно, вам это не нужно, если не хотите иметь себе проблем, – «седой» достал портсигар, из него сигарету, клацнул зажигалкой, закурил. Прodelал все, не спеша, как и говорил. Неторопливо и спокойно. Аккуратно.

В его выверенной речи чувствовался легкий акцент. Прибалтийский? Нет. Скорее, нашего человека, долгое время прожившего за границей, и постоянно говорившего на английском. Английский смягчает «р». Не подходит. И интонации другие. Немецкие, что ли? eutschland soldaten und unter-offizieren...

Ya-ya... Ich liebe ich... Karl Marx Schtadt... Похоже. Или голландские. Они близки.

– Мало ли, что у меня может быть? И есть. Так с какой стати я должен кому-то что-то отдавать? Например, вам. Потому, что вас больше и ваш коллега имеет при себе пистолет? И почему вы считаете, что вправе что-то требовать у меня? – генерал заметил машину, остановившуюся поодаль, метров пятьдесят не доехав до джипа. Сейчас она вроде бы медленно приближалась, погасив фары. Или показалось?

– А я и не требую, если вы обратили внимание. Я дал вам наше предложение и имею основание полагать, что вы, как разумный человек примите его.

– Меня ваши предложения не интересуют. И ни о чем мы с вами не договоримся. Мне не о чем с вами договариваться в принципе! Я вообще не знаю, кто вы такие!

– Зараз отримавеш кулю в живіт, пізнаеш, хто ми такі є, гнида енкаведистська! Швидко скінчаться принципи твої смердючі!

– Александр Васильевич, отдайте нам документы, и будем иметь только добрую память о нашей встрече. Это не ваш интерес вынуждать нас к радикальным действиям, – «седой» докурил, ловким щелчком запустил окурок далеко на дорогу.

– У меня много самых разных документов...

– Я говорю о тех, что попали к вам три дня назад, три с половиной почти, если быть точным.

– Никаких документов от меня вы...

– Як же ж він мене дратує, падлюка! Та заради чого я повинен стримувати себе? – «гонщик» глубоко вдохнул и выдохнул, глядя на пистолет в своей руке, огромным, просто нечеловеческим усилием воли сдерживая непреодолимое желание разрядить весь боекомплект в ненавистного генерала. Кагэбэшника.

Гонщик был «злой полицейский». При этом чувствовалось, что он ненавидит генерала искренне,

и потому играет свою роль естественно и органично. Генерал рассмотрел пистолет, кажется, девяти-миллиметровая «Беретта». Распространенная модель. Простая в обращении и эффективная. И достаточно убойная.

– Если ты нажмешь на курок, вуйко, уж точно ничего не получишь, – усмехнулся «гонцику» генерал.

– Брепеш, суко! Задоволення отримую. Ще яке...

– Коллеги, давайте не будем опускаться до резких определений, – примирительно обратился к участникам уличной дискуссии «седой». – Но и вы нас поймите, уважаемый Александр Васильевич.

– Я понимаю, – генерал повернулся к агрессивному «гонцику». – Уж если играешь плохого парня, никогда не опускайся до «пожалуйста»

– Александр Васильевич, мы не имеем много времени говорить пустые разговоры. Садитесь в машину! – «седой» показал на джип. Он был «добрый полицейский», но и его «доброта» имела жесткий временной лимит.

– Я никуда не сяду!

– Да вы не волнуйтесь, генерал, и не бойтесь. Красть вас мы не собираемся. Вы не представляете для нас какой-нибудь ценности.

– Тем более...

– Раз вы не имеете желаний самостоятельно прийти к необходимому консенсусу, будем сидеть, слушать музыку. Отдыхать. А через несколько минут вам позвонит ваша дочь и попросит быть к нам благосклоннее и как жест доброй воли, например, отдать ненужные вам документы.

– Если с моей дочерью, не дай Бог, не дай Бог что-нибудь случится... – задохнулся закипевшей злостью генерал. – Один волос упадет с ее головы... я... я... вас по стенке размажу. Сам. Лично. Вот этими руками в порошок сотру. Вы...

– Яке страхіття! Маєш, у концтабір до Сибіру відправити? Бозна-де на Колимі? Мені що, уже зараз починати тремтіти від жаху? – «гонщик» презрительно сплюнул генералу под ноги.

– В схрон тебя назад отправити надо, недоразумение. Я повторяю, если только вы посмеете...

– Ну, что вы так растревожились, Александр Васильевич? Мы ведь не варвары, а цивилизованные люди. И не имеем склонности к насилию. Всего один звонок. А у вас, между прочим, очень милая дочь. Оля, кажется, так ее имя? Ольга, Helga – скандинавские корни, не находите?

– Нахожу... – генерал повернулся полубоком к стоявшим за спиной крепким ребятам, одновременно стараясь контролировать движения «гонщика». Но почва уходила из-под ног и в прямом, и в переносном смысле. Документы... Оля... Сергей... дочь... Да зачем она нужна, эта «таблица противоречий», если Сергей в больнице?! Если пострадает семья... Это будет его вина. А как все-таки нужны им документы?! Переполошились, сволочи... А Оля? Дочка...

– Александр Васильевич, не спешите себя готовить к подвигу. Он никому не нужен. Не оценят. И нам вы равным счетом ничего не сделаете. Ни-че-го. Даже технически. Все ваши люди заняты. И милиция занята. И как вы объясните причину наших с вами разногласий, например, на очной ставке? Так что, герр генерал, мы с коллегами даже номера на машинах не имеем серьезной причины, менять. Можем, но к чему? Вы ведь, как профессионал, их, надеюсь, запомнили? – «седой» хладнокровно куражился. И он был во всем прав.

Генерал понимал это. Он ждал, когда к нему придет решение. Сконцентрировался и ждал. Решения к нему всегда приходили быстро. Рраз! И проблема решена. На загляденье стремительно и красиво.

«Да, Шевчук это – голова, я бы ему палец в рот не положил», – завистливо подшучивали коллеги.

Разнонаправленные составляющие молниеносно складывались в мозгу, и внутренний компьютер выдавал единственно правильный вектор. Искомый результат. На этот раз происходила непредвиденная задержка. Сбой системы. Глюк. Зыбь так и колыхалась под ногами и в голове. Пауза затягивалась, а вектор всё не определялся ни во времени, ни в пространстве. Все решения, файлами шелестевшие в тренированном мозгу, были одно хуже, провальнее другого.

– Ну, всё! Садитесь в машину! – решительно произнес «седой» и кивнул, стоявшим за спиной генерала, действовать.

Александр Васильевич выхватил из кармана пистолет.

– Генерал, ну не смешите вы нас. Неужели вы будете стрелять в заурядных участников ДТП, кажется, так у вас называется? Вы даже не успеете снять с предохранителя, как...

– Уже снят. А вот вы в меня стрелять не будете. Документы вам нужны. Вот так-то. – Александр Васильевич отступил, прикрыв спину «Тойотой».

Ребята замешкались, увидев в руках противника оружие. Действительно, отчего генералу не стрельнуть? Всех, или хотя бы кого-нибудь, уложит, и ничего ему за это не будет. Кидаться на вооруженного расхотелось.

Позади джипа неслышно остановилась машина, та, что выжидала и медленно приближалась. Вот и подкатилась. Из нее вышли трое. «Гонщик» проворно впихнул пистолет в карман куртки.

– О, мужики! У вас чё тут – авария? Может помочь чего надо? – добродушный почти двухметровый увалень бесцеремонно прошел сквозь всех, бросил взгляд на место удара, на «ребят». – Пацаны, «Аудюха» ваша?

– Наша... – нестройно кивнули «ребята».

– Ну, вы попали, блин, реально. Гаишников-то вызвали?

– Вызвали. И страховщиков вызвали. Вот стоим, ждем. Беседуем. Спасибо за предложение, но помощь нам не нужна. – «Седой» с неудовольствием смотрел на увальня.

Надеяться, что они уберутся, как и появились, не приходилось. Еще больше его беспокоили двое, что встали у него и «гонщика» за спиной. Здоровые. В куртках. Руки в карманах. В отличие от беспардонного «малого», молчат. Секут. Контролируют. А «малый» косит под блатного. Такой же блатной, как все мы астронавты. Как же это мы их прозевали?! Цугцванг какой-то. Однако, почему цугцванг? Скорее – пат. А пат это – не проигрыш. Ничья. Временная ничья. Матч состоит из серии партий, а генерал крайне ограничен в выборе ходов. В отличие от них.

– Ого, братва! У вас чё тут – разборка? – увальень увидел пистолет в руке генерала. – Мужик, да ты чё, валить их за тачку собрался? Я фигею! Пацаны, во людям крыши сносит!

– Самооборона, – произнес генерал и вернул «ПМ» в карман.

– У гражданина с нервами не все в порядке, – «седой» закурил. – Неадекватно реагирует на ситуацию, которая возникла.

– А какая тут, конкретно, ситуация-то? – увальень принял сторону пострадавшего в ДТП генерала. – «Аудюха» тут по-любому бока напорол.

– Разберутся, кто и что напорол, – безучастно, ни к кому не обращаясь, произнес «седой».

Генерал соскальзывал, непростительно выпутывался из наброшенной сети. На этот раз. Каждый день, каждый час был в цене золота. В у. е. с многими нулями в эквиваленте. Каждую минуту эфир мог взорваться бомбой – и под хвост коту многолетние

усилия массы людей и важных структур. Туда же – колоссальный материальный ресурс, вложенный в эту бестолковую, тотально коррумпированную, отстающую страну. Безднадежную, барахтающуюся на обочине цивилизации, но нужную. Важную, как одно из звеньев в цепи.

– Не, мужик, ты не дрейфь, – увалень повернулся к генералу, замер, внимательно всматриваясь в лицо.

– Да я и не дрейфю, – Александр Васильевич усмехнулся в ответ. С появлением этой непростой троицы генерал внутренне успокоился, понял, что решение пришло. На этот раз решение за него приняли другие. Но в его пользу.

– Я смотрю – Саня? Саня, ты?! – увалень обалдело вглядывался в генерала.

– Ну, я...

– Саня, брателло! Ты что, не признаёшь друга детства?! Футбол, карасики?

– Мм...

– Ну, ты зазнался, брат! Ну?! Сколько лет прошло, а Вилька тебя признал... не сразу, но признал!

– Виля?! Виля, дружище, прости... но... ты ж и раздобрел! Морду наел, что хомяк – тебя узнай?! Боров какой стал! – Александр Васильевич раскрыл объятья и принял в них старинного друга детства, родного, как брата Вениамина.

«Какой ты к черту Вилька! Тот на две головы ниже ростом. Позапрошлой осенью встречались. Приезжал на два дня с самогоном, копчеными лепсами и арбузом. Уже был однажды в его практике «друг детства – Вилька», псевдо-Вилька, во время одной из операций еще на заре кипучей деятельности по сохранению государственной безопасности. Он сам для напарника легенду придумал и предложил, начальство одобрило. В Киевском личном деле информации об этом нет. Не должно быть. Только

в Москве. Здоровеньки булы, братья-славяне! Вовремя и к месту!»

– Мы поедem, уже не будем никого ждать. Вы знаете, как с нами связаться, – «седой» прервал дружеские похлопывания и постукивания мужчин. На него эта самодеятельность, белыми нитками шитая, только нагнала уныние. Великовозрастные дети лейтенанта Шмидта. – Координаты ваши, Александр Васильевич, у нас есть. Надеюсь, увидимся в самое ближайшее время. Мы имеем к этому желание.

– Ключи! – генерал подставил ладонь.

– Ключи, – повторил «седой».

«Гонщик» молча протянул ключи генералу.

– До свиданья! – «седой» непроницаемо кивнул Александру Васильевичу и одновременно всем. Джип и «Ауди» завелись и отчалили.

– Ребята, спасибо! Говорить некогда. Мне срочно, срочно надо домой!

– Пожалуйста, Александр Васильевич. Вас сопровождать?

– Да.

– Тогда я к вам сяду.

– Конечно.

– Приветы надо передать.

Глава 14

Александр Васильевич сразу позвонил жене. У них с Олей есть тридцать минут на сборы. Только самое необходимое. Поедете отдохнуть. На курорт. Да, в декабре. Это приказ. Все. И оборвал разговор.

Генерал гнал домой подмятую, с треснутым передним бампером «Тойоту». Сопровождение не отставало. Увалень, представившийся Юрием Вячеславовичем, или просто Юрой, сыпал знакомыми фамилиями и именами, передавал «приветы» от бывших коллег по бывшей работе.

Слово «бывший» не подходило к специфике их занятия по определению, хотя бы по массиву информации, которым владел даже мало-мальски значимый работник. Бывший это, когда на кладбище. Реально. А пока ты в миру, даже на пенсии или больничной койке, это все действующий контингент. Инерционная фаза остывания слишком длительна. Невозможно в один момент взять и отключить многолетний постоянный перегрев работой.

Александра Васильевича, оказывается, очень ценили, помнили. И по работе в Москве, и в Средней Азии. Частенько вспоминали, благо Киев не давал о себе забыть. Жалели, что разошлись пути-дороги.

Что-то слишком многие и слишком уж хорошо его помнили. Может, лучше бы забыли? Было бы спокойнее. Тринадцать лет прошло, как Службы разъединились. Вроде немного, но и немало. Но

– кто ж забудет? И Юрий Вячеславович тут как тут, излишне подготовленный по его скромной генеральской персоне. Переигрывает чуток. Не случайно ж он так кстати оказался рядом? Значит, тоже участвовал в заезде, гонке за лидером. В арьергарде. Интересно, кого он «пас», меня или «седого»? А почему «или» – могли «пасти» и тех, и других. Всех.

Миновали «Ривер-Палас», где собирались элитные недешевые проститутки Киева, речной вокзал, элеватор. Путь лежал через Рыбальческий остров и далее на Оболонь.

– Кажется, звук посторонний, – Юрий Вячеславович кивнул на капот.

– Колесо крыло или защиту трет при повороте.

– Эти?

– Они.

– Что ж вы их отпустили?

– Сейчас это неважно.

– Понятно.

– А вы давно в Киеве, Юрий Вячеславович?

– Я тут, можно сказать, всегда.

– Каким образом?

– Часто бываю. Периодически. У меня родственники в Киеве живут. Сестра, племянники. Жена киевлянка, из Ирпеня. Тесть, теща там. Короче, борщи, вареники.

«Наверно, не врет Юрий Вячеславович. Действительно, зачем легенды городить, что-либо придумывать, когда есть масса ребят, у которых жены, родители, родственники – дальние и близкие, проживают во всех республиках бывшего Союза, а в Украине так, в особо крупном количестве».

– Как на меня вышли? Отчего такой плотный интерес? – Александр Васильевич решил не ходить вокруг да около. Времени нет.

– Вообще-то, я здесь сейчас в отпуске с женой. У тещи.

– Я понимаю. Вы все тут сейчас в отпуске.

– Ну, да. Почти. Отвечая на ваш вопрос – вы и полковник Романенко попали в поле нашего внимания позавчера. Нас интересовали другие люди, применительно к вашим выборам. А выборы у вас веселые – наматываем на ус. У вас, скажу честно, такая неразбериха творится! Понаехали все, кому не лень. Что хотят, то и творят.

– А вы?

– А что – мы? Мы ничего не творим. Поддерживаем контакты. Помогаем, если есть необходимость или попросят.

– Например?

– Ну, Александр Васильевич, вы же понимаете, я не уполномочен, в данном случае информировать вас.

– И все-таки, раз уж мы с вами законтачили?

– Ну, например, по тем двоим, что двадцать первого ноября якобы намеревались штаб оппозиции взорвать...

– А почему – якобы, Юрий Вячеславович? Вполне реальный пластид, детонаторы, пистолеты, куча патронов... – спровоцировал собеседника генерал.

– И машины с российскими номерами, и паспорта с московской пропиской. Кстати, фальшивые. А мы вашим коллегам полный расклад дали – кто они, и заказчик кто.

– Я в курсе.

– Почему-то ж не взорвали? Целый день машина под окнами простояла. Ваши ни слухом, ни духом тогда.

– И почему не взорвали?

– А почему вы со мной сейчас беседуете, а не в больнице или где похуже находитесь?

– Хм... – генерал искоса посмотрел на собеседника. Тот ничем не напоминал простецкого

увальня, неожиданно вмешавшегося в обостренное выяснение отношений на обочине. Сосредоточенный. Уставший.

– А больше, конечно, просто наблюдаем. Отслеживаем информацию. Мы ж находимся в чужом суверенном государстве. Дружественном пока.

– Естественно, дружественном. И почему это – пока?

– Есть определенные опасения.

– Ерунда. Разве что, напакостят по мелочи...

– Да, как сказать...

– Итак, попали мы в поле вашего зрения, и что?

– А тут авария с полковником случилась, вы появились.

– И ориентировка из Центра пришла? Да?

– Товарищ генерал, Александр Васильевич, вы же знаете, что я не скажу...

– Только ориентировка пришла не в день аварии, а минимум на сутки раньше. Я прав или нет?

– Не знаю. Так вот, было принято решение, подстраховать вас чуть-чуть, ну, в силу наших ограниченных возможностей. Вы ж понимаете, не у себя дома. Не можем действовать открыто.

– Спасибо, что подстраховали, – генерал поблагодарил, но почувствовал себя перед Юрием Вячеславовичем неуютно. Слабаком, что ли.

– Та нема за шо, Александр Васильевич.

– А «седой»?

– Вы имеете в виду Гецко?

– Я не знаю, как его зовут. Высокий, в кепке.

– Николас Гецко. Пятьдесят пять лет. Гражданин Федеративной Республики Германии. Место постоянного проживания – Мюнхен. Во всяком случае – так по документам числится. По образованию – экономист. Окончил технологический университет в Аахене. Владеет кое-какой недвижимостью в

Канаде и США, кажется, в Чикаго. По нашим данным координирует деятельность ряда националистических организаций здесь и там, имеется в виду диаспора, и различных фондов и фондуций, например, «Открытое общество» или Фонд Карнеги. Помогает с финансированием, проталкивает гранты. Ну, и организационная, методическая поддержка. Вроде бы входит в попечительский совет «Фридом Хаус»...

– Ого! Это ж структура Вулси.

– Именно его, адмирала Джеймса Вулси, экс-директора ЦРУ. Но информация неподтвержденная. Кроме того, Гецко отметился в Антибольшевистском Интернационале. Это еще при Рейгане. Пересекался с Анджеем Каратницким, но эпизодически. Не сложилось у них. В Сербии и Грузии читал студентам лекции о современной демократии.

– А я думаю, лицо знакомое, где-то видел его. Вспомнил. В девяносто девятом на присвоении Бжезинскому звания «Почетный гражданин Львова».

– Странно, что я упустил, – удивленно вскинул брови Юрий Вячеславович. – Это серьезно?

– Конечно, серьезно. Я там не был, но ребята на пленку все выступления отсняли и фотографий несколько сотен сделали. Николас этот крутился там.

– Я не о том. Насчет звания Бжезинскому – это действительно? Збигнев же, хоть и поляк по происхождению, славян на дух не переносит.

– Да. Все по-настоящему. Занесли в книгу, выдали свидетельство или грамоту, что они там выдают. Торжественный прием, демократическая национально-сознательная общественность, приветствия, продолжительные аплодисменты. Дело в том, что он не перебаривает славян православных. Улавливаете разницу?

– Уловил.

– Мы запись тогда посмотрели закрытого заседания. Наверх интересные фрагменты передали, как информацию к размышлению. Бжезинский в своем благодарственном выступлении перлы, конечно, выдавал – и про гегемонию США против России, и про обломки России, мол, нет сомнений в том, что Россия будет раздробленной и находиться под опекой. Украина это – форпост Запада. Про развитие Украины в интересах США – проглотили и не почувствовали. Или сделали вид. Короче, бурные овации. Ты ж понимаешь, им там лишь бы против России.

– Как в анекдоте. Бог говорит хохлу, проси что хочешь, но москалю того будет вдвойне. Хохол – Господи, выколи мне глаз! Правда, это уже не смешно.

– Грустно. Хотя, по-моему, галичане – они совсем не хохлы. Вот, в Полтаве – хохлы. В Черкасах, Запорожье – хохлы. В Киеве, понятное дело, – киевляне. А «западенцы» – у них закваска другая.

– Именно. Теперь они всем табором к вам на Майдан перекочевали. Автобусы с Западной в Киев прут и прут. Уже не надо, а они всё едут. Где они палаток столько заготовили, полевых кухонь??

– Загодя готовили, не один год. Ладно. Бог с ними, с палатками и Бжезинским. Водитель у этого Гецко, что из себя представляет? – напротив супермаркета «Мегамакс» Александр Васильевич свернул и проехал между высотками. – Жесткий парень. Что-нибудь знаете о нем?

– Водитель? – переспросил Юрий Вячеславович. – Личность примечательная. Мариан Ситник. Скорее всего, Марьян Сытник в оригинале. Гражданин Канады. Сын украинских эмигрантов. Родители после войны из Германии сначала в Англию перебрались, а потом уже в Канаду. Сорок шесть лет.

– Сколько?!

– Сорок шесть.

– Слушай, я бы ему не больше тридцати дал!
– покачал головой генерал. – Ну, тридцать пять от силы.

– Личность примечательная.

– И чем?

– Журналист. В начале восьмидесятых больше года провел в Афганистане и Пакистане. Репортажи с фронта писал для ряда известных американских и английских газет. Фоторепортажи делал. По подтвержденным данным принимал активное участие в боевых действиях на стороне моджахедов. Не снайпер, но стреляет очень хорошо. Кстати, владеет приемами рукопашного боя.

– Какой он к черту журналист? Готовый наемник.

– Это не все. Участвовал в кругосветной регате, через спутник материалы передавал. Яхта попала в шторм в районе мыса Горн. Дрейфовали. Подобрали их аргентинские ВМС. Потом Ситник в автомобильный спорт ударился. Два раза принимал участие в ралли Париж – Дакар и еще каких-то. Призовых мест не занял, зато попал в аварию, поломал ногу, ребра. Восстановился. В гонках уже не участвовал. Сошелся с Гецко и компанией. Во время первой чеченской войны какое-то время, месяцев пять-шесть, крутился с чеченцами. Пару репортажей дал, как обычно они дают – «зверства федералов, героические борцы за свободу». Но резко свалил. Наверно, не нашел общего языка. Почувствовал, что жареным запахло. Что ни говори, а они на него все равно как на неверного смотрят.

– И выкуп хороший можно получить.

– И это – тоже. Так что, вовремя сделал ноги. В основном, всё.

– Да... вот тебе и вуйко, – генерал зарулил во двор. – А еще двое? Из «Ауди»?

– Этих не знаю. Похоже, местные. Ваши должны знать, кто с Гецко и Ситником контактит. А может, эти двое – ваши люди, только из другого отдела или управления? Приданы для усиления.

– Все может быть. Скорее всего, так и есть. Наведу справки. – Александр Васильевич миновал внутренний шлагбаум с дежурным.

«Какие справки?! Что сейчас можно вообще навести? У кого и что спрашивать?»

– Приехали.

– Вас подождать?

– Желательно. Я скоро. Не задержусь.

Глава 15

Машина шуршала по европейскому автобану о четырех полосах в каждую сторону, разделенных по центру высоким бордюром с фонарями и газоном под серым от выхлопов снегом.

Жена и дочь надулись и мрачно молчали. Александр Васильевич запретил говорить, пока не приедут в Борисполь. Мобильники прослушиваются, «жучки» пишут, а, главное, ему просто не хотелось сейчас выслушивать женские стенания и словесные истерики. Он объяснил им суть происходящих событий, не вдаваясь в подробности.

Сергей в тяжелом состоянии после аварии. В квартиру полковника вломились. У генерала тоже положение шаткое. Идет жесткая борьба, а он не хочет, не имеет права подвергать их опасности. Да, это не все. А рассказывать им все он не имеет права. К тому же, знать все им совершенно не обязательно. Если он говорит, что необходимо так поступить, они должны ему верить. Слишком положение серьезно. И точка. Главное – им надо уехать. На время. Ненадолго. Недели на две, максимум – три. После Нового года, а лучше – Рождества, уже вернетесь. Тут как раз все относительно уляжется. Пена осядет.

Вы же давно хотели отдохнуть в Турции. Не хотели? Не в Турции, и не в декабре? Ничего, будете купаться в бассейнах. Там есть в гостиницах бассейны с подогревом. Есть аквапарки. Главное, с визами нет проблем. Прямо в аэропорту по прибытии

купите визовые марки по двадцать долларов. Они в течение двух месяцев действительны.

Внимательно проштудируйте свои новые документы, и запомните, как вас теперь зовут. Постарайтесь не перепутать. Нет, это не навсегда. Я же сказал – до Рождества. Оля, ты же хотела в сериалах сниматься? На кастинги ходила... Пока не взяли. Ничего. Вот и потренируйся, сыграй роль. Тем более, не в кино, а по-настоящему.

В больнице, на работе Ирины, он все решит. Объяснит, как положено. Ирина не сомневалась. Главврач будет кивать и понимающе соглашаться. Попробовала бы она сейчас подойти к главному и попросить экстренный отпуск?! В университете у Ольги объявлены длительные каникулы. Рыжего «перса» Пончика он сможет прокормить. При необходимости отдаст тете Маше, как в прошлый раз, когда они все вместе уезжали в Крым. Ничего, Пончик переживет временное расставание. Его кошачьи страдания – не самая большая проблема.

– А как же Игорь? – взвилась Оля.

Они уже вышли из автомобиля и доставали из багажника сумки.

– А что – Игорь? Кто такой этот Игорь?

– Мальчик из нашей группы...

– Мальчик из группы – и чем он примечателен? Какие у него особые приметы и качества? С какой целью, когда и где он родился?

– Папа, знаешь, мне не до шуток...

– Мне тоже.

– Ну, встречаются они, – пояснила за дочь Ирина.

– Что-то не видел я никакого Игоря, – недовольно буркнул под нос генерал.

Who is этот Игорь? Вообще, при чем тут какой-то Игорь? Недавно, кажется, Ванечка был. Все уши прожужжала. «Ах, Ванечка! Ах, Ванечка! Он такой классный! Он такой кайфовый!». Сплыл Ванечка?

А перед Ванечкой? Костик? На кабриолете «BMW». Нет, на кабриолете был Алик, то ли Альберт, то ли Олег, он так и не понял. Тьфу!

– Просто Игорь сейчас со всеми нашими каждый день на Майдане.

– Позвони своему оранжевому другу, скажи, что уезжаешь на несколько дней.

– Куда уезжаю?!

– Да, куда угодно! К тетке в Белоруссию, например.

– Папа, ты же знаешь, у меня нет тетки в Белоруссии!

– Не нравится к тете, езжай к дяде.

– Папа, у нас нет родственников в Белоруссии!

– Какая разница? Разве это имеет значение?

– Ну... а ведь из Белоруссии я тоже могла бы ему звонить? Что я скажу Игорю, если он спросит?

– Скажи, что диктатор Лукашенко запретил связь с революционной Украиной, отменил роуминг.

– Какая чушь!

– Ничего, он поверит. Звони. У тебя есть две минуты.

Дочь отошла в сторону. Общалась и прощалась с молодым человеком. Убедительно объясняла, стеснительно хихикала, поглядывая на ожидавших родителей. Вернулась, взяла на плечо сумку.

– Поверил... – произнесла разочарованно. – Еще сказал, что у нашего «пятого канала» на границе белорусские пограничники вообще все камеры для съемок забрали. Обещали вернуть только при обратном пересечении границы.

– А чего они туда поперлись, в Белоруссию? Там же революции пока нет?

– Наверно, митинги в нашу поддержку снимать...

– Полсотни грантоедов с плакатами?

– Ой, папа, ты такой предубежденный! Тебе ничего никогда не докажешь!

– А мне ничего доказывать и не надо. А вот тебе надо учиться думать самостоятельно. Не верить каждому хлыщю, который перед камерой красуется и умничает, а размышлять. Делать выводы. Анализировать.

– «Анализируй это».

– Что?

– Кино такое американское – «Анализируй это».

– К слову, о фильмах. Есть хороший фильм, тоже штатовский, «Плутство» называется или «Хвост виляет собакой». Закажи там кассету и обязательно посмотри для общего развития.

– И о чем он, такой развивающий?

– О выборах, политиках и политтехнологах. Как манипулируют сознанием масс. Как дурачат наивную публику умные дядьки. Целую страну, причем, Штаты. А пипл хавает, я правильно выразился?

– Правильно. Это не там, где играют Роберт Де Ниро и этот, как его... ну, который из «Тутси»?

– Дастин Хоффман? – подсказала Ирина.

– Да. Точно. Как они там виртуальную войну для избирателей устроили, чтобы отвлечь внимание от сексуального скандала с президентом? Что-то типа Моники Левински.

– Вот-вот, именно этот.

– Ничего так, кино. Только, пап, я его года два-три назад уже видела. Там еще этого политтехнолога снайпер в конце убивает.

– Вот и анализируй это и то. Имей свое мнение. Ладно. Давайте сюда ваши телефоны, – Александр Васильевич протянул руку.

– Как это? – синхронно удивились жена и дочка.

– Так. Они вам пока не нужны. Подождут вас дома.

– А как же... – Ирина с сожалением рассталась со своей «раскладушкой».

– Никак, – генерал отключил оба телефона и кинул их на заднее сиденье. Достал из кармана

плоскую широкую «Моторолу». Отдал жене. – В список внесен только один номер. Мой новый. Звонить лишь в самом крайнем случае. Ни мальчикам, ни подружкам, ни коллегам. Никому. Вы меня поняли?

– Да. – Они его поняли.

– Модель, между прочим, совершенно не женская, – не преминула язвительно вставить дочь.

Александр Васильевич пропустил неуместную глупость мимо ушей.

– После первого января, если сильно надоест загорать в гостинице, можете взять билеты на Москву, а оттуда – на Нижний. Погостите у сестры. Ты давно хотела.

– Спасибо, – Ирина обняла его за шею. Прильнула. Прижалась губами к его губам. Осыпала лицо мужа беспорядочными быстрыми поцелуями. – Мы будем молиться за тебя.

– Хорошо...

– Да, пап, ты... береги себя, ладно? – Ольга приникла под отцовскую руку.

– С такими заступницами, что со мной может случиться?

– Нет, пап, серьезно... Может, вдвоем полетим, а? Тебя ведь пропустят?

– Пропустят, пропустят, – Александр Васильевич поцеловал жену, дочь. – Ну, идемте. Давайте без раскисания. И не замечайте, как время пролетит.

– Ты будешь звонить? – Ирина осторожно промокнула платочком глаза, стараясь не зацепить накрашенные ресницы.

– Нет. Если я не звоню, значит, все нормально. Так и вы. Звонить, я объяснил, в каком случае.

– Я помню, – Ирина остановилась, посмотрела на мужа, тяжело сглотнула застрявший в горле комок.

– Ира, это просто перестраховка, ты же понимаешь.

– Понимаю. Я крыло видела. Тебя, как и Сергея хотели убить?

– Ну, что ты несешь?! Гололед на дорогах. На Коцюбинского «чайник» въехал на спуске. Пока на службу доеду, пять-шесть аварий наблюдаю.

– Ладно, Саша, будем считать, я поверила. Мне так легче.

– Ну, будет...

Вошли в здание аэровокзала. Терминал «В». Прохождение паспортного контроля затягивалось. Раньше Ольга обязательно бы нырнула в магазинчик «uty-free» и нашла там для себя массу крайне необходимых вещей. Но сегодня настроение было не для шоппинга. То же и – заманчивый ирландский бар. Жена и дочка с удовольствием бы посидели, выпили что-нибудь экзотическое. Например, красное ирландское пиво. Но – в другой раз. Если случится.

Наконец, все формальности были соблюдены. Багаж упакован специальной оберточной бумагой и отправлен на погрузку. Ручная кладь украшена небесно-голубыми бирками. Женщины благополучно миновали паспортный контроль. Попрощались. Генерал подождал, пока серебристый лайнер с желто-голубыми национальными прямоугольниками на хвосту поднимется в воздух. Проводил минорным взглядом престарелый «Боинг» «Украинских авиалиний», скоро исчезающий в слоисто-кучевой облачности среднего уровня.

Расставание с родными людьми и друзьями, особенно в аэропортах, на вокзалах – узловых точках людских потоков, всегда навевало неизбежную и естественную грусть. На этот раз генеральская печаль была с философским оттенком. Чувство одиночества, если не считать, конечно, Пончика, уравновешивалось спокойствием за жену и дочь. И у него теперь добавилось поле для маневра. Развязались в какой-то степени руки.

Сделав круг, заехал на круглосуточный автосервис. Подрихтовали крыло, можно сказать, функционально – лишь бы не терлось колесо. Около двух ночи вернулся домой. Кот выгибал спину, вертикально дрожал хвостом, томно путался в ногах, встречая хозяйна – редкого гостя. Тихо урчал, поедая, тонко нарезанное, кошачье «мяско» из холодильника.

Александр Васильевич включил компьютер. Скопировал диск, данный ему Георгием Петровичем, положил файл в «Мои документы». Поправил дату. Вот, теперь генерал-майор абсолютно ни при чем. Вставил «болванку». Сделал еще одну копию. Куда положить этот запасной диск? Осмотревшись кругом, взял семейное фото, где он был запечатлен с женой и дочерью в обнимку. Отвернул фиксаторы на задней стенке, уложил диск между фотографией и картонной подложкой, вернул фиксаторы в исходное положение. Внимательно посмотрел на фото с разных ракурсов. Хорошо. Незаметно.

Налил грамм сто пятьдесят тягучей, из морозильника, водки. Захрустел жидкость зеленым кисло-сладким «антоновским» яблоком. И уснул.

Глава 16

Пробуждение получилось на удивление легким. Голова пребывала ясной. Настроение – поганым. Зато давно он так хорошо не высыпался. Десятый час. Уже двадцать минут, как идет совещание руководителей Управлений. Идет в его отсутствие. Ну и пусть себе идет! «Ну и пусть себе плывет, железяка ржавая!». В конце концов, каждый человек имеет право на свое хмурое утро. Тем более, никто не звонит. Симптом? Синдром. Генералом овладела нехарактерная для него апатия.

Да пошли они все к чертовой матери! «Преступный режим вместе с бандитами, которые должны сидеть в тюрьмах», а не управлять заводами, министерствами, да, собственно, всей страной. «Великая Оранжевая революция и революционеры» – сплошь вдоль и поперек бывшие министры-капиталисты, премьеры и олигархи, отогнанные от главного корыта. Какая это на хрен «за ваши гроши» революция?! Разве изменится кардинально система взаимоотношений в стране, государственный строй? У нас что, теперь будет новая прогрессивная общественно-экономическая формация взамен старой, прогнившей и отжившей свое? В руки какого такого нового революционного класса перейдет власть? Класса миллионеров-неудачников, не удовлетворивших вдосталь свои высокие амбиции, не набивших под завязку бездонные «кишени»?

«Что было, то и будет;

и что делалось, то и будет делаться,

и нет ничего нового под солнцем».

Это Экклезиаст – Проповедник, библейский мудрец и философ, вещавший за триста лет до Рождества Христова от имени великого царя Соломона. Автор, оставшийся неизвестным в веках. Космический пессимист, сам удрученный своей безысходностью и нигилизмом, своим сокровенным, абсолютным знанием о людях – современниках, предшественниках и потомках.

*«Суета сует, все суета! ...
Род проходит, и род приходит,
а земля пребывает вовеки.
Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно восходит.
Идет ветер к югу, и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своем,
и возвращается ветер на круги своя».*

Разве?! Неужели? Всё возвращается на круги своя, сколько ни бейся, ни старайся? Так таки нет ничего нового под этим солнцем, единственным на миллиарды лет и жизней? Нет ничего совсем? Нет, это неправда! Ты ошибался, древний иудейский гений! Мы видим это новое глазами, трогаем руками, чувствуем губами, слышим его. Мы гонимся за ним, надеемся поймать, добыть. Господи, да только посмотреть вокруг?! Всё новое и все другое, чего не было раньше иль, если и было, то вовсе не такое.

Вот только люди отчего-то меняются мало, скачут ли они по Великой степи на мохнатых низкорослых лошадаках, лелея покорить весь мир от моря до моря, смотрят ли на свет сквозь линзы оптического прицела, защищенные броней танка, или врезают самолеты в небоскребы во имя великой, понятной лишь им одним цели, принося в жертву свои и еще тысячи жизней. Аллах Акбар!

И, кстати, есть ряд вопросов по этим самолетам и «близнецам» Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Не все однозначно и ясно. Так пишут.

Разве устроен наш мир таким образом, что умные, честные, талантливые всегда получают уважение и признание? А воры, насильники и обманщики справедливо наказаны? Руководят достойные? Богатые делятся с бедными?

*«Поставлена глупость на высокие посты,
А достойные внизу пребывают...
Еще видел я под солнцем:
Место суда, а там беззаконие;
Место правды, а там неправда.
Праведников постигает то,
чего заслуживали бы дела нечестивых,
а с нечестивыми бывает то,
чего заслуживали бы дела праведников.
И сказал я: и это – суета».*

И так – из века в век на разных континентах, населенных людьми. Так в чем же смысл нашей жизни? Какой резон нашего прихода сюда – на белый свет? В продолжении рода, в знании, в мудрости?

*«И предал я сердце мое тому,
чтобы познать мудрость
и познать безумие и глупость;
Узнал, что и это – томление духа.
Потому что во многой мудрости много печали;
И кто умножает познания, умножает скорбь.
Все произошло из праха, и все возвратится в прах».*

Предел. Конец. Круг. Выхода нет. Миссия невыполнима. Так где же выход из этого нетленного лабиринта земной мимолетности, безнадежности, отчаяния и предопределенности? В чем состоит решение этой задачи? В ком, в чем надежда – в Боге, в любви, в красоте, в Вечности, в совершенствовании души? Как понять тебя, мыслитель, и что делать?

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом.

Время рождаться, и время умирать;

Время насаждать, и время вырывать посаженное...

Время разбрасывать камни и время собирать камни».

А что делать мне? Не песчинке или пылинке, гонимой космическим ветром, растворяющейся на атомы в ходе неумолимого времени? А конкретному человеку с именем, фамилией, семьей, друзьями, врагами, персидским котом, противно мяукающим над кусочком диетического мяса? Крупный кусочек, видите ли, остался в миске, надо встать и нарезать тонкими пластинками, как приучила дочь, тогда этот зажавшийся и избалованный деликатесами производитель котят, соизволит к нему прикоснуться. А пока будет мяучить и время от времени тереться об угол кровати, понуждая хозяина обратить внимание на его царственную особу.

«Человек не знает, что предстоит —

Любовь или ненависть? Все возможно».

Что ж, из этого и будем исходить, великий мудрец.

Глава 17

Тонкое мелодичное пиликанье телефонного звонка, прервало философские генеральские размышлизмы о вечном, вернув к бытию существу.

Экран высветил фамилию майора.

– Слушаю!

– Здравствуйте, Александр Васильевич!

– Да, Гена!

– У вас все нормально?

– Да, все нормально. А что?

– Ничего. Это хорошо. Просто интересовались, ну, оттуда, где вы?

– И что, где я?

– Вы в поликлинике сейчас.

– Разве?

– Да. Обследуетесь. Давление у вас поднялось.

Наверное. Я звоню, чтобы вы знали.

– Во как?! А если я куда-то уехал?

– Если б вы уехали, мы бы об этом знали, Александр Васильевич...

– И кто это решил? Кто придумал?

– Так получилось, что я решил... придумал.

– А Алла Борисовна, зачем там находится?

– Она вышла, когда позвонили, а я трубку поднял. Решил, может, вы... ну, и сказал. Я думал...

– Думал он... Смотри, майор, накаркаешь?

– Александр Васильевич, надо же было что-то говорить? А сейчас у многих с давлением проблемы – нервы, недосып. Я тут интересные распечатки вам подготовил. К дневному совещанию. Что

те, что другие чуют, не соскучишься! – майор по тону понял, что пронесло, значит, он сделал все правильно.

– Приеду, посмотрю. Ты где находишься?

– У вас в «предбаннике».

– Трубку Алле Борисовне дай.

Алла Борисовна, в прошлой жизни учитель истории, а до того сокурсница Александра Васильевича, выполняла секретарские функции с достоинством – профессионально, исправно и ненавязчиво. Интеллигентно. Встретились как-то случайно на Крещатике, разговорились, посидели в кафе, вспоминая учебу. С мужем Алла несколько лет назад развелась – не сложилось. Сын заканчивал одиннадцатый класс. Сама она работала в школе. Перебивалась как все, пытаясь приспособиться к новому жесткому времени. Бывший соученик предложил ей пойти к нему секретаршей, как раз место освобождалось. Алла Борисовна, не колеблясь, конечно же, согласилась. Теперешняя работа ей нравилась атмосферой причастности и посвященности, кругом общения, а главное, регулярным и весомым материальным вознаграждением, сдобренным разнообразными бонусами. Бывшей учительнице присвоили звание прапорщика. Александр Васильевич благополучно сработался с интеллигентной тактичной женщиной.

Майор Прокопчук любил пообщаться с Аллой Борисовной. Не по работе, а так, за жизнь. Посидеть, побалагурить, испить кофейку с крекерами. Алла Борисовна отвечала ему взаимностью, испытывая к майору симпатию и, главным образом, материнские или старшесестринские чувства. Возможно, и она не устояла бы перед майором по-женски, поставь он такую цель, распустья перед ней все свое «нечеловеческое» обаяние, но Алла Борисовна, будучи приятной собеседницей и симпатичной женщиной, уже перешла в возрастную группу, мало интересовавшую майора с плотской физиологической точки зрения.

Как правило. Хотя, любое правило, как мы знаем, подразумевает и исключения. Женщины в возрасте – они существа благодарные, но майор Прокопчук предпочитал все же молодых, благодарных и разных. Вот только говорить с ними большей частью было не о чем, а поговорить Геннадию частенько хотелось.

Дома майор появлялся поздно. Всегда уставший. Уходил рано. На общение с женой времени не хватало. А с будущими филологами, кроме продвинутого во всех направлениях физического контакта, интеллектуальный контакт получался весьма специфическим.

Майор с упоением выдавал в отделе «хиты» от университетских «двойняшек», как он их называл. Например, про «дружбу с Аудовской Аравией», – страной, произошедшей в понимании современных студенток, очевидно, от автомобиля «Ауди». Про «Гитлера, по-отечески правившего Украиной после Сталина, но еще до Брежнева». Андропов у них происходил из англичан, это и дураку понятно – фамилия-то от «under» получается. Филологи. Они знают. Особенно потешался майор, играя с «двойняшками» в города.

– Москва! – начинала одна из красавиц.

– Акапулько!

– Геночка, ну, что ты фантазируешь? Ты так быстро и такие смешные названия придумываешь!

– Киев! – изрекала вторая.

– Владимир!

– Вася!!!

– А при чем тут – Вася?! – удивлялся Геннадий.

– А при чем тут – Владимир? Это же имя, а мы, кажется, в города играем?

– Палех! – ставил в тупик студенток майор, предвкушая очередной «брэк».

– Ну... ну... подсказки что-нибудь в конце-то концов!

– Столица Харьковской области? Девчонки, это вы должны знать!

– Ну... э-э... ой, Геночка, лучше иди к нам, а то мы замерзли! Хи-хи!

Алла Борисовна внимательно выслушала генерала. Александр Васильевич скорректировал по телефону свой график.

А может, действительно, наплевать на все и оформить «больничный»? Сколько ему еще осталось работать? Несколько дней до двадцать шестого декабря? Это – реально, а формально, конечно же, немного дольше. Пока устаканят все политические процедуры на высшем уровне, а они будут волочиться весь январь. Пока назначат нового председателя Службы. Вот, где-то в середине февраля предложат написать «по собственному желанию» во избежание ненужных для него эксцессов. Пенсия есть. Пишите, Александр Васильевич, дорогой вы наш, рапорт, предложат не только ему – многим. Большинству в верхнем эшелоне. И это понятно. Надо быть готовым к грядущим переменам в жизни.

Генерал побрился-собрался, выкатил из подземного бокса, пострадавшую накануне машину. Заехал в военный госпиталь. Дежурный, но уже другой, по-прежнему сидел возле палаты. Жена полковника отдыхала на кушетке. Людмила поднялась. Поздоровались тихонько. Сергей Николаевич спал. Во всяком случае, это звучало более обнадеживающе, нежели «находился в бессознательном состоянии». В его самочувствии за сутки мало что изменилось. Иногда приходил в себя, что-то неясно бормотал. Добавили успокаивающие для «понижения эмоционального фона». Капельница капала, приборы пикали, неоновая лампа еле слышно гудела.

Теперь – в поликлинику на Шовковичную. Давно и хорошо знакомый доктор измерил давление. Сто тридцать на девяносто. Норма. Почти. А с

учетом возраста и нервного времени так и подавно. Оформил больничный. С «гипертоническим кризом» надо ложиться в стационар, поэтому лечащий врач диагностировал «стойкое повышение артериального давления». Прописал лекарства и постельный режим. Домашний.

Александр Васильевич появился на службе к тринадцати. Ознакомился с распечатками телефонных разговоров. Интересно, конечно, но никому уже это не надо. Пока не надо. Понадобится позже. Кинул бумаги в сейф. Не о чем тут докладывать – только впустую бульбы пускать. Поучаствовал в дневном совещании. Интересовались его самочувствием. Благодарил, мол, не дождетесь. Посмеялись о том, сем. Поводов для веселья не было, просто настроение у всех, если не улучшилось, то, во всяком случае, определилось. А определенность, даже со знаком «минус», она лучше, чем муторошное ожидание.

Всем даны гарантии. Бывшему президенту, уже – бывшему, так как сам себя отстранил от всего, в тихой и сытой пенсии. Недоторканности. Оппозиционному кандидату в президенты Украины от национальных демократов, США и Европы это самое возжеленное президентство и гарантировано. А другого президента ни США, ни Европа не примут и не признают, им тоже гарантировано, что гранты и усилия вложены с умом, даже с толком. Имперская тоталитарная Россия может пока отойти в сторонку и помолчать в тряпочку, разобраться со своими собственными немалыми проблемами. Кандидату от «бандитов» и всей его сепаратистской шайке-лейке гарантированы камеры в тюрьмах и экспроприация награбленного народного «майна». Сухари сушить! Всем сестрам по серьгам в соответствии с законами строго революционного времени. С помаранчевым оттенком. Осталось только соблюсти видимость демократических процедур, освятить диктат Хавьера нашего

ибн Соланы – провести третий президентский тур, который, ясен день или пень, будет самым честным и демократичным, правильным и результативным.

Александр Васильевич оставил Алле Борисовне вместо себя «больничный» – действовать по ситуации. Сложил в дипломат «с сюрпризом» «трофейные» папки, кое-что из документов, что скучали до поры, до времени в сейфе, в левый карман – диск, в правый – верный «ПМ», и вырулил со стоянки на Ирнинской в свет. Покружив по улицам, не обнаружил за собой никакой слежки. Это настораживало. Проверил еще раз – никого. Остановился, развернул данную секретаршей газету объявлений. Вот. Квартиры – посуточно. Все-таки надо спокойно, без мороки и нервов посидеть с документами несколько часов, понять, что они значат.

Пончик пока продержится на сухом пайке, корма насыпал ему с горкой. Невелик барин, начнет умирать с голоду, съест. Голод – не телка, как утверждал иногда майор Прокопчук. А вообще-то, Пончиком важный персидский кот был в своем кошачьем детстве, когда, не совладав с умилением на кошачьей выставке, они купили и подарили дочке желанный пушистый комочек. В красочной родословной было записано какое-то другое вычурное имя, но в семье котенок сразу стал Пончиком. По мере котофеевского взросления и нахмурения выразительной морды, форма и содержание, нешуточный внешний вид и легкомысленное имя пришли в диссонанс. Разошлись. Через промежуточного Поню кот естественным образом превратился в Понтия, пока еще не Пилата, но все к тому шло.

Далеко генерал не уехал. Позвонил Юрий Вячеславович, накануне они обменялись телефонами, предложил встретиться. Поговорить. Есть о чем.

Глава 18

Генерал назначил встречу Юрию Вячеславовичу в Нижней Лавре, возле святых Лаврских источников преподобных Антония и Феодосия Печерских. Александр Васильевич любил это место. Оставляя машину на площадке перед коваными чугунными воротами, посещал поочередно каждую из надкладезных часовен – маленьких, уютно-декоративных, словно игрушечных по сравнению с мощными, укрепленными старинными стенами крепости, нависавшими с холма. Защищенные стенами, уходили в светлую высь золотистые купола церкви и колокольни. На этих живописных холмах воочию спрессовались природа, тысячелетняя история, величественная архитектура, православный дух великих святых, многовековая пронизывающая пространство благодать.

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Вот только русалки не сидели на ветвях деревьев старого парка вперемежку с еще более великовозрастным лесом. Наверно это и есть древняя Святая Русь. А где же еще, как не здесь? Киев – мать городов русских. А Лавра – сердце, душа Киева.

Генерал делал несколько глотков из каждого источника, споласкивал руки, протирал святой водою лицо. Прогуливался по круто уходящей вверх брусчатке, ведущей к входу в Нижние пещеры, Крестовоздвиженскому храму, церкви Рождества Богородицы, кладбищу святых и подвижников. Александр Васильевич дышал, набирался духа. Всегда

внутренне успокаивался. Смотрел на округлые, многометровой толщины стены. Кадрами фильмов проносились в мозгу исторические сцены. Пред суровостью бытия, многотрудными и многолетними подвигами святой братии, набегам половцев, кровавой княжеской междоусобицей, опустошающим нашествием Батыя, ограблением и сожжением крымчаками Менгли-Гирея, варварством безбожников двадцатого столетия, собственные невзгоды и проблемы казались мелкими и несущественными.

Воспитанный в советских интернационально-атеистических традициях, октябренок, пионер и комсомолец Саша, член КПСС – Коммунистической партии Советского Союза, офицер боевого передового отряда партии, авангарда и, так сказать, остря, – Комитета Государственной Безопасности, Александр Васильевич Шевчук, с распадом страны со всеми вытекающими и последующими событиями, несколько утратил почву под ногами. Почву идеологическую, точнее, мировоззренческую, подмытую перестроечными информационными потоками. Конечно, и раньше были значительные сомнения в правильности и непогрешимости «руководящей и направляющей силы общества», членом которой он состоял. Сомнения были, но в целом на ногах стоял твердо.

Отучившись два года в университете, будущий преподаватель истории, ввиду отсутствия военной кафедры, отправился отдавать долг Родине в пограничные войска. Его там заметили, причем, два раза. За успешное задержание нарушителей границы Александру присвоили «отличника пограничных войск» второй, а затем и первой степени. Погранвойска находились в ведомстве КГБ, поэтому награжденные документы подписывал лично председатель Андропов, что было, конечно, тоже предметом неподдельной гордости. Особист, готовивший материалы в

Москву, запомнил ловкого и способного сержанта Шевчука, и, побеседовав с молодым человеком, предложил тому после службы продолжить учебу не в университете, а совсем в другом заведении – в Высшей школе КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского в Москве. Получив направление, Александр прошел строгий отбор и экзамены при конкурсе человек минимум десять на место. И поступил.

Предполагая будущую работу в органах госбезопасности, он не задумывался о массовых репрессиях, коллективизации или ГУЛаге. Тогда, в самом начале безмятежных семидесятых, обо всем этом он, собственно, мало, что и знал. Слышал потаенные рассказы стариков о «заградотрядах» и «колосках», людоедстве и вымерших селах, больше похожие в его детском восприятии на страшилки про бабу-Ягу и Ивасика-Телесика, на чьих косточках страшная бабка хотела «повалиться-покататься». Чувствовал сельским нутром, что-то не то написано в «Поднятой целине». Понятное дело, кулаки – классовые враги, эксплуататоры сельской бедноты, но какая может быть на селе беднота? На земле всегда прокормиться можно, если не лежать на печи, да не глушить самогон с утра пораньше до вечера. А с другой стороны, ну, кто такой он – мальчишка-школьник со своими короткими мыслишками, и кто – великий писатель?

Ореолом самопожертвования ради народного дела, «святого и правого», сияла в его сознании фигура Феликса Эдмундовича Дзержинского – председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, наркома внутренних дел и путей сообщения, борца с детской беспризорностью. Это был один из героев его детства наряду с другими героями гражданской и Отечественной войн. Несгибаемый революционер, человек кристальной честности и огромного личного мужества,

прошедший через тюрьмы, ссылки и каторгу царского режима. Это он говорил, что чекист должен быть с «чистыми руками, горячим сердцем и холодным разумом». Именно таким Сашко и хотел быть.

Многими годами позже, когда Александр Васильевич читал Приказы ВЧК того времени, коробили душу фразы «железного Феликса», например, «что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров». Существовала даже «Коллегия по делам заложников при ВЧК». И сам Председатель ВЧК, понимая незаконность «заложничества» как такового, объяснял коллегам, что «понятие «заложник» включает в себе элемент наказания невиновных», и советовал применять термин «заподозренный». «Церковь разваливается, этому нам надо помочь... Церковную политику развала должна вести ВЧК... Наша ставка на коммунизм, а не на религию». «Лозунг органов ЧК должен быть «тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие для рабочих и крестьян»... Во исполнение... создать для буржуазии особые концентрационные лагеря».

Концлагеря... А он-то думал, это мрачное изобретение принадлежит немецким фашистам...

Поразило вычитанное напутствие однопартийцев Ильичом, Лениным, который «всегда с тобой», по поводу крестьянских восстаний против большевистской власти: «Будьте образцово беспощадными. Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты!».

Революция и гражданская война – красное колесо, прокатившееся по стране от края до края, поднявшее всю муть, весь мрак и нечисть, скрывавшиеся глубоко в народном теле в тихие, благополучные годы. Но почему вся эта тьма так живо вылезла наружу? Почему лозунги кучки фантазеров-авантюристов

нашли такой отклик в народе, детонатором подняли на дыбы всю соборную самодержавную Империю? Часто кивают на время, мол, время было жестокое, кровавое. А когда оно было доброе? В какие такие благодетные времена? Но эти и многие другие вопросы стали посещать голову работника государственной безопасности позднее.

А тогда в «органы» влекла романтика, разведка-контрразведка. Мечталось быть таким, как Штирлиц или Иоганн Вайс. Пять или шесть раз ходил в кинотеатр на «Мертвый сезон». «Судьба резидента», «Ошибка резидента», вот это – жизнь! Хотелось стать сильным, стрелять, прыгать с парашютом, водить классно машину. Защищать Родину. Он и защищал.

В исторических документах вычитал занимательную историю о том, почему чекисты сплошь были одеты в кожаные тужурки. Оказалось, царское правительство за границей заказало форму для летчиков русской армии и персонала авиационных частей. Заказ, кажется, в Англии, выполнили и на корабле отправили в Россию. Этот груз в семнадцатом году перехватили большевики. Так что, Антанта внесла свою немалую лепту в чекистскую экипировку.

Вопреки проштудированным теориям научного коммунизма, диалектического материализма, политэкономии и еще ряда подобных предметов, идеологическая надстройка «первого в мире социалистического государства» была сметена с шаткого экономического базиса информационным ураганом, ветром долгожданной свободы. Дозировано выпустить пар, накопленный в обществе, не получилось. Государственные тайны и грифы «совершенно секретно» десятилетиями хранили масштабные уголовные преступления правящей верхушки, ложь и кровь. Ненамного дольше продержался и базис, да

и вся страна, брошенная бездарными правителями, как корабль без руля и ветрил в штормовом море.

В душе остались разочарование, досада и пустота. Но свято место долгое время пусто не бывает. Душевный вакуум постепенно заполнялся. Духовный голод медленно, но утолялся. Душа, сердце находили опору в истории, культуре страны и народа, в религии – не культе, а скорее, в чувстве сопричастности с духовной субстанцией, что была задолго до тебя и будет после, не понимаемой умом, а, скорее, ощущаемой сердцем.

Сейчас, совершив водный ритуал у источника преподобного Феодосия, Александр Васильевич, спускаясь вниз, остановился на ступеньках. Днепр, закованный зимой в ледовый панцирь, невозмутимо, как и тысячи лет назад, нес свои воды, правда, не такие чистые и рыбные, как раньше. Хорошо просматривалась площадка для автомобилей. Время появиться Юрию Вячеславовичу.

– После закрытия монастыря в шестидесятом году православные продолжали ходить в Лавру за святой водой, – заученной скороговоркой общала группе туристов из трех человек миловидная женщина-экскурсовод.

Переводчик почти синхронно переводил на английский. Туристы, две бодрые старушки, активные, словно на батарейках, и старичок понимающе кивали и крутили головами во все стороны. Одновременно слушали, что-то объясняли друг другу, раскрепощенно жестикулировали.

– На Богоявление перед колодцами выстроилась километровая очередь, – продолжила свой рассказ гид. – А на следующий день коммунистическая власть уничтожила памятник истории мирового значения, заровняв бульдозером место святых источников. В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году праздновалось тысячелетие Крещения Руси.

В обители возродили монашескую жизнь. Немалых трудов стоило отыскать месторасположение колодецев. После долгих поисков, под строительным мусором удалось обнаружить декоративную облицовочную плитку, которой было выложено основание источников...

«Откуда они тут взялись, в декабре, божьи одуванчики? Небось, приехали на революцию посмотреть, да однообразие наскучило».

Глава 19

— **Д**обрый день! — Юрий Вячеславович появился из-за спины, от источника. Наверно спустился по пешеходной асфальтовой дорожке.

— Здравствуйте! — генерал протянул руку первым. Рукопожатием скрепили дружбу славянских народов на неофициальном уровне.

— Может, пройдем, поговорим? — эфэсбэшник показал на въехавшую на плато стоянки «Пежо-407».

— Пройдем, — не замечая жеста коллеги, Александр Васильевич, не спеша, двинулся по брусчатке наверх. — Не капризная?

— Кто?

— «Пежо» ваша.

— Да нет. Как и все. В Киеве станция обслуживания неплохая, так что, в этом отношении нет проблем. Главное — машина скоростная.

— Это немаловажно.

— Важно... Александр Васильевич, у нас есть к вам предложение. Даже, скажем так, ряд предложений. Несколько вариантов на ваше усмотрение. Вы слушаете?

— Да. Очень внимательно, — генерал размеренно поднимался вверх на шаг впереди Юрия Вячеславовича, не обращая внимания, что тот отстает. Габариты дают о себе знать, или уже нагулялся до того?

— Я не буду ходить вокруг да около. Нас интересуют документы.

– Всех интересуют документы. Меня – тоже.

– Александр Васильевич, мы же понимаем друг друга, я надеюсь? Не будем терять попусту время.

– Не будем.

– Отлично. Мы процентов на девяносто полагаем информацией, что за бумаги к вам попали...

– Настолько точно? А почему не на семьдесят или на девяносто пять? – генерал не стал скрывать иронии.

– Ну, хорошо! – Юрий Вячеславович остановился, достал из внутреннего кармана сложенные втрое листы, скрепленные степлером. Протянул генералу. – Первые три листа, это – одна папка. Два последних – вторая.

– Хм... – уже без иронии Александр Васильевич рассматривал доскональный перечень содержания папок. На трех листах жирные красные овалы охватывали часть списка.

– Это то, что нам нужно, – пояснил Юрий Вячеславович.

Александр Васильевич быстро пробежал лист глазами. Красный фломастер очертил платежные поручения, каждое на сумму с шестью нулями, естественно, в долларах. Названия некоторых фирм знакомые, остальные тоже, кажется, встречал – всплывали медленно в мозгу, но до поверхности пока не дошли. Крутились на подходе – вот-вот.

– Понятно, только неточность с процентами получается, – генерал указал на один из листов. – Вот этих документов в дипломате не было.

– Как это – не было, Александр Васильевич?! У нас точная информация, какие именно документы должны быть!

– Юрий Вячеславович, мы взрослые люди, и говорим серьезно. В кошки-мышки с вами никто

не собирается играть. Если я утверждаю, что этих документов в папках не было, значит, их там не было.

– Та-ак... – задумался эфэсбэшник, замедлив шаг. – А вы уверены, что из ваших людей никто...

– Это исключено. Мы с полковником сами взламывали кодовый замок дипломата.

– Для специалиста открыть такой замок – не проблема. Минута, полторы. Пятнадцать минут дипломат находился в «Шкоде». В ней водитель и пассажир... – Юрий Вячеславович рассуждал вслух. – Семнадцать минут в машине «Фольксваген-Пассат» с одним водителем, автомобиль все время был в движении...

– Вы что, на хвосте у нас сидели? Хронометраж проводили?

– Мы – нет.

– Спутник? Космические войска?

– Мм... – Юрий Вячеславович неопределенно пожал плечами.

– А облачность не мешала? – генерал досадливо про себя матюкнулся. Что уже выяснять про облака, если всё кино отснято. А американцами – и недавно.

– Я не вникаю в технические вопросы и метеорологические проблемы, Александр Васильевич, – Юрий Вячеславович протянул руку за списком. – А вы уверены в тех двоих, что были в «Шкоде»?

– Конечно. Мы в своих людях уверены. – генерал вернул список. – Понимаю. Эти денежные переводы были бы вам кстати.

– Почему только нам? – поправил генерала эфэсбэшник. – И вам, и нам. Конкретное подтверждение финансирования выборов из-за рубежа и снятие кандидата.

– Это еще, Юрий Вячеславович, доказать в суде нужно, что именно на эти цели... долгая песня.

– Вот и доказывали бы.

– Третий тур все равно этими платежками не отменить.

– Согласен. Но, знаете, после выборов жизнь не кончается. И есть такое неприятное слово «импичмент».

– Съесть-то, оно съест, да кто ж ему дать, – усмехнулся Александр Васильевич.

– Что ж, поверим.

– А у вас нет другого выхода.

– ...и проверим по своим каналам.

– Проверяйте.

– А пока примем как данность отсутствие важных бумаг имени изгнанника Платона, – разочарованно протянул российский коллега.

– Ленина?

– Да. В лондонском Разливе. Буревестника вашей революции.

– Возможно, и вашей – тоже.

– Возможно... – Юрий Вячеславович закурил, тонкой струйкой выпуская дым в пространство. – Давайте тогда поговорим о двух оставшихся блоках. Эти бумаги, надеюсь, в наличии?

– Эти документы имеются, – спокойно подтвердил генерал. А что крутить? Есть, значит, есть. Нет, так нет. Россиян интересовал еще и «семейный архив». Как и «седого», очевидно. – Хотите использовать перед третьим туром? Все же попытаться поменять победителя? Или тоже – на перспективу?

– Нет, сейчас использовать эти документы не имеет смысла. Мы считаем, на третий тур в сложившейся ситуации повлиять невозможно. Любая отрицательная информация симпатиками кандидата не будет восприниматься адекватно. Наоборот, вызовет лишь протест и отторжение.

– Эмоциональное восприятие. Ничем не перебьешь, – согласился Александр Васильевич. –

Если в третьем туре не будет нужного результата, для «оранжевых», естественно, разразится гражданская война. Другого выхода у них нет. Вернее, другой выход – третий тур. Потому, что результат гарантирован.

– Point of no return, как говорят наши стратегические оппоненты.

– Точка невозврата?

– Да. Ее уже прошли. И ваши апельсиновые сородичи не исключают силовой вариант. Вернее, не исключали, сейчас-то в этом уже необходимости нет.

– Само собой. И так всё им отдали без боя.

– Может, оно и к лучшему. По нашим данным, у многих руки чесались. А этот сценарий нас не устраивает. Вы же видите, Александр Васильевич, руководство наше фактически самоустранилось. Вышло из игры.

– Взяли паузу?

– Возможно. Так что, опубликование и общественное обсуждение этих документов на данном этапе и вообще в ближайшее время мы считаем не только бесполезным, но, скорее, даже вредным. В силу накала страстей всё будет воспринято как очередная фальшивка с целью очернения героя. Утратится в значительной степени доверие, как к документам, так и к теме в целом. Надо выждать, чтобы общество остыло, не воспринимало все через призму выборов.

– Пройдет время. Герой наделает ошибок, а он их обязательно наделает. Ореол исчезнет...

– Вот, тогда можно и публиковать, – закончил фразу Юрий Вячеславович. – Загнать гвоздь в крышку.

– А можно и вообще не предавать огласке.

– А смысл?

– Иметь фактор влияния. Держать на коротком поводке.

– Может и так. Но, Александр Васильевич, не стоит переоценивать важность этих бумаг.

– Преуменьшать – тоже.

«Ну, вот. Торг уже начался».

– Сейчас вообще, убойный компромат, забойный – мало на что влияет. Люди уже привыкли ко всему, избавились от иллюзий, во всяком случае – у нас. Девяностые приучили ничему не удивляться, никому не верить. Если честно и откровенно, как по мне, так вся эта игра не стоит свеч.

– Отчего ж ввязались?

– Руководство хочет иметь массив на перспективу. Информационный массив. Максимально полный комплект. Думаю, вероятнее даже, для влияния на третью сторону. Или стороны. Я имею в виду те документы, что имеются у вас.

– Например?

– Например, Израиль. Для них это – болезненный вопрос. Еврейское лобби в Штатах, например. Есть вещи, которые им неприятны.

– Мелко. Тут ничего явного нет в этой связи, – засомневался генерал. – А украинские националисты в отношении евреев и так себя прославили во время войны. Ни убавить, ни прибавить.

– В данном случае важно эмоциональное восприятие личности.

– Конструирование отрицательного образа?

– Возможно. Вы знаете, в нашем деле мелочей не бывает. Противник не уверен в себе – разве это мелочь? Торговые сделки не подписываются. Почему-то. С визитами никто не приезжает и не зовет.

– Кирпичик к кирпичику? Это – серьезно. Основательный подход. Быстро выводы сделали, – Александр Васильевич остановился. Они уже поднялись по лестнице и вели беседу на смотровой площадке. Широкая, укрытая льдом и снегом, белая

полоса Днепра отделяла Правобережье, уходящее новостройками вдаль до самого горизонта. Собеседники синхронно повернули назад.

– Стараемся учиться на своих и ваших ошибках.

– О наших ошибках говорить уже поздно. Ведь, в принципе-то, все всё знали. Особенно те, кому это было нужно. Кто и где бывал, с кем встречался, что говорил. Ясно, что ковбой вели его, и не один год. Определили в свите «слабое звено» и пестовали. Лепили образ морального авторитета, великого финансиста – премии вручали. А наши усмехались, мол, в генпрокуратуре дело пылится, всегда можно поднять. Ну и толку? На всех дела лежат. Погрязли... в этих делах.

– У нас – то же самое, разве что, масштабы крупнее.

– Согласен. Масштабы у вас значительно крупнее.

Генерал задумался. Представил карту Союза. По масштабам Украина соответствовала колесу, Россия – КАМАЗу. Без этого колеса.

– Так вот, Александр Васильевич, товарищ генерал, мы предлагаем вам свою дружбу и... ну... все, что хотите, что считаете нужным, – Юрий Вячеславович посмотрел на генерала, тот непроницаемо молчал, глядя перед собой. – Вы же понимаете, кто у вас к власти придет? Махровые «бандеры» – они сплошь все в Штатах «курсы лекций прошли». Повысили квалификацию. Теперь это так называется. Знаете, как мы этих хлопцев меж собою зовем?

– Откуда мне знать? Это же вы их зовете.

– «Американские полковники». Их же никому цэрэушникам даже вербовать не надо. Сами из кожи вон лезут. Да, что я вам рассказываю?! Вы больше меня знаете. Как Даллес написал, так Союз по писанному и развалили. Сейчас за нас принялись. И Украину, само собой, потопчут.

– Уже.

– Вот именно.

– И что дальше?

– Что? Дальше давайте вместе против этого всего работать. Вы же наш человек. Мы же с вами из одного теста сделаны. Химера эта все равно рано или поздно закончится. Страны объединятся. Главное, нам с вами в принципе решить, а детали...

– Юрий Вячеславович, ты в каком звании? Ну, как «нашему» человеку? – Александр Васильевич незаметно для себя перешел на «ты».

– Подполковник.

– Так вот, подполковник, давай закроем тему славянского братства раз и навсегда. Поставили точку. Понял?

– Да.

– Всё?

– Нет.

– Что еще?

– Вы передаете нам документы. Мы обеспечиваем вам и семье жилье, работу, короче, все условия. Если хотите, можно поменять и фа...

– Стоп, майор! Мы закрыли вопрос. Всё! Точка.

– Не всё.

– А я говорю – всё!

– Подождите, Александр Васильевич! Хорошо! Самый примитивный вариант – просто назовите сумму.

Мужчины молча миновали часовенки с источниками, витиеватые ворота. Генерал молчал. Юрий Вячеславович не торопил его с ответом.

Это хорошо, что генерал думает. Очень хорошо! Не «закрыл вопрос» с ходу. Вопрос открыт, решается. Вот, пусть и решает, чтобы не давить на него. Не хочется давить на генерала, славный мужик!

– Я не могу сразу дать ответ на ваш вопрос, Юрий Вячеславович.

– Почему?

– Это должно быть не только мое решение. Я могу решать исключительно за себя.

– Но полковник лежит в тяжелом состоянии.

– Он приходит в себя. Я был сегодня в больнице. Состояние улучшается.

– Хорошо. Дайте свой ответ, без полковника, и определим окончательный срок решения вопроса.

– Двадцать четыре часа, – генерал посмотрел на часы. – Завтра в шестнадцать ноль-ноль я дам окончательный ответ. Вас устраивает?

– Нет...

– ...но у вас нет выхода?

– Выход есть. Времени нет.

– Завтра в шестнадцать.

– Александр Васильевич, лучше бы вы назвали цифру сейчас, и мы бы уже начали отрабатывать.

– Завтра.

– Ну, хорошо, завтра так завтра. Между прочим, нас интересуют и дела из львовского архива.

– Вот, завтра и поговорим. Обо всем.

– Хорошо. Я позвоню, – Юрий Вячеславович кивнул генералу. – Вас сопроводить?

– Спасибо, нет. – Александр Васильевич сел в машину, развернулся, аккуратно спустился по скользкой дороге к трассе.

Он видел в зеркало заднего вида, как машина с эфэсбэшниками выворачивает направо за ним, едет следом. Внезапно зеркало блеснуло ослепительной вспышкой. Мгновением позже сзади раздался оглушительный треск. Объятый пламенем «Пежо» подбросило в воздух. Тут же раздался второй взрыв, разметая в стороны клочья металла и человеческих тел.

Генерал выскочил из машины. Сделал несколько шагов в направлении перевернутого горящего остова «Пежо». На дороге, пуская алую юшку, лежала оторванная до плеча рука. Пальцы рефлекторно шевелились — словно сжимали невидимый теннисный мячик.

Глава 20

Тойота» медленно ехала просто вперед. Машина, словно сама по себе, автоматически везла своего отрешенного седока в неопределенном направлении. Потому не спешила. Главное, не останавливаться. Движение, движение, движение... Генерал старался смотреть на дорогу, думать о том, что происходит вокруг, как обгоняют и обгоняют его слева, мигают изредка сзади. Посторонись, мол, чайник. Болваны! Куда он должен съехать с крайнего правого ряда? На тротуар? Или подняться в воздух? Хочешь быстрее? Налево! Не можешь вклиниться – твои проблемы, а он будет ехать, как считает нужным. Некуда спешить. И некуда бежать. Постепенно он слился с потоком машин, вернее, это они слились с ним, равномерно и согласованно замедлив свой общий бег, образовав привычную пятичасовую пробку от ресторана «Хуторок» в направлении моста.

Мысли пытались спасительно цепляться за сиюминутное, убегая от страшного, ледяного дыхания смерти. Холодного, но обжигающего, опаляющего жаром преисподней, подавляющего темным безвременьем абсолютной вечной пустоты. Он давно уже не встречался с ней так близко, с этой темной фигурой с косой. Потерял ее несколько из виду. Кто там под капюшоном? Старуха с проваленными глазами и носом? Бледная красавица? А может, там – никого? Чернота? Он только, вот, говорил с человеком, дружески жал ему руку, ...а его уже – бум! и нет. Нет и не

будет. Никогда. Ни-ко-гда... Наверняка, жена есть, дети, родители еще живы, наверное, ...а его уже нет. И тех двоих тоже.

Почему все в жизни так происходит? По чьей злой или отстраненной воле? И как насчет того, что у человека «все волосы сочтены... и ни один волос с головы не упадет» без Его на то воли? Не слишком ли Он попустил нас и отпустил в свободное плаванье? Почему Божественной волей не даны нам такие же законы, – определенные, неизменные и конкретные, как физическому миру, природе, которые исполняются атомами, молекулами, песчинками, горными хребтами и деревьями?

Сила тяготения притягивает к земле, например, миллиарды камней. Они не носятся в пространстве хаотично, сталкиваясь друг с другом, а чинно лежат, лишь изредка срываясь с горы, или взмывая вверх с изверженьем вулкана, но, опять же, возвращаясь вниз к земле – на круги своя. Благодаря фотосинтезу в атмосферу выделяется кислород, а углекислый газ поглощается листьями, водорослями и травой. Вода испаряется, собирается в облака и проливается дождями, питающими планету, превращается в арктические и антарктические ледники. Хищники охотятся, когда голодны.

И только свободная воля человека, «созданного по образу и подобию» из года в год, век, тысячелетие, эпоху с завидным постоянством погружает мир во зло, кровь, насилие и братоубийство. А может, не нужна человеку воля настолько свободная? Быть может, имело смысл изначально наделить двуногое мыслящее существо наряду с внутренними и всеми прочими органами и волей, но – доброй? Пусть было б меньше свободы для человека, зато – больше добра для людей. Отчего столь витиеват и многосложен Промысел? Столь тяжек для понимания? В чем помощь Его, милость, любовь и всемогущая

воля? Почему не пресекает Он зло? Лишь только затем, чтобы потом помочь пережить нам это свершившееся зло, во благо нашего же спасения? Как трудно понять и принять... Если эта жизнь – лишь тень, лишь отблеск жизни иной, вечной, почему так боимся мы уходить, так цепляемся лихорадочно за этот несовершенный, несправедливый мир с рассветами, закатами, любовью, ненавистью, редкими радостями и частыми огорчениями?

Если бы они не перехватили документы, эти трое ребят поехали бы себе домой встречать Новый год. В Москве. Или у тещи в Твери. С детишками и друзьями. Но кто-то совершил что-то, и события пошли совсем другим чередом и для них, и для прочих, совершенно незнакомых людей. И для нас. И кому искупать этот грех, если такой грех можно чем-либо искупить? Ему? Сергею? Тому, кто нажал на кнопку дистанционного пульта? Да, именно ему. Пусть будет так. Так спокойнее.

На переднем сиденье – газета. Вспомнил, что договаривался насчет квартиры. Когда договаривался? Сегодня? Разве это было сегодня? Или приснилось? Зачем ему какая-то квартира? Сидеть, изучать данные? Сопоставлять время и расстояния? Постигать чьи-то реальные или придуманные перемещения в пространстве более чем шестьдесят лет назад? Для чего и для кого, вот в чем вопрос? That is the question, как вопрошал Гамлет, принц датский. И чего это он, Александр Шевчук, генерал, должен решать вечный вопрос в чужой незнакомой квартире? У него что, нет своей собственной квартиры? Есть.

Там сейчас главный – кот. Кот – Бегемот. Толстый, но не Бегемот, а Понтий. Но – добрый, ласковый, нежный. Если не голодный. Вот, домой он и поедет. Слежки нет. Никто за ним не гонится. Значит, нет пока такой необходимости. Только маячок – пикпик – сообщает о перемещении объекта, а на дисплее

передвигается красный кружочек, и высвечиваются координаты. Система «Джи Пи Эс» называется. Это мы проходили. Маячок, жучок и – чпок! Хенде хох, герр генерал!

Александр Васильевич привычно загнал машину в бокс подземного гаража. Там же, в тайнике оставил большую, но неактуальную по его мнению, часть документов. Поднялся на лифте. Коврик возле двери лежал не так. Чуть-чуть. Уборщица, соседи? Наверное. Открыл дверь. Зашел в квартиру. Остановился. Тапочки сдвинуты. Кот не имел привычки играть с хозяйскими тапочками. Достал из кармана пистолет, снял с предохранителя. Броде бы... Стоп!

«Гости» все-таки побывали. Возле его рабочего стола стоял раскрытый основной блок компьютера. Жесткий диск отсутствовал. Значит, было достаточно времени раскрыть и вытащить «винт», чтобы не таскаться с громоздким ящиком основного блока. Операция занимает несколько минут, стало быть, время в запасе имелось, не спешили. Проверил семейное фото – спрятанный за ним компакт-диск исчез. В одном из рассказов Конан-Дойля великий сыщик Шерлок Холмс утверждал, что зачастую лучше всего прятать что-либо на самом видном месте. Даже не прятать, а просто положить – никто и внимания не обратит, не подумает искать на самом виду. Возможно, у них там, на Бейкер-стрит такие варианты и проходят. В книжках.

Комнаты пребывали в привычном порядке. Гости не рылись, или «прошлись» весьма аккуратно. Нет, ничего больше не искали. Зашел на кухню. О! Так ребята вообще никуда не спешили?! Два сполоснутых стакана стояли не на мойке, где положено им быть, а возле раковины. Печенья в плетеной корзинке на столе изрядно убавилось. Это уже откровенная наглость, психическая атака. Сухого корма в кошачьей миске добавилось, даже рассыпался на пол.

Вместо воды во второй котовской посудинке налито молоко. Добрые. Издеваются. Давят на психику. Во всяком случае, ясно, что передвижение его четко отслеживается. Коту еды добавили, может, полагали, что хозяин не скоро вернется?

Генерал выплеснул остатки молока в раковину. Налил воды. У Понтия от молока расстройство случается, но молочное кот обожает. Изредка баловали его сметанкой – это лакомство обходилось без эксцессов. Впору инструкцию оставлять для непрощенных пришельцев.

Лег на диван. Включил телевизор. Одно и то же. Дождался выпусков новостей. О взрыве машины никто не передал. Ни один канал. Выключил. Не лежалось. Не спалось. Не отдохалось. Квартира, подвергшаяся несанкционированному проникновению, вызывала чувство отторжения. Наверно, как поруганная любимая женщина. Жалость, брезгливость и обида. Как она могла позволить сделать это с собой? Эгоизм и дефицит сострадания. Больше жаль себя, любимого, а не ее. Какая чепуха! Дурацкие мысли одолевали, не давали покоя. И не только дурацкие. Разные. Сутки, как уехали Ирина и Оля, а казалось, миновала уже неделя, две. Нет, прошло только двадцать четыре часа. Двадцать три с половиной. Как они там? Нормально, раз не звонят. Будем считать, что отдыхают.

А что делать ему? Не в пафосном смысле, как дальше жить? На этот эпический вопрос ответ was absent. Во всяком случае – пока. Ясно, что вот так просто он сегодня не уснет. Лежать, сидеть, ходить? Душ! Вода омывала тело контрастными волнами. Холодные порции бодрили, освежали не только тело, но и мысли. Адреналин, избыточно накопившийся в крови, серотонин, тестостерон и прочая химия тела напряженно носились по сосудам – артериям, венам и капиллярам, предлагая хозяину

организма свое примитивное, веками проверенное решение всех невзгод. Преходящее, но волнующе-приятное.

Да! Вероника! Ох, как он хочет ее прямо сейчас! Как он ее хочет! Ясно, что все это – бред, приправленный кризисом среднего возраста и всеми прочими кризисами и проблемами, навалившимися на него в последние дни и часы. Но как хочется раствориться в объятиях этой пленительной девочки – современной, прагматичной, но безумно соблазнительной «Венеры, являющейся из пены волн» его эротических фантазий! Почувствовать себя внутри нее, и оставаться там как можно дольше, пока какое-нибудь сиюминутное вмешательство в нирвану извне не разлучит их, например, звонком телефона или будильника, наступившим рассветом, утренним кофе с молоком, необходимостью ехать на работу, короче, выметаться по быстрому, пока благоверный Андрюша находится где-то на подступах к своему семейному гнездышку.

Полночь. Генерал в компании с котом Понтием, а мальчик Андрюша с ней, его персональной Лолитой – только подросшей и оформившейся, сопит безмятежно рядом в постели. И при чем тут к их юному счастью он – посторонний и уже не совсем молодой дядя? Каким боком-припеком? Да никаким. Ну и пусть! Плевать! Он просто передаст СМС. И все. А остальное пускай происходит само по себе. По Воле, по закономерности, случайности, закону причинности, по карме – или как это все вместе называется? Передаст – вот и все. А теперь спокойно включит телевизор, выпьет водки и ляжет спать. As usual – кажется, так, пан или мистер Николас Гецко? Короче, Колян?

Ответный сигнал пришел через минуту, даже менее. «Плюс» и три точки – «жду, время не ограничено». Ну и ну?! В первом часу ночи?! Ну, Ника дает!

Действительно – дает. Добро. Что ж, это в корне меняет дело. Обязывает, как джентльмена. Телевизор с одинаковыми новостями и контрольные сто пятьдесят отменяются.

Вообще-то, разведчики и контрразведчики так не поступают – не шлятся к любовницам по ночам, рискуя провалить сверхважное задание, от выполнения которого зависит судьба человечества или, по крайней мере, его прогрессивной или какой другой части. Но это – ответственные разведчики, блюдущие конспирацию и инструкции, педантично выполняющие свои функциональные обязанности. А безответственные как раз этим самым и занимаются – не блюдут, потекают своим слабостям и попадают во всевозможные переплеты. Нет, он, конечно же, – ответственный. Просто, тоже – живой человек. Тем более, у него есть пистолет. И задание-то он придумал себе сам.

Александр Васильевич извинился перед заспанной соседкой, тетей Машей, за позднее беспокойство. Сославшись на работу, оставил пожилой женщине ключи, деньги на «Вискас» и ответственность за того, кого они неосмотрительно приручили.

Понтий, он, конечно же, ходит сам по себе, но питаться привык исключительно на халяву.

Глава 21

Александр Васильевич заехал на стоянку перед круглосуточным супермаркетом «Велика кишения». Укомплектовал фирменный пакет джентльменским набором снеди. Слежки за машиной не было. Не то, что он не заметил, действительно, никто не висел на хвосте. Сколько ни «завязывал шнурки», филеров не обнаружил – ни автомобильных, ни пешеходных. Самые важные документы из папок лежали у генерала во внутреннем кармане пальто. Архивно-исторический мусор покоился в гаражном тайном отсеке в ожидании своего звездного часа «икс». Генерал оставил «Тойоту» на стоянке. К Веронике доехал на такси. Подъездно-лифтовые катакомбы запущенной многоэтажки герой-любовник миновал без приключений, но с пальцем на спусковом крючке.

– Ну, привет! – шагнул он в тусклую уютность прихожей.

– Привет, ежик! – Вероника привычно пробежала пальцами по короткой щетке волос, быстро чмокнула в щеку.

– Ничего, что я поздно?

– Как раз ничего.

– Работа, ты ж понимаешь.

– Понимаю. Я рада тебе.

– Ты одна? – Александр Васильевич отправил пальто на облезлых деревянных «плечиках» в шкаф.

– Как видишь.

– Я – вообще, – уточнил вопрос генерал. Шкаф зиял подозрительной пустотой. Неделю назад его

генеральское, не форменное, но солидное пальто уже висело в этом шкафу в компании менее пафосных экземпляров верхней одежды текущего зимнего сезона. Александр Васильевич опять поймал себя на ощущении разноскоростного течения времени. Лично для него оно летело гораздо стремительнее, чем для населения всего мира в целом.

– Вообще – я с Андрюшей, как и прежде. Никаких изменений в моем гражданском состоянии не произошло. Намек на ужин при свечах? – Вероника кивнула на пакет. Улыбнулась, посмотрев искоса на него, захлопотанного, задерганного на своей важной секретной работе, какого-то даже загнанного, а не самоуверенного и категоричного, как всегда. Примчавшегося к ней за лаской, теплом и душевностью. И ей не составляло труда поделиться всем этим. Наоборот. Льстило. Тем более, Саша – мужчина приятный, не жадный и признательный, не то что...

– Можно и при свечах, если есть.

– Тогда идем на кухню.

– Идем. Андрей твой в ночную смену сегодня?

– Да, только он сейчас на Майдане. На работе договорился, и все время – там. Домой через два-три дня приезжает. Помылся, побрился и – опять туда.

– Революционер?

– Почти... платят там нормально. Они с товарищем вдвоем крутятся, получают и ночные, и дневные. Хитро как-то отмечают. Хорошие деньги. Для нас. Не помешают. И на работе ставка капает. Хозяин заправки приветствует революцию. Андрюшке в виде премии «безлимитку» в мобильник на месяц зарядил, чтоб звонил всем с Майдана.

– И как?

– Днем звонит каждые пять минут.

– Скучает?

– Ну, да. Тыняется там в разные стороны.

– Андрей твой, очевидно, в Украинском доме ночует? – Александр Васильевич присел за малюсенький кухонный столик.

Он насмотрелся на молодежные толпы, оккупировавшие монументальное здание. Толпы, между прочим, не бестолково-сумбурные, а разбитые на десятки, сотни и тысячи, управляемые тренированными, подготовленными инструкторами, курсировали вполне дисциплинированно и четко. Никакого броуновского движения не наблюдалось. Когорты сновали по заданным маршрутам, слаженно взаимно заменяясь, выполняя поставленные революционным штабом задачи по блокированию правительственных и прочих важных зданий, перекрытию улиц, усилению массовки на Майдане при необходимости. Что ж, надо откровенно признать – подготовились они хорошо. Переиграли – решительно, хоть и авантюрно. Оранжевый флаг им в руки! Так!

Подвалы и подсобки бывшего ленинского музея были забиты продуктами, революционной символикой, зимним «секонд-хендом» – качественной европейской одеждой, коей безвозмездно утеплялись сознательные граждане, съехавшиеся из провинции в Киев. Записать это, постоянно пополнявшееся благотворительное изобилие, на скрытые камеры или видеокамеры мобильных телефонов не составляло никакого труда, как и регулярную раздачу демонстрантам денег из картонных коробок в строгом соответствии со списками зарегистрированных революционеров.

Через проверенных журналистов распространили по средствам массовой информации кадры съемок. Естественно, Москва крутила во всех новостях многократно и от души, но к ней, как к «тюрьме народов» и «империи зла» никакого доверия со стороны сознательных украинских избирателей уже не было. Только один украинский телеканал,

принадлежащий провластному олигарху, осмелился показать контрреволюционный сюжет. Остальные – «честные» и проворно почестневшие, очистившиеся от административной скверны, проигнорировали столь откровенный компромат на стихийный революционный подъем масс. Предпочитали клеймить и топтать фальшувания, организованное циничной властью, бить в одну, но чувствительную болевую точку, не отвлекаясь на всякие там плюралистические реверансы.

Раньше верхам надо было думать о плюрализме мнений и свободе слова, когда давили сверху «темниками» и прочим идеологическим «инструктажем» эту самую свободу да понасаживали на всех телеканалах информационных киллеров, неустанно поливавших помоями оппозиционных власти политиков. Наверно, это и правильно с их, революционной, точки зрения – лишь бы повалить опостылевший, насквозь проросший неизлечимыми метастазами коррупции и масштабного воровства, режим. Революционная целесообразность и, слава Богу, не с маузерами и колючей проволокой, а всего-навсего с телекамерами и микрофонами.

– Нет, говорит, там сплошь приезжие обосновались, а они у Валеркиной бабки. Это друг его. Бабка недалеко живет, на Чапаева. У нее и отсыпаются, и отъедаются после холодрыги. Сюда-то ему больше часа с Майдана добираться.

– Понятно.

– А ты что будешь? – девушка выкладывала на стол продукты.

– Тебя буду, – он притянул ее к себе, ладонями скользнул по спине, упругим половинкам, погрузился лицом в шелк халата. – Можно, я тебя съем?

– Тсс! – Вероника легко высвободилась из объятий, приложив палец к губам. – Не спеши, серый волк. Сыр порезать?

– Все равно. Нарезь что-нибудь.

– Чай? Кофе?

– Да, – Александр Васильевич скрутил коньячную пробку. – А у тебя, красавица, в жизни что происходит?

– У меня – ничего. I am sitting on the fence.

– На чем сидишь?

– «Сажу на заборе» – типа наблюдаю со стороны, – Ника неопределенно пожала плечами. Достала из подвесного шкафчика две металлические, очевидно, мельхиоровые, с желтым покрытием внутри, рюмки. Симпатичные. Явно из подарочного набора. – Учебу отменили. Наши, кто по домам разъехались, кто на Майдан ходит.

– А ты?

– А я не хожу.

– Что так?

– А что я там потеряла? Отморозить все? Здоровье дороже.

– Не прониклась моментом, да?

– Прониклась, но как-то не очень, – девушка улыбнулась краешками губ и ямочками на щеках.

– Давай, за твое здоровье! Здоровье, это – главное. Береги смолоду.

– Why only the health? A good name is better than riches.

– Translate, please. Недопонял a little.

– Почему только здоровье? Доброе имя дороже богатства, – пояснила Вероника.

– Понятно. Береги честь смолоду, – Александр Васильевич, не спеша, выпил коньяк. Ольга, дочь, рвалась на Майдан до скандала, а тут совсем другое отношение. – Ладно, мы уже воробьи стрелянные, это я о себе говорю. Зато молодежь с таким подъемом Майдан воспринимает, а ты как-то не очень... или я ошибаюсь, Ника?

– Да, нормально я воспринимаю, – девушка слегка пригубила коньяк. – Нет, ну, хочется, конечно,

чтобы все по-другому было, по-честному. Красиво – как они там с трибуны и по телевизору говорят...

– Но – что?

– Не знаю. Не верится. Лица все те же самые. У них и так уже все есть. Ну, будет еще больше.

– Ты меня удивляешь! Такая молодая и уже пессимистка. Или тебе все политики принципиально не нравятся?

– Ну, почему? Тони Блэр нравится. Билл Клинтон, ничего так, мужчина... был.

– Ого! А из наших?

– Ну... разве что, Литвин.

– А почему именно – Литвин?

– Every why has a wherefore – каждое почему имеет потому.

– И какое твое «потому»?

– Потому... что у него волос, как у тебя. Только у тебя короче и залысины больше. Ё-ёжик! – Вероника раскрытыми пальцами прошла по генеральским волосам, как комбайн по ржи. Поцеловала в макушку. – Шампуньюшкой пахнешь. Вкусно! А знаешь, как ежики размножаются?

– Догадываюсь, хоть свечку и не держал.

– Оч-чень, оч-чень осторожно.

– Смешно. И чем же тебе отечественные мужчины не угодили? – Александру Васильевичу стало как-то обидно за когорту державных мужей независимо от политических пристрастий и убеждений.

– Ты о политиках?

– Мы же о них говорим...

– Я не думала об этом. Это – как-то само собой воспринимается, ну... – она задумалась, мило нахмурилась брови. – Неестественные они какие-то. Или выскочки, или скучные. Шарма нет. Суеются слишком. Кричат. Не знаю, ...может, породы им не хватает, что ли?

– А братья Кличко, например?

– Они же – боксеры.

– Теперь они и на Майдане тоже выступают, не только на ринге, – пояснил генерал.

– Да видела я, ...знаешь, каждый должен заниматься своим делом. Получается морды бить – вот и бейте. Чего лезть в политику, людей смешить?

– Ну, как? Протестуют, проявляют активную гражданскую позицию, – защитил политических оппонентов Александр Васильевич. Рассуждения Вероники оказались для него неожиданны и любопытны.

– Им что, раньше плохо жилось? Угнетал их кто-то, не давал выступать?

– Такая информация отсутствует. Как раз, наоборот. Гонорары никто не отбирал.

– Мне кажется, все боксеры – туповатые. Несколько лет их по голове бьют и бьют. Но эти, вроде бы, – ничего. Соображают пока. А мне лично никаких предложений от братьев Кличко не поступало насчет проявления гражданской позиции.

– А если поступит предложение?

– Поступит – буду рассматривать. Возможно, не смогу отказаться. Я девушка неизбалованная.

– И не скучно тебе с такими мыслями дома сидеть?

– Скучно. Но я все же не все время дома сижу. А чтобы не было скучно, я, между прочим, английский изучаю.

– Я обратил внимание. Оригинально. Вокруг, понимаешь ли, революция, такое творится! А она английский изучает! – генерал в очередной раз чуток по-новому взглянул на Веронику.

Она не только очень хороша, но и оч-чень оч-чень непроста, эта вроде бы обыкновенная провинциальная девочка. Неграженный алмаз. Приодеть, подмарафетить – и где будут гламурные телевизионные суперзвезды и светские львицы? В отстое. Полном. Причем, прямо со старта, как любит выражаться Ольга.

- Мне знакомый классную программу скачал.
- Удобнее, чем по учебникам?
- Намного. Скоростное обучение.

– Скоростное, это – хорошо, – Александр Васильевич привлек девушку к себе. Ее теплые ищущие губы раскрылись навстречу.

Его обдала волна весенних запахов и чувств. Волна его молодости, силы, энергии и счастья. Обдала и накрыла, оставив где-то там далеко-далеко тревоги и невзгоды, обязательства и обещания, возраст, семью, работу, революцию и даже – кота. Ничего в его жизни не было лучше этого прекрасного юного тела.

Рождение ребенка? Да. Это – прекрасно! Тоже прекрасно, но это – другое.

Глава 22

— **С**аша... Саша... Тревожный шепот партнерши мгновенно разбудил генерала.

— Да... — так же тихо отозвался он, почувствовав волну напряжения, исходящую от Вероники. Сон улетучился мгновенно, словно и не было погружения в сладкую истому.

— Кажется... — Ника пальцем указала на дверь. Теперь и до него дошли от входной двери неясные скребущие металлические звуки. Комната с диваном была расположена непосредственно напротив входной двери.

— Я проснулась в туа...

— Шшш... — генерал прикрыл рот девушке ладонью.

Осторожно поднялся, стараясь не скрипеть диваном. Достал из-под подушки пистолет. Снял с предохранителя. Глаза у Вероники округлились. Александр Васильевич на цыпочках подошел к двери, беззвучно вставил цепочку в паз. В этот момент дверь опасно скрипнула и открылась, упершись в натянувшуюся цепь. Блеклая в темноте рука нащарила цепочку, попытавшись снять ее. Не получилось. Движение цепочки в пазу автоматически закрывало дверь, зажимая руку. Рука исчезла. Появились кусачки. Не дожидаясь, пока перекусят цепь, генерал вырвал кусачки и резко навалился на дверь, пытаясь захлопнуть ее. Ответный удар оказался изрядно сильнее. Дверь широко распахнулась, саданув Александра

Васильевича прямоугольным краем в лоб, и отбросив его назад в комнату. Вероника истошно завизжала.

Сквозь «звездную ночь» в глазах он увидел, скорее, почувствовал, как вслед за ним ворвался нападавший. Лежа на полу, генерал выстрелил в темный силуэт. Силуэт опрокинулся навзничь. Подняться Александр Васильевич не успел. Второй нападавший ударом ноги выбил пистолет, навалился всем телом, пытаясь добраться до горла. Генерал уже пришел в себя после потрясения дверью, сопротивлялся, упираясь левой рукой противнику в подбородок, а правой всячески ловил, отбивал цепкие руки, одновременно пытался бить, куда попало, лишь бы достать. Упорная яростная возня двух мужчин мало напоминала киношные постановочные единоборства. Дышалось трудно, дыхания не хватало. Противник плотно оседлал генерала, изловчился, вывернул подбородок и, что есть силы, укусил за сдерживавшую ладонь. Левая рука у Александра Васильевича неловко подломилась, и он тут же почувствовал на горле мертвую хватку. Генерал пытался беспорядочно молотить снизу по навалившемуся на него телу, по плечам, ребрам, но без эффекта. Тренированное тело бойца пружинило все удары, а лицо, глаза, рот, горло противника генерал никак не мог достать. Левая рука бесполезно дергалась, пытаясь высвободиться из-под прижавшего ее колена. Перед глазами поплыло, закружилось. Теряя сознание, словно со стороны он слышал самого себя, как захрипел или зарычал от боли, досады и бессильной злобы.

«Дун-н-н!...» – донесся посторонний округлый звук.

Хватка противника внезапно ослабла, он весь вдруг обмяк и завалился набок. Александр Васильевич вдохнул полным горлом, свободной грудью. Еще. И еще. Окончательно сбросил с себя поверженного соперника. Сел. Перед ним в ночной темноте стояла

голая, в узеньких белых трусиках, Вероника со сковородкой в руках. Она замерла, согнувшись в той позе, в какой огрела напавшего по голове.

– Спасибо... – генерал подобрал с пола пистолет. Поднялся.

– Д... д...д... – девушку заклинило и крупно трясло.

– Ника! – Александр Васильевич обнял ее за плечи. Встряхнул.

– Да! Что?! Кто это?! Что это такое...

– Сейчас, ...где тут свет?

– Вот... – Вероника сделала два шага и щелкнула выключателем. – Ой!

Она в страхе отпрыгнула от тела, лежащего в широком дверном проеме, отделявшем комнату от прихожей. Прижалась к генералу.

– Быстро собирайся! У нас есть несколько минут, пока милиция не приехала. Одевайся! – Александр Васильевич прикрикнул на свою спасительницу, чтобы «растормозить» ее. Захлопнул входную дверь. Цепочка сиротливо пошкрябала по двери, вырванными с деревянным «мясом», шурупами.

Перевернул на спину своего душеителя. «Гонщик» Марьян! Здоров був, друже! А то я вже скучився без тебе. Дышит. Проверил пульс. Еще какой живой! Живучий ...гад.

– Веревка есть?

– Какая?! – Вероника забилась в угол дивана и никуда не собиралась.

– Любая! – генерал выдернул из шелкового халатика пояс.

Завел руки «гонщика» за спину. Обкрутил кисти несколько раз. Так будет спокойней. И ему, и нам. Ощупал пострадавшую от сковородки голову непрощенного ночного гостя. Марьян слегка застонал. Проверил карманы. «Беретты» не было, только бумажник с документами и деньгами. Оставил пистолет в

машине? Напрасно. Passport. Canada. Marian Sitnik. Цветное фото улыбающейся физиономии. И много-много печатей. Въезд – выезд. Кинул паспорт и поблику Сытника на диван.

А что второй или, собственно, первый, в которого он стрелял? Кажется, один из тех двоих, что были в «Ауди». Кровь из-под него не растекалась. Может быть и такое. Генерал осторожно оцупал тело. Под курткой нападавшего оказался бронежилет. Учел опыт недавней встречи. Тело дышало. Рана не обнаружилась. Значит, контужен. Минута-другая – и начнет приходить в себя. Ни документов, ни бумажника у него не было. В кармане лежал только комплект отмычек в компании с расческой, носовым платком, мелочью и, конечно же, телефоном.

– Еще веревки есть?

– На кухне.

– Ну, так неси! Ника!!!

– Я боюсь... – девушка, словно прилипла к дивану.

– А за сковородкой в темноте бегать не боялась?

– Не знаю. Я не помню, как бегала, ничего... только уже потом... когда... он лежит, а я стою... – и она бурно расплакалась, набросила халатик, прошлепала в кухню и вернулась с широким кольцом скотча. – Подойдет?

– Подойдет. – Александр Васильевич также за спиной стянул руки контуженному и заклеил обоим рты.

Времени для экстренного прибытия милиции прошло уже достаточно, но никто пока не приехал. Возможно, он переоценил бдительность соседей. Подумаешь, визжат, шумят, стреляют... С кем не бывает? Не очередями же из крупнокалиберного пулемета или из ПТУРСа. А может, дурачки какие петардами балуются – каждый вечер во дворе канонада. К Новому году готовятся, репетируют. Революционно

ликуют. Или шампанское пьют, жизни радуются. Бранятся, тешатся – дело молодое. Милицию, похоже, из списка непрошенных гостей вычеркиваем.

Так, незваные гости, нелегкая их заберут. Коллеги оных внизу тоже, вероятнее всего, не ждут. Уже б явились на стрельбу. Значит, приехали вдвоем. Два «строителя» были в квартире Сергея. Возле мойки дома тоже два стакана стояли. Стаканы, это – бравада. А чего им бояться? Разве что, сковородки Вероники – на нее они явно не рассчитывали. Хотя, бронезилет свидетельствовал, что все-таки бояться пистолета. И правильно делают. Правда, Сытник, с которым генерал так безуспешно боролся, был без «броника».

– Кто это такие? Чего они к нам вообще... – Ника тронула его за руку. Она уже оделась. Была серьезна и сосредоточена.

– Это ко мне. Прости, я не должен был приходить. Прости.

– А он, – Вероника показала на контуженного, – живой?

– Живой. В бронезилете он.

Марьян пришел в себя. Смотрел зло то на генерала, а больше – прямо перед собой. Контуженный тоже шевелился, постанывал. Александр Васильевич скрутил им скотчем и ноги. Ребята выдохлись, надо им отдохнуть.

– Я вообще ничего не понимаю... – Вероника переводила взгляд на ночных визитеров, генерала, разгром в комнате.

– Потом тебе все объясню, – Александр Васильевич одевался и усиленно соображал.

– А что нам делать теперь, Саша?

– Я думаю.

– Может, нам самим вызвать милицию? – с заметным сомнением в голосе предложила Вероника.

– А Андриюша твой?

– Не знаю... – она характерно беспомощно-трогательно пожала плечами. – Что-нибудь придумаю. В крайнем случае, Андрюша простит... Мне кажется.

– Скажешь, что ты – внештатный сотрудник. А я завербовал тебя... при поступлении в институт.

– В отделе кадров?

– Пусть будет в отделе кадров. А почему именно в отделе кадров?

– Да, так... А зачем ты пришел ко мне ночью?

– Ну... нас интересует информация, о чем рассказывает тебе Андрей. Настроения в молодежной среде.

– В три часа ночи?

– Ерунда... – согласился генерал.

Хотя, бывает, обманутые мужья, жены или любовники верят и в большие нелепицы, или делают вид, что верят, лишь бы сохранить сложившееся положение вещей, семью, детей, лишь бы ничего не менять. Простить легче, чем все ломать, начинать жизнь заново. Кому как.

– А для тебя, если вызвать милицию, будет нормально? Семья, работа?

– Утрясется всё.

– А эти?

– Эти скажут, что ты их в гости пригласила для интимных отношений.

– Я?! Как это – пригласила?!

– Как женщины приглашают обычно мужчин.

– Да я же вижу их в первый раз?!

– Ничего. Пять человек свидетелей подтвердят, что...

– Какие свидетели?

– Обычные. С руками, ногами, пропиской, телефоном – домашним, рабочим. Расскажут, как вы долго торговались, но сошлись в цене. Долларов по сто или двести с носа.

– Ты шутишь?!

– Какие могут быть шутки? Заурядное дело. Разборка между половыми партнерами на почве неприязненных отношений. Бытовуха. Не поделили самку самцы, вот и начали бодаться.

– Так, может, не надо милицию?

– Может, и не надо, – Александр Васильевич посмотрел на часы. Начало пятого. – Что нам милиция даст и чем нам поможет?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Но ты же должен знать?! Ты же всё знаешь! Саша!

Конечно, он должен знать, как поступать в любой ситуации, даже самой сложной и неожиданной. Работа у него такая. Опыт. Уровень информированности. Звание. Но пока он не знает. Теперь необходимо думать не только о себе, но и о милой девочке Веронике, увязшей в его проблемы. Увязшей, между прочим, по его, генеральской милости и личной безответственности. Разведка-контрразведка ...ёперный театр!!!

– Должен, – согласился генерал. – Для начала, давай прекратим болтать, а то ребята уши развесили и мониторят.

Александр Васильевич прошел на кухню. Вероника за ним. Шепотом был выработан следующий план. Остаться дома Ника категорически, ни под каким соусом не хотела. После всего этого. Значит, она позвонит Андрюше и сообщит, что ее срочно, ну, очень срочно вызывают к больной маме. Позвонит не сейчас, а с дороги, чтобы любимый не помчался сломя голову на вокзал к поезду или еще куда. Сейчас Вероника наведет шмон в квартире, пока генерал разберется с телами. Девушка нашла отвертку – починить цепочку. Александр Васильевич вставил в дырки от шурупов по спичке, закрутил – держится чуть и то хорошо. Замки закрываются, открываются.

Фыркающие, сопящие носами тела, он затащил в лифт, доез до верхнего двенадцатого этажа. Спустил на один пролет вниз, обустроив их возле мусоропровода. Обкрутил скотчем, до конца истратив липкую ленту, чтобы максимально осложнить процесс самостоятельного высвобождения. Маловероятно, чтобы около пяти утра кто-то надумал выносить мусор и поднял переполох, увидев связанных людей. Сами развяжутся. Ну, а у них с Никой есть время оторваться от преследователей. Минут тридцать. Нет, пятнадцать – двадцать.

Вероника ждала его в дверях. Александр Васильевич набросил пальто. Стоп! Пальто! Он иногда оставлял его в машине. Открыть машину для специалистов – не проблема. Сигнализация – ерунда. Сканером считывается любой сигнал. Кроме маячка в машине, по всей видимости, есть где-то микрочип и в пальто. Или два, три, сколько захотели поставить. Потому и не обнаруживал он за собой «топтунов» и «хвостов». Вполне может быть. Они находились рядом, но вне зоны его видимости. Потому и к Веронике пришли.

– Есть на меня что-нибудь более-менее теплое вместо пальто?

– Куртка сушится на батарее.

– Давай!

Генерал набросил «секонд-хендовскую» «Аляску». Чуть великовата, а так – хорошо. Проходя мимо мусорных баков, Александр Васильевич аккуратно положил на крышку ценный подарок жены, она стояла именно на этом длинном черном кашемировом пальто.

– У нас с рассветом тут бомжи обычно толкуются. Перебирают. Вот обрадуется кто-то! Не жалко?

– Нет. Пусть утепляются.

– Never mind!

Глава 23

Пород отторгал его, выдавливал из себя сутью происходящих событий, холодной неприветливостью, обильно укрывшим улицы и дома чужим шафрановым цветом, – не согревавшим, а только действовавшим на нервы. Технологически цвет был, конечно же, хорош. Яркий, теплый, даже «жовто-гарячий», но для него – совершенно сторонний и инородный. Не было в этом цвете привычной определенности. Наоборот, подсознание отталкивало буддистское дуалистическое сочетание красного и желтого, а не ясный золотисто-оранжевый тон, символизирующий на древних и не очень иконах благодать Божию и Небесный огонь. Славянская душа, с изрядной примесью тюркского степного генофонда, издревле предпочитала другие колера.

Собственно, до начала нынешней избирательной кампании Александр Васильевич не имел ничего против оранжевого цвета как такового и даже не задумывался о цветовых предпочтениях, отдавая пальму первенства, например, в своей одежде темным практичным тонам. Как и абсолютное большинство мужчин. К слову сказать, в середине семидесятых ему нравилась «оранжевая» сборная Нидерландов, когда в ней выступали Круифф, Неескенс, Ренсенбринк, Хаан и другие кудесники мяча, законодатели моды на «тотальный футбол». На чемпионатах мира в семьдесят четвертом и семьдесят восьмом голландцы становились вторыми – не по игре, а по удаче уступив хозяевам, сначала немцам,

а позже аргентинцам. Вот. Так что, теперешняя цветочная идиосинкразия у генерала была обусловлена идеологически.

Просидев за кофе и чаепитием пару часов в круглосуточном заведении, перебирая в памяти друзей и знакомых, у кого можно было бы безболезненно для них найти приют на некоторое время, Александр Васильевич остановил свой выбор на профессоре, докторе экономических наук Николае Яковлевиче Горелике. Они не были друзьями, скорее, просто хорошими знакомыми, которые с интересом общались друг с другом на разные, чаще общие темы – отвлеченные, но в значительной степени концептуальные.

Лет десять – двенадцать назад профессор возглавлял при правительстве группу ученых, математиков и экономистов, разрабатывавших математическую модель экономики страны. Так было принято: Международный валютный фонд выделял кредиты на развитие экономики, и желательно было перед ними козырнуть «моделью», мол, идем в ногу со временем, инновации, инвестиции... Волынка эта тянулась года три. Нечто эклектичное, мало связанное с реальной жизнью, они разработали и успешно сдали. Бюджетное финансирование освоили, «галочку» поставили, на том и разошлись.

Какая может быть работающая экономическая модель, если экономика представляла собою айсберг, с подводной частью в семь восьмых? Если не больше. Исходные данные этой скрытой глыбы не афишировались, и ни в какие программы не вносились. А результаты прекрасно видны всем, у кого есть глаза, чтобы видеть, и мозги, чтобы думать. Экономические законы в этом Зазеркалье были, да и есть – почему были? просты и конкретны, и в сочетании с законами естественного и искусственного отбора, оставляли за собой обильный кровавый след. Профессор

не строил амбициозных иллюзий, уже хорошо, что данный проект поддержал на плаву его научную лабораторию некоторое время.

Николай Яковлевич, невысокий, худощавый, изрядно полысевший, но почти не поседевший, брюнет с орлиным носом, глубоко посаженными черными глазами и невыбриваемой синевой на щеках, был почти на голову ниже своей жены Ангилины Михайловны, дорожной обаятельной блондинки формата Лидии Федосеевой-Шукшиной, налитой и уютной, не потерявшей женской привлекательности и в пятьдесят с небольшим. Супруги контрастировали внешне, но в общении между собой были трогательны и заботливы, не устав друг от друга за тридцать лет совместного быта.

В последних числах мая генерал с Ириной плюс еще несколько семейных пар были приглашены Николаем Яковлевичем и Ангилиной Михайловной на дачу, где в сосновом бору за барбекю-шашлыками, запеченными в фольге карпами и свежей редиской в сметане интеллигентно, без размаха и куража отмечали шестидесятилетний юбилей хозяина. Выпивка в меру. Приятное общение. Ночевка в «комнате для гостей» в компании с одиноким, но неубиенным комаром вместо будильника. Утренняя вылазка с удочками на озеро, увенчавшаяся выловом нескольких верховодок, украсивших любую шпротную банку или бочку с килькой. Впечатления у него и Ирины остались самые положительные. От трассы к дачному массиву тянулась узкая извилистая полоса асфальта и метров пятьдесят грунтовки непосредственно до ворот. А вот выход к электричке находился с другой стороны участка, что было немаловажно для генерала. Сейчас. Судя по отдаленному поездному шуму, до платформы идти метров семьсот. До километра.

Александр Васильевич позвонил ученому приятно по городскому таксофону. Встретились в десять часов. Генерал решил, как говорила иногда дочка,

«отморозиться», действовать прямолинейно и откровенно, где-то даже нахально. Пошутил насчет своего помятого «бойцовского» вида. Познакомил рафинированного академичного Николая Яковлевича с Вероникой, беспардонно представив ее своей подружкой. Девушка улыбнулась, скромно потупив глаза. Николай Яковлевич тактично постарался скрыть смущение. Выпили по чашке кофе в кафетерии.

Генерал повел беседу таким образом, что после обязательного, но короткого обмена мнениями по поводу происходящих в стране и столице событий, Николай Яковлевич, как человек деликатный, не смог не войти в положение Александра Васильевича с точки зрения мужской солидарности и внес пропозицию воспользоваться его лесными хоромами, если, конечно, генерал и очаровательная спутница не возражают. Не возражают. Мало того, узнав, что генерал в данный пикантный момент без машины, Николай Яковлевич галантно предложил свои услуги – отвезти любовников на дачу. Дескать, в Академии наук все равно полный застой, ни лаборантов, ни эмэнэсов – все на Майдане или кто где, в любом случае, не на работе. Собираемся, старики, как политический клуб «пикейных жилетов», почесать языками. Заодно и проветрюсь. Объясню, покажу, что там и к чему, где ключ лежит, где – дрова. Растоплю камин – это, между прочим, не так просто, как кажется.

Про себя Николай Яковлевич, конечно же, подивился подобной легкомысленности высокопоставленного эсбэушника, столь несвоевременной, даже вызывающей, с точки зрения работы Александра Васильевича, текущего политического момента и нехарактерной, насколько профессор мог представить себе характер генерала. Но мало ли, что в жизни случается? Седина в бороду – бес в ребро. И девушка хороша. Ох, как хороша! Глазки она опускает... Ух! Чертовка! А, может, и прав генерал? Не работой единой жив человек.

Профессорская «Дэу» неторопливо покинула город, и так же размеренно, никуда не спеша, отсчитывала километры трассы. На выезде в супермаркете «Метро» купили продукты из расчета на три-четыре дня. Мобильные телефоны генерала и Вероники, лишённые аккумуляторных батареек, молчали.

Дело в том, что не отключенный от питания телефон позволял определить его координаты плюс-минус сто – сто пятьдесят метров благодаря системе биллинга – фиксации номера двумя ближайшими станциями мобильного оператора связи. Мобильный предатель – удобный, привычный, необходимый, но и коварный. Александр Васильевич не отключил только «аварийный» мобильник, номер которого знали лишь дочь и жена. И еще один человек.

Вероника утром сумбурно сообщила Андрею, что срочно едет к родителям. Вызвали, мама болеет, да-да-да, нет-нет-нет, люблю, целую, звони. Ой! Кажется, батарейка разрядилась, пока-пока, цём-цём...

«Зараз, нажаль, відсутній зв'язок з набраним абонентом. Зателефонуйте, будь ласка, пізніше».

Генерал пропуская сквозь себя, проплывающие мимо зимние пейзажи, узнаваемые, привычные, реальные в отличие от его существования последние несколько дней. Он нарушил естественный ход мастей, как говорят игроки-преферансисты. Преступил табу. И жизнь его сошла с накатанной колеи, неслась по бездорожью – с ухабами, невидимыми ямами и полной неизвестностью, куда это бездорожье вынесет.

Глава 24

– **З**имой на даче мы редко бываем. Наведываемся раз в месяц кислородом запастись, да душой отойти от суеты, – объяснял по ходу движения профессор. – Вот только сын с компанией собирается Новый год там встречать. Это у них традиция такая – тридцать первого обязательно собираться на даче.

– До Нового года еще дожить надо, – философски заметил генерал.

– А что тут осталось? Всего ничего – чуть больше недели.

– Тоже срок, – Александр Васильевич повернулся, посмотрел на нечаянную спутницу своей новой авантюрной жизни.

Вероника уютно свернулась калачиком на заднем сиденье. Глаза закрыты. Но не спит. Ей тоже есть, о чем подумать, над чем поразмыслить.

– Так ты считаешь, опасности раздела страхи нет? – Николай Яковлевич продолжил, начавший еще в кофейне разговор. Мнение облеченного властью чина из «безопасности» было для него интересно и значимо уровнем информированности собеседника.

– Опасность есть. Но никакого раздела не будет.

– То есть, пока на повестке дня вопрос этот не стоит?

– Совершенно верно.

– Хорошо, Саша, давай сформулируем иначе.

Когда этот вопрос может быть внесен в повестку дня и кем? Твое мнение?

– А я только свое мнение и высказываю, – усмехнулся Александр Васильевич. – Чтобы ответить на столь непростой вопрос, надо сначала понять интересы игроков, раскладывающих этот пасьянс.

– С кого начнем?

– Давай начнем с себя.

– Ты имеешь в виду – с Украины? – уточнил профессор.

– Естественно. Мы это – самая, что ни есть Украина. Нэнька.

– А являемся ли мы самостоятельным игроком в данной игре?

– Я бы даже заострил, Николай Яковлевич, твой вопрос. Являемся ли мы вообще игроком?

– И как ты отвечаешь?

– Скорее всего, нет. Не игрок мы, а карта, одна из фигур, которые матерые парни выставляют на поле друг перед другом. Выкладывают, выстраивают...

– Вот-вот! Если бы были самостоятельными, решали бы все сами, а не с помощью заезжих рулевых. Я с тобой согласен, – обрадовался схожести политических оценок Николай Яковлевич. – А на работе я, знаешь ли, в абсолютном меньшинстве. Многие коллеги как-то странно рассуждают, архаично и некритично для ученых мужей.

– Ты должен понимать, люди прошли курсы информационного зомбирования, причем, многолетнего. А сейчас – активизация, всплеск процесса.

– Нет, так определенно говорить, на мой взгляд, некорректно.

– Не нравится «зомбирование», можно употребить «психокодирование», или давай назовем их жертвами информационной агрессии. Современные информационные технологии воздействия на массовое сознание хорошо отработаны. Результативны.

Неоднократно опробованы. В течение некоторого промежутка времени, например, нескольких лет, аудитории даются определенные послы. В газетах, по радио, телевидению. Эти навязанные извне темы постоянно муссируются, пережевываются политиками, журналистами. Проводятся диспуты, ток-шоу, где опять же все это обсасывается. То есть, явление само по себе малозначимое, искусственно раздувается, занимая в сознании потребителя информации гипертрофированный объем. Формируется ложная или псевдо система ценностных координат. А в нужный момент, который, кстати, и происходит сейчас, представление о реальной жизни заменяется телевизионной он-лайн картинкой вперемжку с выпусками новостей...

– Соответствующих новостей.

– Естественно. Создается большая иллюзия.

Подмена действительности виртуальным миром, подкрепленная смещением общественных ориентиров. – Александр Васильевич слегка опустил стекло. Холодный хвойный воздух студено ударил в открытую шею, лицо. Промыл кислородом легкие. Ника забко подернулась. Генерал поднял стекло.

– Жарко? Уменьшить печку? – Николай Яковлевич потянулся к рычажку.

– Нет. Все нормально.

– Угу, – пробурчала сзади Вероника.

– Да. Иллюзорное наивное сознание, – продолжил профессор. – Вот и получают этикие большие дети, но весьма агрессивно настроенные. И спорить с ними практически бесполезно. Когда нечем крыть, переходят на личность. «А чому Ви, пане Миколо, не державною мовою розмовляєте й лекції викладаєте на мові іншої держави?». Та розмовляю, шановне панство, не турбуйтеся занадто, розмовляю я рідною мовою. Як народився в Києві, так і розмовляю – з мамою російською, з татом – українською, а викладати мені набагато зручніше

російською, бо сам так навчений, тому що специфічної української термінології в певних випадках поки що немає. А козиряти, як наприклад, диктори на телебаченні «поліціантами» та «міліціантами» на потіху публіці, вибачайте, але не хочу.

– Что, заедают, национально-сознательные науковці?

– Не заедают. Разве что, покусывают изредка.

– У наших этнических патриотов, очевидно, обострение сознания происходит всякий раз, когда им кажется, что они нашли себе надежную крышу, будь то Карл Двенадцатый – шведский король, армия вермахта или НАТО с США в одном флаконе. Манипулируют ими в своих интересах их покровители и спонсоры. До поры до времени, как показывает исторический опыт.

– Возможно, ты и прав, но они искренни в своих убеждениях.

– Они искренни в своих предубеждениях, – конкретизировал вывод Александр Васильевич.

– Может и так. Но, понимаешь, власть наша любимая, всенародно избранная, возьмем только за годы независимости, чтобы не углубляться в историю, не дала народу повода себя полюбить. Посмотреть непредвзято – неліцеприятная картинка наблюдается. Всё разворовали, расхапали, людей многожды обманули и загнали в нищенское прозябание без перспектив и надежд на будущее. Сколько наших знакомых побросали всё – работу, образование, престиж и на рынок подались... А что делать?! Люди банально вынуждены выживать. А эти... цинично красуются друг перед другом лимузинами, дворцами, заводами. Бизнесмены они великие?! На людской нищете поднялись все эти... мать их так! олигархи, так называемые. Народ обобрали до нитки, а теперь кичатся – на сафари они в Африку летают. Носорогов, антилоп, не выходя из машин, расстреливают. Мода такая среди

богатеев пошла. Одна поездка в двести или больше тысяч долларов обходится! А они интервью дают, позируют в журналах на фоне рогов. Недоумки элитные! Мы же все понимаем, ни один завод, ни одна фабрика или банк честно не куплены. Обанкрочены, а потом уже за копейки... Или на государственные кредиты за год в тысячи раз обесцененные. Да что я тебе все это рассказываю? Ты и без меня все это знаешь, – Николай Яковлевич выплеснул в эмоциональной тираде наболевшее, кажется, даже приустав от собственного монолога.

– Знаю, – коротко ограничился генерал, не имея желания вдаваться в очевидную и слишком хорошо знакомую ему тему.

Всегда найдутся люди, недовольные любой, даже самой справедливой, самой честной и прекрасной властью. Суть и функции власти таковы, что люди, в нее попавшие, постоянно искушаются пользоваться этой самой властью во благо себе, а не тем, кому они призваны служить. И пользуются. И пользуются без сомнения и зазрения. Особенно – у нас. Власть стала самым выгодным, самым высокодоходным видом бизнеса. Конечно же, мы не исключение, не какой-нибудь цивилизационный эксклюзив. Отнюдь. Гордясь собой, стоим в одном ряду с банановыми республиками Африки и Латинской Америки – продажными, насквозь изъеденными ржой коррупции. Иначе б не было, к примеру, никакого Майдана. Ну, вышли недовольные и несогласные с чем-то там, пошумели, подискутировали, как в лондонском Гайд-парке, да и разбрелись по домам или пабам пиво пить, смотреть вечерний футбол.

– Я вспоминал как-то наши старые академические кадры, – прервал молчание профессор. – Многие ушли или уехали за это время. Кто в Москву, в Питер, кто в Израиль, двое в Штаты и, кстати,

устроились там хорошо. У одного фирма в Нью-Йорке по организации всяких праздников среди бывших наших. Свадьбы, юбилеи, похороны...

– Тоже праздник?

– Для тех, кто хоронит – нет. Так вот, прилично зарабатывает. Всем доволен.

– А он и не скажет, что недоволен, даже если будет на улицах в коробках спать. Окееей! Чиииз!

– А второй, как и здесь, наукой занимается, кажется сверхпроводимостью. Оценили там. Вся семья к нему туда перебралась, и старенькие родители тоже. А у нас сейчас пополнение научных рядов происходит преимущественно за счет западных областей – Львова, Тернополя, Ивано-Франковска. Так они ребята, вроде, и неплохие, но ...другие. Затяті та дуже непереконаливі. Атмосфера в целом напряженная со всеми этими событиями. Недоброжелательная, что ли. Раньше как-то душевнее все относились друг к другу, хотя, тоже всякого хватало. Подсиживали да интриги плели, будь здоров. Но зато ни языковой, ни национальный вопрос не выпячивался...

– Раньше, это когда?

– Лет пятнадцать – двадцать и так далее, – после некоторой паузы произнес Николай Яковлевич.

– Ну, тогда другие проблемы нас одолевали. Потом Союз распался, случилась независимость, разбежались по национальным квартирам, вот и обострился национальный вопрос, – Александр Васильевич рассматривал в окно укрытые белым стлаником сосняки, невысокие лесостепные березки, корявенькие, по сравнению с сестрицами из средней полосы, но родные и трогательные. – Хороший был советский народ, вот только национальный вопрос его испортил. Как и квартирный.

– А Союз почему распался, как полагаешь?

– Ты меня что, экзаменуешь? – усмехнулся генерал.

– Я не экзаменую. Просто, интересно твое мнение. Тем более, оно у тебя компетентное.

– Ну... почему, почему?... – Александр Васильевич задумался. Сегодня ответ на столь очевидный вопрос уже не казался ему таким простым, как год, три, пять назад. – Проиграл экономическую войну, идеологическую...

– Это понятно. А почему проиграл? – определенно настаивал Николай Яковлевич.

– Модель общества, система оказалась неидеальной. Неконкурентоспособна. Цены тогда на нефть упали, да и вообще, экономика разваливалась. Не выдержала тягот военного бюджета, гонки вооружений. Еще и Афганистан придавил. Закруглим таким образом – Союз потерпел поражение в соревновании систем. Можно долго голову ломать, почему, да отчего, а можно и просто посмотреть – в любом соревновании кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Не могут все приходиться к финишу первыми. Есть победитель, и есть проигравший. Обладание ядерным оружием в значительной мере продлило партию, но, в конце концов, система не выдержала напряжения и посыпалась.

– Во время Отечественной войны, значит, такая отсталая и неэффективная система выдержала? После войны восстановилась? А в мирное время сломалась. Так, что ли?

– Таков результат, пан профессор, как бы нам ни было грустно по поводу кончины Союза. Или ты возражаешь?

– Против результата, Саша, я никоим образом не возражаю. Он очевиден, и тут не о чем спорить. А вот причины этого глобального явления – разрушения Советского Союза – у нас трактуются, к моему большому сожалению, примитивно и однобоко. И я думаю, нарочито трактуются и подаются в одном свете, чтобы не делать выводов из совершенных ошибок. Правильных выводов. А так как ошибки

предполагаются, скажем помягче, специфические, то и выводы из них делаются, соответственно, некорректные.

– Например?

– Пожалуйста! К чему весь этот навязанный неолиберализм в экономике привел? Отсталую социалистическую экономику так услужливо угробили, что дуемся-дуемся, и никак не можем выйти на уровень последнего советского девяностого года.

– Не ведали, что творим?

– Одни ведают и творят. Другие за морковкой, повешенной перед носом, бегут, не думая ни о чем, кроме этой самой морковки. А непонимание процессов, происходящих в мире, неверные установки будут приводить к тому, что, оказываясь в очередных формажорных обстоятельствах, мы будем наступать на услужливо положенные грабли.

– Сколько еще ехать до «заимки»? – общение с Николаем Яковлевичем всегда было Александру Васильевичу приятно, но сейчас, положив руку на сердце, распространяться на общие, хоть и волнующие темы, особого желания не было. Что уже плакать по волосам, коль голову сняли? Эх, всадники без головы!

– Около пятидесяти километров. Минут сорок.

– Как раз тебе хватит времени поделиться своей теорией, – генерал слегка опустил сиденье, расслабился, откинув голову на подголовник, приготовился внимать рассуждениям профессора.

– Война войной, генерал мой дорогой, а обед по расписанию. Что-то горяченького хочется. Нет возражений?

– В принципе нет. Сегодня командуешь парадом ты.

– Ну и прекрасно, – Николай Яковлевич съехал с трассы и остановился возле входа в придорожное кафе, скорее даже – небольшой ресторанчик, с вывеской, стилизованной под арабскую вязь, архитектурно

исполненный с претензией на нечто восточное, но национально-неопределенное. – Очень приличное заведение. Мы с Гелей частенько тут останавливаемся, если не спешим. Девочку свою буди.

– А я и не сплю, – открыла глаза Вероника. –
Not any more.

– Что вы сказали, Вероника?

– Вовсе нет! – пояснила профессору юная любовница генерала, штудирующая английский язык в свободное от учебы и любимых мужчин время.

Глава 25

Удобно расположившись за массивным деревянным столом, заказали еду. Из холодных закусок Николай Яковлевич выбрал маринованные баклажаны, помидоры и сыр «Мацарелла», Вероника, не заглядывая в меню, заказала лобио, уточнив у официантки, какие орехи идут к фасоли и, попросив не переусердствовать с зеленью. Александр Васильевич тоже выбрал лобио, но без ограничения зелени. Салаты и горячие закуски пропустили. Из супов профессор рекомендовал неоднократно пробованную отменную «душбару» – маленькие домашние пельмени в бараньем бульоне. Генерал согласился с рекомендацией, а Ника остановила свой выбор на домашней куриной лапше с протертым белым мясом. На второе Николай Яковлевич заказал бараньи ребрышки с картофелем по-домашнему, а девушка предпочла филе судака со шпинатом и отварным рисом, как и генерал. Хлеб – мужчины единодушно выбрали лаваш. Алкоголь за рулем профессор не употреблял принципиально, поэтому ограничился зеленым чаем. Александр Васильевич позволил себе сто грамм коньяку. Какого? Нормального. Вероника заказала бокал «Къянти». К удивлению генерала даже вино «Къянти» водилось в подвалах этого придорожного заведения общепита.

Надо признать, что сфера услуг и общественного питания совершила огромный рывок вперед по сравнению со столовскими котлетами за четырнадцать копеек. Опережающий рост потребления

в целом – как раз, та самая морковка, что висит перед носом.

– Итак, на чем мы остановились? – в ожидании блюд, Николай Яковлевич мелкими глотками с удовольствием потягивал, пузырящийся в высоком стакане, «Боржоми».

– На «Боржоми», – Александр Васильевич тоже налил себе из стеклянной зеленоватой бутылки знаменитой грузинской минеральной воды. Вероника отказалась. И напрасно. Вкус отменный. Еще тот. Настоящий. Он помнил этот вкус, как и вкус того еще «Нарзана», что мучил по утрам до одиннадцати часов души советских алкоголиков и просто много пьющих людей.

– Нет. О чем мы говорили?

– О развале Союза, ошибках и выводах. Кажется, так.

– Да. Так вот, кстати, об ошибках и выводах. Ты, Саша, обратил внимание, как весь, так сказать, демократический Запад в последнее время ополчился против Путина? Обвиняет в «имперстве», возвращении советского авторитаризма и всех прочих грехах, вспоминая к месту и где попадая его кагэбэшное прошлое.

– Ну, с одной стороны, в том числе и из-за нас ополчился. С другой стороны, если на деле посмотреть, картина как раз, противоположная словам. «Большую семерку» в «восьмерку» переименовали – в свой клуб его приняли. Дружат семьями. У Буша на ранчо в Техасе ночевал. Тем более, Штаты в Ирак влезли – им теперь с Россией ссориться и вовсе резона нет.

– Так, да не совсем так, – возразил Николай Яковлевич, поглядывая в сторону темного проема, скрывшего официантку. – Россия, как и Франция, как и Китай, три постоянных члена Совета Безопасности, категорически выступали против вторжения Соединенных Штатов в Ирак, а они, тем не менее, наплевали

на Совбез, на ООН, да и вторглись. И знаешь, какое первое постановление было принято Вашингтоном после оккупации страны, а она произошла на удивление молниеносно?

– Да уж, проткнули страну, как раскаленный нож масло. Впечатление произвели. Мы все были поражены тогда. Ожидались ожесточенные бои. Где же хваленая гвардия Саддама, неприступные оборонительные линии, советские танки, в конце концов? Ну, а потом, конечно, пошло-поехало – теракт за терактом и так день за днем. Партизанщина кровавая, междоусобица религиозная, – генерал задумался. – Какое первое постановление, говоришь? Хрен его знает. Наверно, что-то с нефтью связанное. Они же туда не за песком для пляжей полезли?

– Ну, можно сказать, в целом не промахнулся. А конкретно, американцы сразу же объявили недействительными все контракты между правительством Ирака и Россией, Францией и Китаем. Иракская нефть это, видишь ли, их добыча. Их и британских друзей. Спасибо. – Николай Яковлевич кивнул официантке, выставившей на постеленные широкие льняные салфетки первую смену блюд. – А Россия, пока разлагалась в послеперестроечном угаре, распадалась и разбазаривала все направо и налево, демократический мир чудесным образом устраивала. Все шло по плану. И вдруг осечка. Путин. «Казачок» оказался не тот, что думали.

– The bad guy. Sticking point, – вернула Вероника.

– Да, плохой парень, камень преткновения. Точно. Для них. Ошибочка вышла, – улыбнулся девушке Николай Яковлевич. – Начал западную «большую нефть» прижимать и своих...

– Со своими договорился, а Ходорковского посадил, – перебил Александр Васильевич. – Двух зайцев убил. И политического конкурента нейтрализовал, и

ресурсы гигантские государству, то есть, себе вернул. Даже – трех. Еще и всю российскую оппозицию, «ЮКОСом» вскормленную, дискредитировал, опустил ниже ватерлинии. Отправил всю эту публику в политический нокаут на несколько лет. Они теперь оранжевые шарфики в поддержку революции нашей одевают. На Майдан зачастили. А что остается? Хоть так пиарятся. Короче, целая стая зайцев, хотя, они, по-моему, не стаями, а семьями живут. Я со своими ребятами еще по работе в Москве общался, интересные вещи рассказывали на эту тему.

– Что именно, если, конечно, не секрет? – ожился Николай Яковлевич.

– Например, Ходорковского арестовали за месяц до выборов в Думу, в которой он ухитрился еще до выборов скупить большинство голосов. Это у него был первый шаг в планах выставить свою кандидатуру против Путина на выборах. А контроль над Государственной Думой – капиталовложение колоссально окупаемое. Это и удобные для себя избирательные законы, а главное, у них тогда готовился закон о недрах, сырьевые ресурсы и частные трубопроводы. Вот это была бы лафа! Планов у Михаила Борисовича было громадьё. Тебе не скучно с нами, золотце? – генерал повернулся к не участвовавшей в разговоре девушке.

– Нет. Что вы? – Вероника отправила в рот наколотую на вилку фасолину. Сделала глоток вина. Погладила Александра Васильевича по голове, как она имела обыкновение это делать. – С некоторого времени мне с вами очень весело. Вы продолжайте. Мне интересно. Потом буду умничать секретной информацией, если что-то запомню.

– Болтун – находка для шпиона, – предупредил генерал.

– Да? На самом деле? Мне кажется, это шпион – находка для болтуна, – возразила Вероника. – I feel

myself like a secret agent. Мата Хари. Или какая-нибудь подружка Джеймса Бонда.

– Мата Хари, якобы работавшая на две разведки, французскую и немецкую, никаких значимой ценности сведений не поставляла, – просветил Александр Васильевич.

– За что же ее тогда расстреляли? – удивилась Вероника.

– Фактически ни за что. Ни за грош.

– Это как?

– Так. Французы расстреляли ее из-за ревности и подлости очередного военного любовника артистки. За неосторожно оброненную фразу о том, что «физиология немецких и французских генералов одинакова».

– Козлы!

– На войне, милая барышня, не до сантиментов! – развел руками Николай Яковлевич. – *Alager com alager*.

– А в наших разговорах ничего секретного нет, Ника Хари. Практически все есть в открытой печати, в газетах, в Интернете. Ты ведь пользуешься Интернетом? – Александр Васильевич повернулся к ней. Взял за руку.

– Да. Иногда.

– Через «Гугль», «Яндекс», да любой поисковик при желании найдешь гораздо больше, чем мы тут наговорим с профессором.

– При желании найду, – Вероника придвинула тарелку с куриной лапшой. – Но почему-то кажется, что такое желание у меня не возникнет. Желание, пожелание... Я вина еще выпью.

– Да. Конечно. Девушка! Будьте добры...

Официантка принесла еще «Кьянти» и еще коньяку. Два по пятьдесят.

Николай Яковлевич решил нарушить принцип и немного выпить, хоть и за рулем. Трасса ровная, незагруженная. Генеральские корочки – лучшая страховка

от любого гаишника. И что такое вообще какие-то несчастные пятьдесят грамм коньяка в сочетании с плотным обедом? Ничего. Дух. Ритуал. Расширение сосудов головного мозга, соответственно, улучшение кровоснабжения и доставки клеткам кислорода. Просветление и хорошее настроение. И общение с генералом приятное. Собеседница симпатичная и даже неглупая при такой внешности. Никто не кричит истерично про «кляту кроваву гэбню», «пятую колонну», не повторяет наивные, рассчитанные на простаков, байки о скорой жизни, «как в Европе», вот только б отгородиться колючей проволокой от северного медведя, не обвиняет в недостатке патриотизма, по недоразумению считая свои примитивные кондовые воззрения истиной в последней инстанции. Причем, истиной не простой, а национально-патриотической. Сознательно-украинской. Не иначе. В отличие от прочих разных – бессознательных.

– Я знаю, читал о том, что Ходорковский вел переговоры с «Эксон Мобил» и «Шеврон Тексако»... – вернулся на протоптанную стезю Николай Яковлевич.

– А это, кстати, бывшая фирма госсекретаря Кондолизы Райс, – уточнил генерал. – Бывшая... Ты ж понимаешь, какие они все бывшие.

– Да, понятно. А насчет Райс не знал...

– Такие вещи, обычно, не афишируются. Хотя, при современных средствах коммуникации можно свободно зайти на сайты и правительства и другие. Изучить биографии политиков. Сопоставить, кто и откуда пришел, чем занимался, предположить, чей интерес будет продвигать и каким образом. И в какой тесной компании. Для аналитики непочатый край, конечно, если к этому делу стремление есть и необходимость. Извини, Николай Яковлевич, перебил.

– Так вот, продолжаю, он собирался продать им до сорока процентов акций «ЮКОСа». Американские нефтяные гиганты, а значит, и Вашингтон, мощно

запускались на российский рынок нефти и газа, а сам Ходорковский, учитывая его привязку к Вашингтону, становился фактически неприкасаемым для Кремля. Контроль над парламентом и будущее президентство олигарха, контролируемого Вашингтоном, – можешь представить, что это было бы? – Николай Яковлевич решительно допил оставшийся глоток коньяка. – Я думаю, еще пятьдесят не помешают.

– Вне всякого сомнения, – Александр Васильевич согласно кивнул. – Два по пятьдесят.

– Окей! Девушка! Будьте любезны... – Николай Яковлевич поднял руку.

– И такой нюанс к тому, о чем ты говоришь. За три месяца до ареста Ходорковский встречался с Диком Чейни, вице-президентом США и по совместительству главным лоббистом «Халлибёртон» – крупнейшей корпорации связанной со всем, что имеет отношение к нефти и газу от труб, насосов, оборудования до каких-нибудь присадок. Кроме того, Чейни у них там один из основных идеологов. А до Буша министром обороны был.

– Вот это интересно! – профессор математик-экономист покачал головой. – Я, кстати, читал статьи о коррупционных скандалах с иракскими контрактами, в которых обвиняли и эту самую «Халлибёртон».

– И еще нюанс. За несколько дней до ареста Ходорковский принимал у себя Джорджа Буша-старшего. Считается, шлифовали последние детали покупки акций «ЮКОСа» штатовскими нефтяными монстрами.

– Ого – компания! А если учесть, что «ЮКОС» заявил о желании прикупить еще и «Сибнефть» Березовского, и если бы такое объединение произошло, он бы владел вторыми по величине запасами нефти в мире, так писали. Если принять во внимание долю и влияние американцев, можно говорить прямо таки об энергетическом перевороте или заговоре, который

Путин предотвратил, – подытожил Николай Яковлевич. – Теперь он для них плохой. Именно поэтому. Из-за нефти, а не чего-либо другого. Диктатор. Царь. Узурпатор. Bad guy. Однозначно.

– Конечно, плохой. Сколько малины ...обломал. Михаил Борисович ведь, как сейчас модно говорить, не по-детски готовился к будущему. Информационно себя обеспечивал на высшем уровне. Жажда – ничто, имидж – все.

– Ты имеешь в виду прикупленные СМИ – газеты, телевидение?

– Это – само собой. Кроме того, по примеру своего друга Сороса и его фонда «Открытое общество» создал благотворительный фонд «Открытая Россия», в совет которого включил Генри Киссинджера, Ротшильда, имя не помню, – английского наследника банкирского семейства, бывшего американского посла Хартмана. Там еще интересная публика, я на диски скидываю разную любопытную информацию «к размышлению».

Произнеся политический спич, генерал воплотил в жизнь рекламный поп-слоган, что «иногда лучше жевать, чем говорить», и принялся за филе судака. Шпинат еще кое-как, но проходил внутрь, а вот рассыпчатый отварной рис уже не помещался в желудке, давил на диафрагму.

– Я изучал проблематику дефолта девяносто восьмого года, – профессор, несмотря на кажущуюся щуплость, легко справлялся с внушительными порциями снеди, орудуя ножом и вилкой, как анатом. – Такие вот занимательные данные встречались, правда, это уже недавно, очевидно, после его ареста писали. В девяносто восьмом году Международный валютный фонд отпустил России миллиарды долларов для поддержания курса рубля. Так из этих денег банк Ходорковского «Менатеп» перенаправил почти пять миллиардов долларов на счета дружественных, в том числе и американских банков.

– Николай, тебе не кажется, что мы зациклились, слишком углубились в тему вместо того, чтобы, как мы собирались вначале, сделать обобщающий вывод таким широким мазком?

– Возможно. Но это – нормально. Мы анализируем, оцениваем ситуацию с разных сторон. И мне кажется, мы правильно понимаем, откуда ноги растут.

– Вообще-то, ноги всегда растут из одного и того же места, – задумчиво произнесла Вероника, покрутила в бокале остатки вина. Поднесла бокал к губам, но пить не стала. – Мне так кажется.

– Это хорошо, очаровательная мадемуазель, что ваш юный взгляд столь ясен. А многим, даже умудренным жизнью индивидуумам, иногда кажется, что ноги произрастают из разных, порою экзотических мест. Или существуют сами по себе. Ходят, бродят без хозяина и без царя в голове. *Prosit!*

Мужчины слегка соприкоснулись рюмками. Допили коньяк.

– Ну, что, гости дорогие? – Александр Васильевич обратился к насытившимся присутствующим.

– Нет! – Решительно заявила Вероника. – Я еще хочу мороженое! С клубничным или малиновым джемом.

Заказали мороженое. И еще коньяка – три по пятьдесят.

Глава 26 «Учения»

Пузатый десантно-транспортный борт, внешне напоминающий крылатого тюленя, монотонно гудел моторами. Вылетали из подмосковной Кубинки. ПДС – парашютно-десантная служба дивизии экипировала курсантов, проверив и подогнав снаряжение. Еще одна, уже последняя, проверка предстояла непосредственно перед отделением от самолета. Придя в себя после неглубокого сна, Александр застал в салоне прежнюю картину без каких-либо существенных изменений. Впереди над входом в кабину экипажа тускло горела желтая лампа. Такие же, как и он, курсанты Московской высшей школы КГБ СССР, в большинстве своем спали. Кто-то не мог уснуть, не совладав с нервами. А может, мешали чувствовать себя комфортно притороченные ранцы основного и запасного парашютов. Скорее – то и другое. В иллюминаторах – ночная чернота. Который час? Трудно сказать. Непонятно, сколько он спал – два, три, а может, полчаса?

Александр не позволял избытку времени «разгонять нервы». Он фокусировался и концентрировался на прыжке, мысленно многократно проходил все его фазы, беззвучно сам с собой проговаривал свои действия. Анализировал взаимодействие воздушных потоков, времени и скорости собственного падения. Их учили управлять собой, своими чувствами. Если не можешь подчинить собственные нервы, настроить их четко, как струны, разве сможешь управлять другими людьми, влиять на них, подчинять своей воле?

Волнение, напряженность и страх – негатив – отступали перед «позитивным мышлением». Есть такая методика. При негативных мыслях тело непроизвольно напрягается, а при позитивных – автоматически расслабляется, отдыхает. Надо уметь заполнить себя позитивом. Александр умел. Правда, не все тело расслаблялось, одна и весьма важная часть его при этом напрягалась – слишком уж приятными, округлыми формами обладали сии источники положительных эмоций.

К этим учениям они готовились давно. Прыгали с парашютом, бегали кроссы, работали над «физикой» в целом и рукопашным боем в частности, изучали карты, особенности разной местности, постигали науку выживания – теоретически. Теперь предстояло все это объединить и воплотить на практике. Будучи сброшенным с самолета в сибирскую тайгу, пройти, проползти, пролезть, проплыть километров сто или больше, как повезет, и в заданное время «Ч» выйти к заданному пункту «Н». При себе полагалось иметь кроме куртки, формы и обуви, только – десантный нож. Ну, и еще – голову, руки, ноги...

Среди курсантов ходили упорные слухи, что ни одно из таких учений не обходилось без потерь личного состава. Медведи, волки, топкие болота – обманчивые тихие воды, неудачное с переломами приземление, инфекция, с грязью попавшая в рану – мало ли причин для ухудшения показателей внутренней отчетности? Руководство трагическую статистику обучающемуся составу не докладывало, мотивируя последующее отсутствие того или иного курсанта отчислением или переводом в не такое сложное учебное заведение, обычно очень далекое от столицы.

Перед экипировкой и последующей посадкой всех курсантов тщательно обыскали, беспощадно конфискуя спички, зажигалки, сигареты, пакетики с солью, сухари, печенье и прочие запасы. Александр тоже «спрятал» в нагрудном кармане шоколадку, а в носке

коробок со спичками. Шоколад разрешили тут же проглотить, спички, как и у многих других, забрали. Зато глубоко в плавках остался в неприкосновенности, заклеенный скотчем полиэтиленовый пакетик со спичками и двумя темными полосками серы.

– Курсанты, подъё-ё-ём! – скомандовал от дверей кабины майор. Одновременно в салоне зажегся яркий свет. И тут же. – Вольно! Сидеть! Первый?!

– Я! – вскочил возле него курсант.

– Сидеть! Поднимайте руку.

Всем курсантам, участвующим в учении, в соответствии с алфавитным списком фамилий, были присвоены номера. Соответственным образом расселись в салоне. Андриевский – «первый», Беридзе – «второй», ...Шевчук – «двадцать третий»...

– Изучите задачу. У вас есть десять минут, – майор протянул «первому» большой белый конверт.

– Есть изучить зада...

– Второй!

– Я!

Раздав и вскоре собрав конверты, майор скомандовал «готовность номер один!». Инструкторы еще раз проверили подгонку парашютов и снаряжения. Подушка отцепки и кольцо привода запасного парашюта находятся в своих гнездах и легко доступны, грудной обхват пропущен через пряжку и хорошо закреплен – это, чтоб не выпасть из подвесной системы при раскрытии купола. Ножные обхваты. Рукоятка привода основного парашюта, в обиходе – бо-бышка, вот она, под рукой.

Выстроились в линию. Бравадные шутки одиноко повисали в плотном напряженном воздухе.

Александр и не заметил, как в иллюминаторах посветлело. Странно. Сколько ж сейчас времени? Пять, шесть? Светло, как днем. Белые ночи. Черт! Забыл о них. И точно, широта-то, какая на карте, а? Быстро пробежал пальцами по ремням.

В салоне зарипел командный звуковой сигнал. Над рампой хвостового люка зажглось оранжевое табло – «приготовиться к выброске».

– Самолет приближается к заданному району, – обозначил свое присутствие майор. – Интервал выброски двадцать пять секунд. Московское время – двадцать три часа пятьдесят шесть минут. Вопросы есть?

– А если парашют не раскроется? – юморнул кто-то по-черному.

– Значит, получишь «неуд». Отправим на передачу, – отшутился майор. – Ну, с Богом, ребята!

Серая клокочущая бездна за хвостовым люком поглощала выбрасывающиеся тела – одно за другим. Ледяной воздух огрел его стылой глыбой. Нос, рот, горло стиснуло, а легкие рванулись наружу, распирая грудь. Невозможность вдохнуть длилась секунды две или три, ему показалось гораздо дольше – даже успел запаниковать, несмотря на всю предшествующую «позитивность». Ремни на ногах резко дернули вверх, чуть не перевернулся, – удержала грудная поперечина. Над головой раскрылся купол «медузы». Дыхание восстановилось, и он комфортно и беспомощно повис в воздушном пространстве. Захватил руками систему управления, зачем-то попытался подтянуться. И успокоился в планомерном и ровном снижении. Покрутил, как мог головой по сторонам, надеясь увидеть «двадцать второго» или «двадцать четвертого», но безбрежные рассветные просторы утвердили его в полном одиночестве.

«По Москве сейчас начало первого, значит здесь начало четвертого, а светло почти как днем. Что там внизу?».

А внизу разливалась беспредельная зеленовато-синяя тайга, прячущая свои окоемы в дальних туманах, украшенная зеркальными блюдцами озер, извиристо прорезанная серебристыми водными поясами.

Облачность практически нулевая.

Удалось спланировать на округлую зелено-бурую поляну, в действительности оказавшуюся неглубоким кочковатым болотом. Ноги мягко ушли по колени в вековую топь, парашют пронесло вперед, и Александр с размаху плашмя упал в бурюю воду лицом вниз. Перекат вперед, как он должен быть, не получился. Отведя руки максимально назад, с трудом, но все же получилось высвободиться из подвески. Побарахтавшись в борьбе со стропами, и найдя кочку опоры, удалось вывернуться и кое-как на эту кочку сесть, отстегнуть ремни на ногах. Липкая холодная муть стекала по голове, спине, животу, чавкала и хлюпала в штанах. Везде. Отдышался. Собрался с мыслями. Подвигал руками и ногами, пальцами, проверяя целостность опорно-двигательного аппарата. Тут же пришлось этим аппаратом усиленно махать, отгоняя всевозможную гнусь и комарье, належавшее на новенького.

«В принципе могло быть и хуже. Все цело. Растяжений нет. А мокрый – не беда. Пройдет. Надо выбираться из этого болота. В какую сторону?»

Изучая и запоминая карту в самолете, Александр составил план. Заданный пункт «Н» находился на расстоянии ста двадцати километров к югу от места высадки со смещением пять градусов на восток. Плюс-минус три-четыре километра погрешности на ветер во время приземления, а главное – на сам момент прыжка. Задержка составила по его подсчетам секунд двадцать или двадцать пять, как раз лишние километры и набираются.

Если двигаться по прямой, через двадцать семь километров он должен будет пересечь просеку, идущую с юго-востока на северо-запад. Плюс, минус. Но он пойдет не на юг, а на юго-восток и достигнет просеки, пройдя двадцать километров. И двинется по просеке на юго-запад, где через шестьдесят или около

того километров таежная дорога упирается в узкоколейку. Если просека существует, кто-то ж по ней ездит? Вдруг повезет? То же и – узкоколейка, она идет ровно на юг. Семьдесят км по железной дороге и надо сворачивать строго на восток. На карте узкоколейку и карьер ничто не связывало, а, логически рассуждая, такая связь должна быть. Еще сорок километров и – искомый пункт, старый кварцевый карьер, расположенный на слиянии двух рек, одну из которых следовало преодолеть в конце. Всего набегает сто девяносто километров, зато в основном по каким ни есть, но дорогам, а не по дебрям и чащам. Населенных пунктов в радиусе ста тридцати километров от болота, гостеприимно принявшего его, нет. Только уже за карьером. Запомнил их названия, как ориентиры.

Еще совсем недавно чистое небо, быстро затянуло низкими клочковатыми облаками. А где было солнце, когда он выкарабкивался на кочку? Кажется, светило в левый глаз. Да, точно.

Миновав большую часть заболоченной поляны, Александр выбрался на опушку. Оглянулся на оставленный в раске след. Старался идти ровнее, а полоса получилась серпообразная, словно невидимая сила тянула его влево. Надо уточнить внутренний прицел, сделать поправку в голове. Лучше сместиться правее, к западу. Попрощался взглядом с брошенным парашютом, передвинул кожаный чехол ножа на живот и углубился в лес, время от времени сверяя курс движения с пятнами моха на мощных стволах лиственниц и сосен. Они должны быть перед ним прямо и чуть справа. Подножия многих деревьев были укутаны сплошняком, но при внимательном осмотре удавалось все же определить, где этого мха было больше. Там и север. А ему – на юго-восток.

Выполнить поставленный на день план – выйти к просеке, не удалось. Сумерки настигли на ходу. Серое небо, неоднократно срывавшееся вниз прохладными

колочими брызгами, потемнело. Глаза уперлись в лесную непроглядность. Последние часа два он шел как робот, уже не сверяя направление движения с охотничьими приметам, принимая вправо, и стремясь достичь желанной просеки до наступления, хоть и «белой», короткой, но все-таки ночи. Не вышло. Выбрав небольшой пологий пригорок, Александр натаскал валежника и старых хвойных веток, горящих как порох, для костра, наломал разлапистой молодой сосны для «постели». Достал заветный пакетик со спичками. Небо очистилось, посветлело, но звезды не появились – по уставу им не положено в белые ночи светить. Тепло костра, высокий шум деревьев, открытость и незащищенность вызывали смешанные чувства – первобытный страх, тревогу, потерянность и одиночество. Но они не успели проникнуть глубоко в душу курсанта, поморенные усталостью и дисциплиной. Укрывшись с головой курткой, зажав в руке нож, Александр спал. Молодой организм набирался сил, несмотря на упорное бурчание в животе.

Просека оказалась рядом. Он не дошел метров шестьсот. А теперь решительно и широко шагал по ней на юго-запад, помогая себе деревянным посохом. Ни свежих, ни давних следов каких-либо транспортных средств не наблюдалось, за исключением давно поваленных тягачами небольших деревьев. Выкорчеванная дорожная полоса начала зарастать молодняком.

Хотелось пить и хотелось есть. В целом в тайге влаги было много, а в частности приходилось сосать мох, отдирать кору и лизать влажные сладковатые стволы пораненных деревьев. С едой дела обстояли хуже. Терпкая хвойная смола да редкие сыроежки, которые есть он боялся, но по чуть-чуть все же хрумал. Большой обеденный привал он сделал в блаженном месте. На просеку выходила поросшая осинником низинка. Продравшись сквозь частокол, зачерпнул шапкой в

болотной луже, и жадно всасывал фильтрующуюся сквозь ткань влагу. Прибил посохом пару зазевавшихся лягушек. Аккуратно отпрепарировал их, сняв кожу и обнажив прозрачное восковое мясо. Наспех развел костер и полакомился, заедая французский деликатес горелыми, но такими вкусными грибами. А березовая и осиновая смола – слаще любой карамели!

Переночевав еще раз в лесу, на следующий день Александр вышел к насыпи узкоколейки. На заржавленных рельсах имелись явные отметины металлических колес, причем, недавние, что приободряло и как-то даже улучшало настроение. Расположившись на насыпи, можно было расслабиться и отдохнуть после двухдневного марш-броска. Захотелось отлить. Последний раз это случилось позавчера, вскоре после приземления. После организм уже не отдавал земле драгоценную жидкость. Утилизировал на все сто. Зачем-то спустился с насыпи, подошел к дереву. Струя ударила хлестко с брызгами, перевел со ствола на землю, едва не попав на землистого цвета марлевый накомарник, натянутый меж деревьев. Из-под накомарника выбирались две в равной степени заросшие темные фигуры в одинаковых черных ватниках и ушанках.

– Здоров, паря!

– Здравствуйте, – застегивая брюки, Александр повернулся полубоком и незаметно расстегнул чехол ножа.

– И откель ты, фраерок? – один из незнакомцев, словно ища что-то на земле взглядом, стал обходить его справа.

– Оттуда! – Александр показал рукой на просеку, одновременно сделав шаг вперед и влево, прикрыв спину деревом. – А вас каким ветром сюда занесло?

В таких случаях надо постараться перехватить инициативу, не показать, что менжуеться и коленки дрожат. Язык – тоже оружие, если не проглатывать его, конечно.

– Вот, блядь, занесло нас... – протянул тот, что стоял прямо перед Александром, оценивающе рассматривая неожиданного гостя. – В командировке мы тут... обходчики...

– А когда заберут вас? Паровоз или дрезина, что здесь...

– И много еще тут с тобой ...туристов? – не обращая внимания на вопрос Александра, спросил «что-то ищущий». Он продолжал свой медленный обходной маневр.

– Должны вот-вот подойти ребята... – боковым зрением он уловил резкое движение «ищущего».

Гах! Топор вонзился глубоко в дерево как раз на уровне его шеи. Автоматический, многократно отработанный нырок навстречу с уклоном и удар снизу в печень. Ножом.

– Ах ты, сука! – длинная заточка со свистом вхолостую полоснула по воздуху.

Подкат. Удар в пах. Алая кровь фонтаном выплеснулась сквозь черные штаны.

Александр отскочил назад, сжимая в руке нож.

«Ищущий» лежал на правом боку, закрыв двумя руками рану, и тихо стонал. Кровь просачивалась сквозь пальцы на землю. Второй сидел на земле, расставив ноги, вдавливая правую руку в пах, причитая и плача.

– Сука! Ах ты, сука еб...ая, блядь! Бутерброд, еб...чий, блядь... – красная лужа под ним растекалась все шире.

Бедренная артерия, ее рукой не прижмешь. Тем более в лесу.

Александра начало мелко трясти. Он выбрался на насыпь, сел и сжался, обняв колени. Озноб усилился. Затошнило и резким спазмом чуть не вывернуло всего наизнанку. Потом еще и еще. Он просидел какое-то время, пытаясь понять и осознать, что произошло с ним сейчас в этом глухом таежном углу, как

изменился мир, и как он будет жить дальше. Что теперь будет с его жизнью вообще?! Он никому не хотел зла. Он просто защищал себя, как мог. А его хорошо научили это делать.

Стоны затихли. Александр спустился с насыпи. Смерть уже посетила этих несчастных. В какие пределы иль тартарары отправились их души? Ладно... Он оттащил трупы подальше в чащу. Поправил задравшуюся, обнажившую вычурные наколки, одежду. Укрыл накомарником и ветками.

«Прости, Господи, меня! Я не хотел этого. Прости меня, Господи! И их прости... шатунов двуногих».

Сутки спустя, Александра нагнала дрезина с двумя путейцами. В обмен на понравившийся шикарный десантный нож с зубринами и специальной канавкой для стока крови, а скорее просто по широте сибирской души, он был привезен в вахтенный поселок. Напоен там щедро не только чаем, накормлен, попарен в баньке и на моторной лодке доставлен в искомый пункт «Н» в заданное время «Ч».

Глава 27

Миновав дачный шлагбаум с охраной, последние метров пятьдесят ненакатанной персональной «щебенки» «Дэу» выгребала по глубокому снегу. Профессор сумбурно крутил баранку, яростно газовал, машину разворачивало то левым, то правым боком, заносило, но в итоге она благополучно застопорилась перед металлическими воротами. Сугробы внутри, на участке, были по колено. Веронику это радовало. Гуськом, стараясь вступать след в след, дошагали до жилища. Под навесом, справа от входной двери, была выложена аккуратная поленица, прилепившаяся к стене. Оттуда Николай Яковлевич и выудил ключ. Дом встретил гостей гулкой стоячей мерзлотой. Пар изо рта словно повисал, как утренний туман, в неподвижном, ограниченном стенами пространстве.

– Ничего, ребята! Не робейте, – радостно потирал ладони хозяин. – Это всегда так поначалу. Сейчас разожжем каминчик... Лепота!

На веранде в углу скучились десятка полтора, сваленных насыпом, дровишек для растопки. Веник – отряхивать снег. Широкая деревянная лопата.

– Я расчищу дорожку, – Александр Васильевич взялся за древко.

– Если есть такое желание...

– Есть!

– Я с тобой! – Вероника чмокнула генерала в щеку и рассмеялась. – Мне тут нравится!

Сначала имело смысл сделать проход в снегу к дровам. Метров восемь. Освободив от снега ступеньки, Александр Васильевич пропахал снежную целину к поленице. Стало жарко. Расстегнул куртку. Физическая работа доставляла удовольствие. Принялся за дорожку к воротам. Вработался, как робот, перекидывая в сторону снег и неумолимо продвигаясь вперед. Ника весело скакала рядом по колено в снегу.

– Дай мне! Я тоже хочу снег убирать!

– На! – Александр Васильевич протянул лопату и отошел.

– И раз! И два! И раз! И два! – она прошла пару метров, разгорячилась и устала. – Всё! Теперь ты.

– И раз! И два! – он решительно двинулся вперед, получив в спину снежком. – Ника, прекрати!

– Не прекращу! Получай, кучмист! – угнетатель трудового народа!

– Ника! Угнетатели своими руками снег не расчищают!

– И еще! Что же они делают, по-твоему? Ответь-чай! – Из положения «сидя» она запустила в высокопоставленного «кучмиста» очередной, наспех слепленный снежный заряд, рассыпавшийся в недалеке.

– Продают народную нефть, газ, алюминий, а в свободное время пьют кровь невинных младенцев.

– Вот ты и сознался! Огонь!

– Ника!!!

– Уже двадцать лет, как Ника! На!

– Ах, так?! – Он захватил пригоршню снега. – Ну, я тебе щечки сейчас натру, террористка!

– Ааа!!!

Вероника побежала по глубокому снегу. Александр Васильевич – за ней. Догнал, опрокинув в пушистую холодную перину. Упал рядом. Обнял. Снежинки на длинных ресницах хлопали туда-сюда,

вверх-вниз. Жаркие и шумные, они неожиданно замолчали. Затихли. Пунцовый румянец разлился по девичьей шее и щекам. Он чувствовал, как под рукой вздымается полным дыханием ее грудь. Глаза. Эти пронизывающие зеленые глаза. Чуть-чуть раскосые, бесконечно глубокие и непостижимые, как все тайны мира и все впадины моря. Как души всех самых прекрасных женщин от Сотворения и до Конца. Они смотрели на него вопросом и ждали. Ника знала, что он не ответит. Поймет, но не скажет. Не выдавит из себя *those three little words*. Он не такой. А как хотелось до боли, до ломоты в горле, груди, да везде! именно сейчас, в этот растянутый миг услышать сладкие, желанные, пусть даже неправдивые слова. Он чувствовал ее вопрос, он знал его, этот вечный вопрос. И также знал, что не стоит вообще ничего произносить вслух. Не портить пустыми словами такое мгновение – момент неожиданного невозможного счастья, пронзившего их, как стрела. Стрела – пронзившая и вот-вот улетающая вдаль.

Он бережно, словно боясь коснуться, лелея и млея внутри, провел пальцами по ее волосам, шее, щекам. Ощутил кожей холодный бархат женского тела. Чуть приподнял голову девушки из снега и подложил ладонь. Опасаясь спугнуть застывшее замороженное время, осторожно коснулся губами ее приоткрытых рубиновых губ. Нежно и медленно целовал глаза, нос, лоб, ямочки на щеках, трогательные завитушки за маленьким ухом. Вероника не отвечала. Замерла. Она отстранила его. Только глубокое дыхание и напряженный пронзительный взгляд передавали накатившее внутреннее волнение.

– Ты любишь меня?

– Да! – мгновенно и без сомнения, неожиданно для самого себя, последовал его ответ. И это была правда. Ничего, кроме правды. Глядя в эти глаза, он не мог произнести ничего, кроме этой правды, иначе

бы сердце ее не выдержало и разорвалось на тысячи-тысячи кусочков. Или сжалось в ледышку. – Я люблю тебя! Я очень тебя люблю.

– Спасибо... – шепотом ответила она. Притянула. Сладкими губами словно проникла в него всего, в каждую клеточку, каждую точку, наполнив божественной энергией все его тело до кончиков пальцев. Волшебное мгновение росло, светилось в них ярким светом, переливалось цветами радуги, звучало дивной неслышанной мелодией, согревало ласковым нежнейшим теплом.

– Кхе-кхе! – раздалось с крыльца.

Тинннь... Они слышали, почувствовали изнутри звук и движение невидимой тетивы. Чудесная стрела, застывшая на миг, покинула влюбленные тела. Продолжила свой вечный лёт. Они очнулись, пришли в себя. Вернулись.

Генерал откинулся на спину. Небосвод был все так же далеко. Благородные высокие сосны все так же стремились в небо, нависая зелеными кронами над мужчиной и женщиной, лежащими на снегу. Всё было то же. Вот только в душе что-то произошло. Включилось какое-то неведомое зажигание. Он, они испытали... Что? Что-то очень хорошее, самое лучшее, яркое, светлое. А, может, это Он показал им, как бывает Там. Там, где всегда хорошо и светло. А зачем? Почему? И почему именно им?

Вероника взяла его за руку. Сжала несильно.

– Ты тоже почувствовал это?

– Да.

– И думаешь об этом?

– О чем?

– Не знаю. Я не могу сказать... Что-то такое, ...словно волной накрыло, но ...дышится легко, и – так хорошо...

– Да. Ты точно сказала.

– Как ты думаешь, что это было такое?

– Не знаю... Возможно, нирвана?

– А, может, мы с тобой побывали на Небесах?

– Я тоже думал об этом. О них.

– Я почувствовала, как земля вдруг исчезла.

Уплыла. Все пропало. Только ты и я. И свет.

– Какой?

– Белый. Белый и ...ровный. Не теплый, не холодный.

– Разноцветный, как спектр. Или радуга.

– Нет. Только белый. Мне словно уши заложило, как в самолете. И такой тихий шум. Шшш...

– А мне казалось, что мелодия где-то играет вдали.

– С тобой такое раньше случалось? – она провела его ладонью по своей щеке, прижалась губами, поцеловала.

– Кажется, да...

– Часто?

– Раза два или три. Точно не помню.

– С другими женщинами, как и со мной?

– Не знаю, Ника... Я не помню. Возможно, мне это снилось. Вот, сейчас пытаюсь вспомнить, ...наверное, снилось.

– А кто тебе снился? Я?

– Кто-то снился, но кто – не помню. Хотя, ...наверно, это была ты. Еще не родившаяся.

– Это не имеет значения.

– Я знаю.

– А со мной у тебя произошло по-настоящему. Не во сне.

– Да. С тобой так. Не...

– Друзья! Вы не рискуете простудиться? – подал голос Николай Яковлевич.

– Н-нет! – нестройным дуэтом ответили Александр Васильевич и Вероника.

Генерал отряхнул девушку от снега. Заглянул с неясной тревогой в глаза. Прекрасные изумрудные

глаза. Но те бесконечность, глубина и непостижимость исчезли. Скрылись. Все опять вернулось на круги своя?

А, может, это просто – химия тела? Выброс гормонов? Что там влияет на гипоталамус или другой участок мозга? Какой-нибудь внутренний аналог диэтиламида лизергиновой кислоты – ЛСД – источника галлюцинаций? А, может, их синхронно затопили гормоны счастья? Омыли, просветлили и ...схлынули.

Признаться, он боялся, что она задаст «вечный женский вопрос». А он будет мямлить в ответ «детка, ты ж понимаешь»... И она спросила. И он ей ответил. Правду. Если б он произнес «нет», – это тоже была бы правда. Только другая. Ненужная и бессердечная.

Глава 28

Короткие, аккуратно наколотые полешки, постреливали и потрескивали в камине, распространяя уютное первобытное тепло. В радиусе метров пяти от камина было комфортно и приятно, но далее холод продолжал удерживать территориальные позиции, сдавая их мало помалу.

Нижний этаж дома представлял собой большую, почти огромную комнату – залу, с высоким потолком и двумя толстыми деревянными колоннами-бревнами. По бокам от деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, расположились с одной стороны – хозяйственный блок в виде кухни и подсобок, с другой – две небольшие спальни. Николай Яковлевич подтянул к камину две, легко транспортируемые по полу, кушетки, поставив их под углом в девяносто градусов, открытой гипотенузой к очагу. Расположил внутри в углу продолговатый журнальный столик. Проголодаться после обильного обеда никто еще не успел, а вот горячий чай и кофе, как всегда, были бы кстати. Генерал набрал снега для талой воды. Как в детстве.

– Спать будете здесь, – профессор повел рукой в сторону камина. – Белье, одеяла, подушки я дам. Сдвинуть вместе кушетки... если нужно.

– Хорошо. – Александр Васильевич представил, что это будет весьма романтично, даже кинематографично. Если сдвинуть.

– Можно и наверху, – Николай Яковлевич показал пальцем на потолок. – Комната маленькая,

и от камина прекрасно нагревается. Тепло держится до утра. Но тогда надо подождать внизу, чтобы прогорели дрова.

– Я выбираю – здесь! – Вероника поставила на столик электрический чайник с кипятком, чашки и прочие атрибуты кофе- и чаепития.

– Вообще-то, можно растопить печь и капитально прогреть весь дом...

– А зачем? – пожал плечами генерал. – Мне кажется, и камина вполне достаточно.

– В принципе – да. Постепенно тепло...

Пи-и-ип! Пропиликал сигнал домофона, прервав хозяина на полуслове.

– Странно! Кто бы мог быть? – Профессор подошел к двери, нажал ответную кнопку. – Да?

– Николай Яковлевич! Это Марк Анатольевич. Здравствуйте!

– Здравствуйте, Марк Анатольевич! Я сейчас подойду. Электрический замок что-то не срабатывает, замерз наверно. Или контакт подмерз.

– Добро!

– Сосед мой, врач, – Николай Яковлевич набросил пальто. – Психиатр. Замечательный человек. Но что он тут делает сейчас?

– Наверное, то же, что и мы, – отозвалась Вероника.

– А именно? – профессор оглянулся в двери.

– Отдыхает.

– Что мне сказать, если...?

– Как есть, так и говорите. Заехали на пару часов, – Александр Васильевич подошел к окну. Высокий забор скрывал пришедшего гостя. – Что тут особенного? Взяли да приехали. Для того и дача.

– Один?

– Смотрите по ситуации, – генерал отчего-то перешел на «вы».

– Ладно. Пошел, – Николай Яковлевич скрылся за дверью.

– Ты нервничаешь? – Вероника подошла, обняла своего спутника, прижавшись щекою к груди.

– Нет.

– Ни капельки?

– С тобой ни капельки.

– А у меня ноги промокли, между прочим.

– Что же ты молчишь?

– Я не молчу – говорю.

– Так давай сушить тебя у камина.

– Давай, – девушка подняла голову, посмотрела ему в глаза. – Я хочу, чтобы ты отнес меня...

– Легко! – Александр Васильевич подхватил ее, пронес несколько шагов и бережно опустил на кушетку. Взялся за замшевый, на высоком каблуке, сапог.

– Я сама. Там на кухне табуретки есть. Принеси одну, пожалуйста.

Когда он вернулся, она натягивала джинсы, стоя на холодном полу босыми розовыми ногами. На полу валялись ажурные, телесные колготки.

– Принести сумку?

– Да, там носки.

Вероника утеплилась шерстяными в разноцветную полоску носками, добротными, толстыми, высокими, как гольфы, больше похожими на чуни. Протянула ноги к огню, положив их на табуретку. От мокрых внизу штанин поднимался легкий прозрачный пар.

– Откуда такая экзотика? – Александр Васильевич кивнул на носки, выполненные в стиле сельских полосатых половиков.

– Это бабушка мне связала.

– У тебя есть бабушка?

– А что в этом удивительного?

– Ничего. Извини. Просто среди моих знакомых бабушек и дедушек давно уже нет. И родителей... – генерал задумался. – Бабушка, дедушка... Так тепло, по-домашнему звучит.

– Она у меня рукодельница. Много всякого вяжет. Мне носки нравятся.

– А остальное из многого?

– Остальное – другим внучкам и внукам.

– И много их у твоей бабушки?

– Семь. И трое правнуков.

– Немало.

– Вообще-то у меня две бабушки и один дедушка. Одна бабушка в Подмоскowie живет, в Уваровке. Это возле Смоленской области. Я ее несколько лет назад в последний раз видела, когда с папой ездили. А мамыны бабушка и дедушка, ну, в смысле, ее родители, в Херсонской области в селе живут. Я у них раньше так вообще, каждое лето отдыхала.

– Да... Это хорошо. Лето, бабушки, вареная кукуруза...

– ...горячая, с домашним сбитым маслом...

– ...и крупной солью натереть.

– ...и с помидорами, ммм... – закрыв глаза, показала головой Вероника.

– Что-то Николай Яковлевич задерживается.

– Ты переживаешь?

– Нет.

– Тогда иди сюда. Сядь. Вот так.

– И что?

– Ничего, – она легко переместилась к нему на колени, усевшись, как наездница. Плотно прижалась. Поцеловала в губы. Быстро и страстно. – Я хочу тебя. Я тебя хочу.

– Прямо сейчас?

– Да!

– И как ты себе это представляешь?

– Не знаю. Все равно – как. Просто хочу – и все.

– Я тоже тебя хочу, – целуя шею, он провел ладонями по ее спине, ниже, по бедрам, вернулся... Девичье тело пульсировало, трепетало, как птица, в его

руках. Казалось, вот-вот и она вырвется, взмоет ввысь, зовя за собой, для долгого и счастливого полета.

С улицы послышались шаги и стуки. Николай Яковлевич обивал ботинки от снега. Заскрипела дверь. Профессор вошел в комнату.

– Правильно делаете, барышня. Сухие ноги – залог здоровья, – одобрил он процесс прогрева ног. – А Марк Анатольевич, оказывается, видел, как мы из машины выходили. Он тут скучает в одиночестве, обрадовался встрече, так я его на чай пригласил. Неудобно как-то отказывать. Надеюсь, не возражаете?

– Какие могут быть возражения? – генерал посмотрел на часы. Пятнадцать двадцать три.

– А я еще и машину загнал, чтобы на улице не стояла. Не привлекала внимание, – сообщил Николай Яковлевич.

За окном начало преждевременно смеркаться. С точки зрения восходов и заходов небесных светил все шло своим астрономическим чередом. А по-человечески, зимний декабрьский день воспринимается всегда неожиданно коротким.

Вскоре явился Марк Анатольевич, полноватый, выше среднего мужчина, лет пятидесяти пяти. Энергичный и словоохотливый. Седина присыпала короткий стриженный волос, но кое-где еще пробивалась курчавая рыжина. Полные губы, глаза чуть навывкате и в целом физиономический фенотип свидетельствовал о семитском происхождении психиатра.

Николай Яковлевич представил гостей друг другу. Перезнакомились. Марк Анатольевич галантно и естественно поцеловал руку «прекрасной дамы», рассыпавшись куртуазными комплиментами. На чай он пришел с высокой красновато-золотистой коробкой.

– Рекомендую! – доктор выставил на столик прямоугольную, с закругленными гранями, бутылку виски «Johnnie Walker Red Label». – Как вы относитесь к виски, Александр Васильевич?

– Нормально. Но больше предпочитаю водку, если откровенно.

– Вот! Типичная наша ошибка – сравнивать водку и виски.

– Нет, ...я и виски могу без проблем, – объяснительно произнес генерал.

– Я закуску пока нарежу, – поднялась Вероника, направившись на кухню.

– Нет! Нет! Нет! Никакой закуски. Только стаканы. Большие. Желательно с толстым дном.

– Вероника, там есть такие. В подвесном шкафчике наверху посмотрите, сделайте одолжение, – подсказал Николай Яковлевич.

– И лед, желательно лед, – добавил Марк Анатольевич.

– Это – в морозилке внизу.

– Водка и виски совершенно разные напитки, и употреблять их должно по разному. А у нас виски употребляется именно как водка, потому и не ощущаем мы его прелесть.

– И чем именно они так различны? Степенью очистки, градусами? Мне виски всегда напоминает вкус деревенского самогона, – Александр Васильевич взял бутылку, покрутил в руках. Цокнул ногтем по стеклу. – Хотя, упаковано все красиво, ничего не скажешь. Брэнд.

– Вы правы, в виски содержится больше сивушного масла и различных эфиров, потому и вкус у него специфический. Это напиток самостоятельный, не нуждающийся в какой-либо закуске. Водочка же наша любимая, чистая как слеза, и свой характерный, яркий вкус у нее отсутствует, потому и употребляется она с разными блюдами, в крайнем случае – с «закусью», какая есть под рукой. Поэтому мы сейчас плеснем в стаканы шотландского напитка, спасибо, волшебница наша, – Марк Анатольевич принял из рук Вероники поднос со стаканами и полиэтиленовой

решеткой с кубиками льда. Поставил на стол. Скрутил ловким движением пробку, наполнил стаканы не более чем на четверть алкоголем. – Вам со льдом, прекрасная Аврора?

– Да. И, пожалуйста, льда побольше.

– Пожалуйста.

– Спасибо, – Вероника покрутила в стакане, цокающие о стекло, кубики льда. Пригубила. – Нормально. Мне нравится. Можно еще льда?

– Вот. Наслаждайтесь вкусом и ароматом, а главное – доброй компанией с хорошими людьми. Хорошие люди, хоть их, считается, много, а с каждым годом встречаются все реже и реже.

– И куда ж они деваются? – Вероника с живым интересом посмотрела на Марка Анатольевича.

– Вымирают как вид. Не могут приспособиться к современной жизни. Не выдерживают естественный или противоестественный, если хотите, отбор.

– Почему вы так в этом уверены? – продолжила диалог с психиатром Вероника.

– Я «это» каждый день собственными глазами наблюдаю. Как доктор. К сожалению. Но не будем о грустном, друзья!

Пребывая в сомнении насчет дороги домой, профессор все же поддался искушению теплого очага, симпатичной компании, расслабляющей обстановки, хорошего настроения и тоже приобщился к рафинированному возлиянию.

Глава 29

За окнами быстро разлилась декабрьская чернота, но ни она, ни быстро бегущее время, казалось, не волновали теплую компанию, сгрудившуюся у каминного очага. С одной стороны расположились хозяин дачи и доктор-психиатр, с другой – генерал и девушка. Беседа естественно крутилась вокруг текущих политических событий, и даже если вдруг давала какой-нибудь зигзаг, то непременно вскорости возвращалась на проторенную дорожку.

Марк Анатольевич взял неделю отгулов на работе, а после Нового года – выходные, Рождество, еще несколько дней набегает. Супруга должна присоединиться к нему завтра. Так что, здесь он ведет исключительно здоровый образ жизни. Дышит фитонцидами и хвойными ароматами, совершает обязательные лыжные прогулки, пилит и колет дрова для печки, расчищает от снега дорожки и, конечно же, пялится это проклятое телевидение по «тарелке». А куда от него деться?! Пробовал не смотреть, только нервы еще сильнее трепяются – что там все-таки происходит?

Вероника хозяйничала за журнальным столом, с удовольствием принимая комплименты зрелых и важных мужчин, периодически добавляя на стол продукты из пакетов. Цивилизованно употребленный «Johnnie Walker», как ни растягивали удовольствие, закончился, уступив место на столе коньяку.

– А мы вот с Александром Васильевичем в дороге решали вопрос, почему распался СССР? – Николай

Яковлевич держал в одной руке коньячную рюмку, в другой – вилку с наколотым ломтиком сыра.

– И что решили-постановили? – Марк Анатольевич, как эстет, за неимением широкого специального бокала, желательно сужающегося вверху, потягивал коньяк из стакана, держа его доньшком на ладони, нагревая и периодически проверяя чувствительным носом аромат напитка.

– К окончательному выводу, кажется, так и не пришли. Констатировали сам факт, – Александр Васильевич сделал глоток коньяка. Почувствовал неожиданно сильный голод. Положил пластинку ветчины на черный бородинский хлеб, сверху сыр. С удовольствием откусил.

– Если посмотреть в исторической перспективе, – Николай Яковлевич поставил на стол рюмку. – Восточное христианство, а именно, Византия, Киевская Русь, Московия, Российская империя и СССР всегда были для «западной цивилизации» враждебными образованиями. Сбравшись в Четвертый Крестовый поход, освобождать Святую землю от мусульманского владычества и вызволять гроб Господень, крестоносцы Франции, Германии и Италии по историческому недоразумению захватили, разграбили и разрушили столицу единоверной христианской Византии – Константинополь. А никакого недоразумения не было. Католики уже тогда считали православных греков схизматиками и еретиками, от которых даже Бога тошнит.

– Что это означает – схизматики? – прервала монолог профессора Вероника.

– Раскольники, чтоб не вдаваться в детализацию, – кратко пояснил Николай Яковлевич. – И крестоносцы Константинополь в тысяча двести четвертом году разрушили и разграбили. Во все времена агрессия шла с запада на восток, на Русь. Тевтонский орден, поляки, Наполеон, Антанта, немцы неоднократно.

А после семнадцатого года к цивилизационной чужеродности добавилось еще и противостояние общественно-экономических систем.

– Геополитическая конкуренция, как сейчас принято говорить, – уточнил генерал.

– Конечно, система власти в СССР сложилась извращенная, – продолжил профессор. – Во многом противоположная задекларированным коммунистическим лозунгам, но сам факт ее довольно успешного существования явился для многих стран примером, а для «западного мира», «западной цивилизации», вызовом.

– Да уж, не будь советского социалистического пугала, может, и не было бы сейчас на Западе столько реального, а не лозунгового, как у нас, социализма, – подключился к беседе Марк Анатольевич. – Насколько я понимаю, разрушение Союза было целью «холодной» войны, и мы имели сомнительное удовольствие наблюдать этот судорожный эпикриз. Агонию системы. И даже принять в ней участие.

– Если оценить шестидесятые и до конца восьмидесятых, то при всех своих недостатках СССР и связанная с ним социалистическая система...

– Соцлагерь? – ввернула вопрос профессору Вероника.

– Соцлагерь, барышня, соцлагерь, ...являлись моделью иного мирового устройства, в определенной степени альтернативой современной глобализации. Значительные ресурсы высвобождались из-под капиталистического диктата. А кому это понравится? И если бы эта альтернатива окрепла и развилась, капиталистическая метрополия потеряла бы основной источник своего благополучия и богатства – возможность высасывать ресурсы более чем из половины человечества.

– Николай Яковлевич, вы знаете, как я вас уважаю, но, голубчик, мне ваши рассуждения сейчас

очень напоминают лекцию по политэкономии в высшей партийной школе советских времен. Помните, еще Жванецкий говорил, «уже видим и свет в конце туннеля, но туннель этот, сука, никак не кончается». Приношу извинения, милейшая Вероника, но, как говорится, из песни слов не выкинешь, – Марк Анатольевич сделал глоток коньяка, посмаковал его две три секунды во рту и продолжил. – Мы же все, и вы, и я, и Александр Васильевич, и родители наши, всю жизнь только и слышали про «светлое будущее», когда оно там еще наступит? Про классовых врагов, враждебное капиталистическое окружение, угнетенных на Западе трудящихся. Отгородились от мира «железным занавесом», застыли, закоснели в своем развитии. Система людей, страну сковала, как мороз реки льдом. А мир не стоял на месте – развивался. Пока информация о жизни извне сдерживалась, система еще кое-как, но держалась. А хлынул поток, люди глаза открыли, а король-то наш коммунистический оказался голый.

– Но с ядерной бомбой, – добавил генерал.

– Но – голый!

– Если бы страна естественным путем развивалась, если бы не было семнадцатого года, октября семнадцатого – уточняю, гражданской войны, коллективизации, репрессий и всех ГУЛАГов, Отечественной войны, какая была бы сейчас страна?! Можно только помечтать! За пятилетку страну из послевоенной разрухи подняли. Что говорить?! Были бы впереди планеты всей не только в области балета, – произнес Александр Васильевич и долил всем коньяка.

– История не имеет сослагательного наклонения. Если бы... – Николай Яковлевич подтолкнул кочергой полено в очаг. – На территории Соединенных Штатов когда последняя война случилась? Лет сто пятьдесят назад. Весь двадцатый век они только жирели на военных поставках. Не говоря уже о

Российской империи, канувшей в Лету, Советский Союз, я говорю о шестидесятых и до начала восьмидесятых, был не так плох, как мы тогда о нем думали. А сейчас и подавно многие считают, что наше «светлое будущее» было совсем недавним прошлым.

У Николая Яковлевича зазвонил мобильный телефон. Он взглянул на экран, хлопнул себя по лбу и огорченно покачал головой.

– Да, Гелечка!

– ...

– Я на даче...

– ...

– Нашей, конечно.

– ...

– Так получилось...

– ...

– Я потом тебе все объясню, Ге...

– ...

– Я как раз собирался звонить.

– ...

– Нет, ты напрасно волнуешься...

– ...

– Ну, не кричи, пожалуйста.

– ...

– Геле...

– ...

– Нет, мы сидим тут, прекрасно общаемся...

– ...

– Марк Анатольевич зашел, тебе привет передает, Геле...

– ...

– Ну, я же прошу тебя, не кричи, выслушай меня, пожалуйста, в конце-то концов!

– ...

– Я. Сегодня. Встретился. С Александром Васильевичем, – Николай Яковлевич объяснял жене ситуацию медленно, словно диктовал студентам условие

задачи. Перехватив взгляд генерала, понимающе показал рукой, мол, он в курсе дела, о девушке ни-ни.

— ...

— Ну, с Сашей, Шевчуком. Вот. Ему как раз в наши края надо было, а машина у него поломалась...

— ...

— Откуда я знаю? Значит, заняты все. Геля, я не пойму, это что, какая-то большая проблема?

— ...

— А поскольку были здесь рядом, заглянули на дачу. Марка Анатольевича тут встретили. Сейчас у камина сидим, обмениваемся мнениями. Доктор нас учит правильно виски пить...

— ...

— Шотландский, со льдом...

— !!! — децибелы Ангелины Михайловны разнеслись по гулкой комнате.

— Нет. Совсем немножко. Ну, какой может быть руль? Я останусь здесь на ночь, если ты не возражаешь. Утром приеду.

— ...

— Хорошо. Я целую тебя, мамочка. Все. Не волнуйся.

— ...

— Да. Я еще наберу. Обязательно. Целую. Все.

Николай Яковлевич выключил телефон. Облегченно выдохнул — пронесло. Хотя завтра любимая мамочка ему устроит разнос, но главная грозовая туча уже прошла. Супруга у него хоть и вспылчивая, но отходчивая, не склонная к длительным семейным пререканиям.

Восемнадцать тридцать семь, отметил про себя Александр Васильевич. Сколько времени в запасе есть у них с Вероникой? Час, два, три? Судя по всему, пока то да се — несколько часов у них в запасе имеется. Но лучше не рисковать, исчезнуть не позже двадцати одного. А может, он паникует? Ну, кому нужен какой-то

профессор, кому интересны его разговоры? Как вычленишь их в мириадах мобильных и прочих звонков? В принципе, несложно. Составить список знакомых и друзей генерала. И проверять одного за другим или всех сразу в зависимости от числа задействованных людей – прослушать все звонки с сегодняшнего утра. Если кому-то это интересно. Наверно, интересно. Определить координаты тоже не представляет особой сложности. Утренний звонок профессору, очевидно, не засекли, судя по тому, что они еще сидят и разговаривают.

Опять напрягает извечный вопрос «что делать?», правда, в конкретном, а не философском плане. Ехать сейчас назад с профессором – что-то необходимо ему объяснять. А не хочется. Можно ничего не объяснять, но такой вариант генералу не нравился. Идти ночью голосовать на дорогу – сомнительное действие. Пригородные электрички, чем ближе к полуночи, тем реже ходят. Все-таки вероятность выловить в словесном океане две профессорские фразы минимальна. Можно расслабиться и отдыхать. А утром... Нет. Вероятность мизерна, но она есть. Не будем считать противника глупее себя, тем более, никаких оснований к этому нет. Скорее, наоборот. Так что, остановим выбор на варианте с электричкой.

Глава 30

Я категорически не согласен насчет нашего якобы бывшего «светлого будущего»! – громко и эмоционально произнес психиатр. – Это все иллюзии и комплексы неполноценности. Зачем нам что-то надумывать и идеализировать задним числом, когда жизнь сама дает совершенно определенный ответ. Финляндия – была российским отсталым захолустьем. Чухонией. Повезло – не взяли ее в СССР. И где она сейчас? Очень далеко! Восточная Германия и Западная. Северная Корея, тоже, кстати, с бомбой, и Южная. Китай – Гонконг, то же самое. О чем тут спорить?! Я вот личный пример приведу. Моя Соня, это старшая дочка, со своим вторым оболтусом разошлась и вышла замуж за норвежца. Хенрик его зовут. Занимается разведением лососей или форели. Или того и другого. У них там рыбная ферма. Я в прошлом году летал, неделю гостил. И внука Владика, это у нее от первого брака сын, к нам на лето забрал. Соня тогда беременная была.

– Родила? – поинтересовалась Вероника.

– Да. Девочку.

– Как назвали?

– Анна-Дагмар.

– И как ей там живется в Норвегии? – Вероника налила себе кофе. – Дочери вашей.

– Ну-у! Все прекрасно, без вопросов. Но как по мне, так скучновато они живут. Монотонно. Работа, работа, работа, уикенд, бар, пиво, боулинг, работа. Но о чем я говорю? Сидим вечером, часов шесть, не больше,

с Хенриком возле «ящика», пьем пиво. Он кнопки на пульте переключает – футбол ищет. Владик где-то с мальчишками на байке, это – велосипеде, гоняет. Соня пошла прогуляться на «двадцать минут» в сторону леса. У них там к лесу асфальтовая дорожка проложена. На улице светло, в июне там вообще почти не темнеет. Весь населенный пункт – одна улица по-над фьордом. Проходит двадцать минут – дочери нет, тридцать минут – нет. Хенрик набирает «службу спасения», как «911» в Штатах. Спустя десять минут они ему звонят – докладывают. С вашей женой все окау. Ожидайте.

Вскоре приходит дочка, возмущается, что за глупости?! За ней вертолет прилетел. Облетели местность, нашли прогуливающуюся женщину, приземлились. Спросили все ли окау и all right? Сообщили, что муж волнуется из-за ее задержки. Рекомендовали идти домой. Предложили подвезти на вертолете. Метров пятьсот. И все это максимально доброжелательно. Вот это я понимаю – забота о человеке! Вот – светлое настоящее. Коммунизм в действии.

– А что, он разве не мог ей на мобильник позвонить? – озвучила общий вопрос Вероника. – Или она не взяла с собой?

– Конечно, мог. И телефон был при ней. Но для подобных случаев у них есть соответствующая служба, и он, как исправный ответственный налогоплательщик, имеет полное право. Вот и позвонил, кому положено. И никто ему про недостаток горючего не рассказывал, про человеко-часы, полето-вылеты. ...Зато у нас самый лучший в мире автомат. За что ни возьмемся, что ни делаем, а все равно автомат Калашникова получается.

– Ну, почему только автомат? Много чего получалось. Потому и поставлена была цель разрушения Союза, – вернул разговор в прежнее русло Николай Яковлевич. – Были задействованы огромные

финансовые и интеллектуальные средства на изучение советского общества и государства, определение слабых точек для нанесения решающих ударов. Титаническая работа велась десятки лет. А то у нас, знаете, культивируется примитивное отношение к этому сложнейшему вопросу.

– Вы имеете в виду Гарвардский и Хьюстонский проекты? – спросил генерал.

– И их – тоже. Поражение СССР в финальной кампании «холодной войны», Югославия, Ирак, Грузия, события, которые у нас в Украине сейчас происходят – это все части единого плана мирового переустройства.

– Вы тоже так считаете, Александр Васильевич? – Марк Анатольевич был явно не согласен с профессором, но и не особо надеялся найти в генерале единомышленника. Для генерала многолетний профессиональный поиск врагов не мог не пройти бесследно, не отложить отпечаток на мышление и восприятие действительности, полагал, умудренный специфическим человеческим опытом, психиатр.

– В общем – да. И будучи по роду работы связан с государственной безопасностью, скажу, что мы эту безопасность как раз и не обеспечили. Проиграли интеллектуально, технологически, причем, вчистую. Разведка проиграла, контрразведка. Все. А сейчас так просто белый флаг выбросили. Служба... ну да ладно, что об этом уже говорить? Жалко и обидно, ...что люди кричат оранжевое «ура» и радуются чужой победе над своим государством, можно сказать, удачной спецоперации чужих спецслужб на своей территории, будущим марионеткам...

– Нисколько не согласен! Эти люди приветствуют уничтожение государства насилия и подавления гражданских свобод. Мечтают и надеются на возникновение нового, поистине демократического государства, союзника западных демократий! Вот так я понимаю и они! – возразил доктор.

– Как раз именно так большевики называли царскую Россию – «государством насилия и подавления гражданских свобод», – процитировал по памяти Александр Васильевич.

– Именно так и было! Разве в России когда-нибудь была демократия?! – все больше заводился Марк Анатольевич.

– Смотря с какими критериями к этому вопросу подходить. Вот, например, Сталин, кажется, шесть побегов с царской каторги совершил. Некто Ульянов-Ленин в ссылку в Шушенское с женой, роялем и ружьишком для охоты отправлялся. Зато самого «Николая-кровавого» с женой и детьми в подвале без суда и следствия революционеры за милую душу расстреляли.

– И к чему вы мне все это говорите, Александр Васильевич?

– К вашему вопросу о демократии и о революциях, которые, как показывает печальный опыт, не приводят к улучшениям. А у нас просто проводится технологичная спецоперация по мирному захвату власти в результате непризнания результатов выборов.

– Вам, получается, больше фальсификации нравятся, как на Донбассе, да?

– Нет. Фальсификации мне не нравятся ни на Донбассе, ни на Западной Украине. И спецоперации под названием «наместник» мне не нравятся, как в прошлом году в Грузии, а до того – в Сербии, а до того – в Никарагуа, Латинской Америке и еще много где. А сейчас вот – у нас.

– То, что вы говорите, Александр Васильевич, напоминает мне «совковую» дымовую завесу из разных пугающих слов, лишь бы не допустить перемен, лишь бы эта коммуно-олигархическая клика так и продолжала беспардонно хозяйничать в курятнике. Все в ход идет – спецоперации, мировая закулиса...

– Вот, кстати, Марк Анатольевич, в свое время меня, как экономиста, очень удивили шахтерские забастовки, помните, были такие в девяностом и девяносто первом годах? Они серьезно повлияли на изменение общественного сознания. Для страны, для людей, это было необъяснимое, абсурдное явление. Шахтеры, самые высокооплачиваемые рабочие, требовали отмены советской системы хозяйствования на шахтах, прекрасно зная, что на Западе, в той же Великобритании, шахты были убыточными и нещадно закрывались «железной леди». Именно это с нашими многими шахтами впоследствии и произошло. Мертвые города в Донбассе и других местах стоят, – развел руками Николай Яковлевич. – Шахты закрылись. Работы нет. А почему шахтеры поддались влиянию определенных политических сил, причем, не местных, а московских?

– И почему? – Марк Анатольевич жестом показал Веронике, что ему сахар в чай класть не нужно. – Зарплату надо людям достойную платить, а не жалкие крохи, и – вовремя. Тогда и бастовать никто не будет, и поддаваться тлетворному влиянию.

– Да, сложности с выплатами были, но главное не только и не столько это. В восьмидесятых, в течение нескольких лет, в Соединенных Штатах Америки проводились доскональные исследования психологии русских и советских шахтеров, начиная аж с тысяча девятьсот четвертого года и до наших дней. Были определены основные психотипы, модели поведения, способы воздействия. А в определенный момент эти знания были эффективно использованы. Это же, как раз ваша область, Марк Анатольевич!

– Моя область – патология, а не норма. Хотя, зачастую, одно от другого очень мало отличается. И вы меня, дорогие мои, совершенно не убедили всей этой совдеповской заскорузлой шпиономанией!

– А вы знаете, что для определения военных расходов Союза, в ЦРУ создали подобие советского Госплана и моделировали нашу экономику? Вычислили, что военные расходы у нас нещадно завьшались, и Горбачев называл совершенно бессовестные цифры, а Соединенные Штаты их повторяли, клепаая «империю зла»... – профессор пошерудил кочергой в камине, подвинув непрогоревшие полешки в эпицентр очага.

– Принести еще?

– Пока не надо, Саша.

– Ну, хорошо, изучали они дореволюционных и всех прочих наших шахтеров, чтобы когда-нибудь потом забастовки устроить, моделировали нашу экономику. Что там они моделировали, я, правда, не особо понимаю? – продолжал не соглашаться Марк Анатольевич. – Наш Госплан сам ничего не понимал, если в гастрономах одни консервы да ведра металлические продавались. Народ на электричках в Москву за вареной колбасой и туалетной бумагой ездил благодаря нашему в высшей степени засекреченному Госплану. А людей, которые жить так больше не хотели, они что, тоже моделировали? Помните, даже фильм у Говорухина был «Так жить нельзя!»?

– С людьми очень обстоятельно работали, начиная с послевоенного времени. Анкетировали всех, оставшихся на Западе. Картотеки создавали. Классифицировали, – произнес Александр Васильевич, насыпал в чашку растворимого кофе, добавил кипятка. – Где-то с середины пятидесятых, с хрущевской оттепели у американцев это был очень объемный проект, охватывающий преимущественно два направления. Работа с интеллигенцией и элитой, культурной и научной, по созданию моральных и духовных авторитетов, культивированию диссидентства.

– В каждом обществе, даже самом идеальном, имеется какое-то количество диссидентов – идейных, недовольных жизнью, или обиженных властью.

А уж насчет обиженных и недовольных, тут Советская власть на славу постаралась! – ехидно вставил доктор.

– Перестаралась, – мрачно внес поправку профессор.

– Так вот, создавали этим людям ореолы...

– Зачем создавать? – перебил генерала Марк Анатольевич. – У них и так ореолы мучеников были. Люди через лагеря прошли, кто выжил и вернулся.

– Кто-то прошел, кто-то нет. Я ведь не пытаюсь тогдашнюю репрессивную систему оправдывать. Я о направлениях работы в отношении Союза говорю, если вам это интересно. Различными методами способствовали раздуванию авторитета ведомых ими людей, их карьерному продвижению. Второе направление – работа с правящей элитой. Формирование управляемой влиятельной команды в высшем эшелоне власти для проведения перестройки.

– Генерал, вы перегибаете палку! – возмутился доктор. – Это же, ни в какие ворота! Просто смешно! Перестройку ЦК КПСС под руководством генсека Горбачева Михаила Сергеевича, по-моему, начал, а не вашингтонский обком?!

– А с этим никто и не спорит. Но перестройку можно проводить по-разному. Можно, как в Китае идти естественным путем. Продуманно и результативно. Можно как у нас – по чужим рецептам и лекалам. Разрушительно и бездарно. Экономике, страну, людей – всё просрать! Зато получить огромное признание на Западе, аплодисменты, премии и гонорары.

– Послушать вас, прямо какая-то теория заговора получается! Конспирология!

– Правильно, так и есть, – согласился с Марком Анатольевичем генерал. – Плюс информационная война. А в информационной войне не обязательно изменять фундаментальные ценности населения. Процесс это слишком долгий. Достаточно завербовать

сотню-две интеллектуалов, популярных артистов и прочих кумиров. Создать им образ «духовных, моральных лидеров», «совести нации», одарить престижными международными премиями. Корруптировать десяток-другой высокопоставленных политиков. Запустить в средствах массовой информации механизм манипуляции сознанием интеллигенции. А затем провести яркий политический спектакль и свергнуть государственную власть. Народ будет активно вовлечен в этот спектакль и просто не успеет понять, что на самом деле происходит в стране. Это вам ничего не напоминает сегодня?

– Да, нарисовали вы картинку таки до боли знакомую, – психиатр с сожалением посмотрел на пустую бутылку со звездочками на этикетке.

– В холодильнике водка есть. Принести? – перехватила взгляд доктора Вероника.

– Вы наша спасительница, прекрасная Диана!

– Не преувеличивайте, – усмехнулась Ника и пошла на кухню, прихватив по пути пустую бутылку.

– И кстати, доктор, знаете, кому позвонил Ельцин на следующий день после объявления в Беловежской пуще о кончине СССР? – проводив взглядом Веронику, повернулся к Марку Анатольевичу генерал.

– Горничной? И попросил еще водки? Или вы меня сейчас сразите каким-то невероятным фактом?

– Он позвонил Джорджу Бушу-старшему и доложил – «господин президент, Советского Союза больше не существует».

– Так прямо и доложил? – иронично усомнился доктор. – Задание партии и правительства США выполнено?

– Да. Так и доложил. Может, не дословно, но смысл именно такой. Потом уже, наверно, и за водкой послал.

– «Мы целились в коммунизм, а стреляли в Россию», – процитировал Николай Яковлевич.

– Это кто сказал?

– Не помню, Марк Анатольевич. Кто-то из видных диссидентов в конце своей, в общем-то, удавшейся карьеры разрушителя.

– Не знаю, не знаю... – задумался доктор. – Вроде и убедительно вы оба тут говорите, факты выкладываете, но как-то все это очень уж нафталином и газетой «Правда» пахнет в эпоху глобализации. Какой-то политический спиритизм, вызывание духов, все эти страшилки про ужасный Запад. Враг не дремлет! Социалистическое отечество в опасности! Хоть убейте меня, а я не хочу назад в СССР. Не хочу! Все это мы уже проходили!

– Вот именно, дорогой Марк Анатольевич, проходили, а никаких выводов не сделали. И ни в какой СССР назад вас никто не зовет! – оживился профессор. – Вот вы говорите глобализация, а что это такое? Что вы подразумеваете под этим термином?

– Я, как обыватель, подразумеваю, очевидно, мировое разделение труда, какие-то общие стандарты... Я не специалист, так что, продолжайте вы, профессор, растолкуйте, а я пока водочки налью. Ах, что бы мы делали здесь без вас, прекраснейшая из роз? Анемон! Эх... – умиленно вздохнул психиатр, принимая из рук Вероники бутылку.

– Глобализация – это новый мировой порядок. Абсолютно безжалостный и, видимо, неотвратимый. Вам, Марк Анатольевич, приходилось держать в руках однодолларовую купюру? – отвлек внимание психиатра от девушки Николай Яковлевич.

– Естественно. А какое это имеет отношение к обсуждаемой теме?

– Самое непосредственное.

– Интересно, каким образом?

– Сейчас объясню.

– Пожалуйста, профессор, мы слушаем вас очень внимательно! – доктор понимающе и иронично подмигнул Веронике, мол, давайте, послушаем, молодая, красивая и современная, чем нас еще напугают. Нас пугают – а нам не страшно!

– На купюре этой изображены и написаны очень интересные вещи...

– «*ne ollar. The United States of America*» – что в том интересного? – перебил Николай Яковлевича эмоциональный психиатр.

– Там еще есть «*In God We Trust*» – «Мы верим в Бога», – дополнила Марка Анатольевича Вероника.

– Это понятно. Так вот, начнем с того, что гравюру однодолларовой купюры, причем дизайн ее за все годы ни разу не изменялся, выполнил, скрывшись под псевдонимом Сергея Макроновского, великий русский художник и религиозный философ Николай Константинович Рерих.

– Ух, ты! Как здорово! – оживилась Вероника.

– Но! – профессор поднял вверх указательный палец и сделал многозначительную паузу. – Рерих был не только художник и мыслитель, но и – масон. Как и Генри Уоллес, вице-президент США, по инициативе которого этот образец однодолларовой купюры был введен в обращение в конце тридцатых годов.

– При Франклине Рузвельте? – уточнил Александр Васильевич.

– Да. При нем. На банкноте имеется масса различных масонских символов...

– Опять же, дорогой Николай Яковлевич, какое отношение имеет это все к глобализации?

– А я объясняю, Марк Анатольевич, вы только, пожалуйста, не перебивайте.

– Прошу прощения. Продолжайте.

– В левой части мы видим египетскую пирамиду...

– Такую странную, с глазом?

– Да, девушка, правильно, но – не странную, а особенную. Поясню, почему. Пирамида – древний масонский символ. Недостроенная пирамида символизирует несовершенство человечества. А главенствующая вершина, глаз, принадлежит Великому Архитектору Вселенной. Надпись «The Great Seal» – «великая печать» символизирует принадлежность богатств, товаров, услуг, энергии труда и работы владельцам печати. Иными словами, это формула порабощения пирамиды человечества владельцами печати. Надпись «Annuis Coeptis Novus ordo Seclorum» приблизительно означает «Предвещающий пришествие нового мирового порядка». Новый порядок во всемирной империи под властью доллара. Каждый кирпич пирамиды означает не только отдельный народ, но все вместе кирпичи в пирамиде символизируют единство всех денег в мире, упорядоченных в иерархии, которую определяет верх пирамиды – светящийся масонский треугольник с оком Великого Архитектора Вселенной. Выровненная пирамида – символ мирового порядка, установленного «вольными каменщиками». Она выражает масонскую мечту о том, что именно им предопределена роль будущей элиты, правящего клана, которому будет передано все могущество и все ценности прочих народов. Римские цифры M CCLXXVI – у подножья пирамиды – год принятия Декларации о независимости США – тысяча семьсот семьдесят шестой. Справа над орлом парит гексаграмма, составленная из тринадцати масонских пятиконечных звезд. А если композицию великой печати с пирамидой вписать в шестиконечную звезду, лучи звезды, все, кроме верхнего, совпадающего с оком Великого Архитектора, указывают на буквы A, S, M, N по часовой стрелке.

– И что означает этот «асмон»? – задумчиво спросила Вероника.

– Переставив буквы, получим MAS N и ответ на вопрос, кто хозяин великой печати, богатств и народов. Вернее, будет хозяином, если план строительства нового мирового порядка – *Novus rdo Seclorum* осуществится. А нам с вами остается лишь надеяться на то, что пирамида пока не завершена, и новый порядок не наступил.

– А почему – «надеяться»? Для нас это – плохо? – Вероника постаралась расположиться удобнее на кушетке.

– Хорошо будет только тем, кто наверху пирамиды. Мы же – внизу. Хозяевами мира, так называемым мировым правительством, уже определены победители – «золотой миллиард» или «империя золотого миллиарда», ради высоких стандартов жизни которой будут высасываться ресурсы планеты. Назначены и побежденные – «мировые туземцы», все остальные, в том числе и мы, которые окажутся в загоне цивилизации без шансов на достойную жизнь. Разыгрывается большая игра, ставки в которой – суверенные государства и природные ресурсы. В процессе глобализации стираются различия в происхождении денег, следовательно, и разница между нормальной и преступной экономиками. Что мы видим, если оглянуться вокруг? Происходит легитимизация и катастрофическое распространение наркобизнеса. Порнография в каждом газетном киоске. Разве мы слышали раньше о торговле человеческими органами или людьми?

– Вы так пафосно все описываете, Николай Яковлевич, привлекая и символы, и масонство. Фашисты использовали свастику – восточный знак плодородия и жизненной, половой силы. А ваша любимая Советская власть предпочитала пентаграммы – пятиконечные звезды – перевернутые «козьи головы», символы черта, дьявола или кого там еще. Ну и что? Разве символы объясняют нашу жизнь? А объяснение даже на

мой дилетантский взгляд лежит на поверхности, и не надо привлекать какие-то мифические силы мировой закулисы, – Марк Анатольевич хотел выпить, но отложил, поставил рюмку на стол, поднялся с кушетки, упершись руками в спинку. – Технологии! Все связано с технологиями. Пока не была освоена технология пересадки органов, не было и соответствующего бизнеса. То же и – наркотики. И тысячу лет назад курили кальян, гашиш, коноплю, индейцы в джунглях жевали листья коки. Спрос на наркотики у людей был всегда. Просто теперь технологии позволяют извлекать героин, кокаин тоннами и предлагать их потребителю. И распространившаяся порнография – следствие развития полиграфии и прошедшей в мире, начиная с пятидесятых годов, сексуальной революции. Об Интернете уж вообще молчу.

– То есть моральную составляющую вы, доктор, изначально отбрасываете? – Николай Яковлевич внимательно посмотрел на собеседника.

– Я не отбрасываю. Если у некоего индивидуума есть потребность смотреть порнографию, ради Бога, пусть смотрит, пусть онанирует, пардон! если ему нравится, разряжается, иначе подавленная энергия найдет патологический выход. Смотрели бы сексуальные маньяки порнографические кассеты по ночам, возможно, насиловать и резать никого бы не выползали.

– Вопрос спорный, и я не хочу в него углубляться, – произнес профессор. – А то, что глобализация приводит к взрывному выбросу антигуманной морали и философии, очевидно. Словно все темные, низменные силы, что прятались глубоко в человеке и обществе вдруг проявились и вылезли из мрака на белый свет. Это – революция тьмы и регресса. Революция духовных отщепенцев, современных гуннов, вооруженных самими передовыми технологиями. И врагом ее является любое государство, не входящее в «империю золотого миллиарда»!

В комнате на какое-то время повисла тишина, скрашиваемая потрескиванием дровец в камине. Марк Анатольевич прошелся в размышлениях, гулко отбивая шагами по деревянному полу.

– Не могу сказать, что я с вами полностью не согласен, – заговорил доктор. – Определенный резон в том, что вы говорите, профессор, есть. Но как-то слишком у вас всё заданно и четко поделено. Всё в чернотельных тонах, а мир ведь на самом деле разноцветный. И насчет государств, что они там враги чьи-то... это всё, на мой взгляд, эмоции.

– Эмоции?! Хорошо! Будем говорить без эмоций, – Николай Яковлевич тоже поднялся и зашагал по комнате. – Просто факты. Мировыми спекулянтами, такими, как Сорос и иже с ним, разработан особый тип финансовых войн – организованные атаки на национальные валюты. Скорее даже – системные операции против национальных экономик, в результате которых обираются миллионы людей, из стран вывозятся десятки, сотни миллиардов долларов без риска попасть под статьи уголовных кодексов. В девяносто четвертом году был спровоцирован кризис в Мексике, в девяносто седьмом – в Азии, в девяносто восьмом – дефолт в России, ударивший по всему постсоветскому пространству, ударивший первым – Аргентина. Везде наносились тяжелейшие удары по населению, и в тот же час кучка проходимцев делала миллиардные состояния, после чего присоединялась к новой глобальной элите. В России после дефолта появилось больше тридцати миллиардеров. В Мексике – кажется, двадцать или чуть более. А что произошло с населением?! Вот вам факты. И это только одна сторона. Один из многих фронтов.

– А какие еще имеются стороны или фронты, как вы их называете? – Марк Анатольевич вернулся за стол, хлопнул рюмку водки.

– Разные. Мы их на своей шкуре почувствовали... – профессор замолчал, отрешенно глядя себе под ноги.

– Информационно-психологическая война... – принял словесную эстафету Александр Васильевич.

– Так она же всегда, все годы против СССР велась?! – перебил генерала доктор. – Не успевали отбиваться. Вражки «голоса» глушили. Даже в радиоприемниках, «Спидолах» и «ВЭФах», наиболее проходимые «короткие волны» не были предусмотрены. «Фарцов» с джинсами да дисками ловили, чтобы не разлагали «вещизмом» народ.

– Это извне она всегда велась, а изнутри началась по-настоящему с приходом Горбачева, причем, со всей мощью идеологической машины КПСС.

– Странно... под руководством КПСС! – психиатр эмоционально обхватил голову. – Я ничего не понимаю! Извините, но это бред какой-то! Вероника, вы понимаете или...

Марк Анатольевич осекся и сбавил тон. Девушка свернулась калачиком и сладко спала, приютив голову на генеральском бедре.

– Ничего странного, уважаемый доктор. Давайте просто вспомним, как это было. У «перестройки» имелась конкретная идеологическая программа, которая и была успешно не для нас реализована. Через телевидение, журналы, газеты хлынул направленный информационный поток, дискредитировавший символы, ценности, основы советского государства, скреплявшие общество, народ воедино. Всё было оплевано, опорочено. Легитимность такого государства, как СССР, в сознании граждан была если не подорвана, то уж точно поставлена под сомнение. Народ испытал культурный, мировоззренческий шок. Массовое сознание было повергнуто в хаос. Потому народ и отреагировал с таким безразличием в девяносто первом, когда услышал об упразднении своей

страны, – Александр Васильевич поправил сползший с Вероники пиджак. – И такая же матрица реализуется у нас на Украине.

– Вы имеете в виду Майдан и «оранжевую» революцию?

– Это – обострение, кризис. А психологическая война идет уже годы. Навязывается менталитет, чуждый, как минимум, половине населения страны. Другие ценности, другая история, культура, язык. А задача поставлена та же.

– А именно? Сформулируйте суть этой задачи в двух словах.

– Если в двух словах... то – демонтаж народа. Разрушение общего культурного ядра, ценностей, традиций. Превращение его в толпу, лишенную коллективной исторической памяти и воли, вообще – здравого смысла. Задача – рассыпать народ, лишить связей, сопротивляемости, как это случилось с «советским народом», – генерал посмотрел на часы. Двадцать ноль пять. – В двух словах хорошо сказал Гитлер: «крушение очагов культуры – есть крушение нации».

– Ну, хорошо. Если предположить, только предположить, что все, о чем вы говорите, происходит, то... – Марк Анатольевич сделал паузу, стараясь точнее выразить мысль, – ...должны быть инструменты, механизмы влияния на массовое сознание, культурные, ценностные установки?

– Вам нужны инструменты? Пожалуйста! – Николай Яковлевич перехватил вопрос. – Основной инструмент мышления это – язык. Очевидно, что Украина – страна двуязычная, бикультурная. Казалось бы, естественным еще на заре нашей самостоятельности принять закон о двух государственных языках, один раз и навсегда снять эту проблему и двигаться дальше. Нет же, наши президенты, заметьте, бывшие коммунисты, – идеологи и практики, спекулируют на этом

вопросе от выборов и до выборов. А язык ведь не просто набор слов. Это – культура, историческая память, ментальный код.

– Ну, хорошо – язык. Хотя, как по мне, это просто младогосударственный перегиб и ответная реакция «старшему брату» на русификацию.

– Вообще-то, это – спорный вопрос насчет утверждений о русификации, – возразил профессор. – При Советской власти, если вы вспомните, все книжные магазины были завалены литературой на украинском языке. На русском днем с огнем не найти. Все вывески исключительно на мове...

– Я не понимаю, Николай Яковлевич, что вы так Советскую власть защищаете? У вас что, есть какие-то особые основания ее любить?

– Никаких особых оснований, как вы говорите, Марк Анатольевич, любить Советскую власть, у меня нет. Скорее, наоборот. Я вообще считаю, что сталинизм надо было осудить открыто, как фашизм на Нюрнбергском процессе. Репрессии, лагеря, коллективизации, голод...

– Так это ж все – Советская власть?! – обрадовано подхватил доктор.

– Это – тирания под прикрытием лозунгов, в том числе и о власти Советов. А Советская власть – это еще и квартплата три рубля в месяц, и многое другое. Вопрос дифференциации. Просто, как ученый, я люблю объективность и, так сказать, корректность критериев. Но не будем удаляться.

– Не будем. А какие еще применялись инструменты воздействия на массовое сознание? Мне, как специалисту по этому самому сознанию интересно.

– Приватизация, например... – произнес генерал.

– Тоже инструмент, а вернее, колоссальная афера, опять же навязанная нам либеральными западными экономистами и структурами типа Международного валютного фонда, благодаря которой в один

момент огромное количество народа лишилось все-народной, поколениями созданной собственности. Люди фактически были поставлены на грань нищеты, утратили свой социальный статус, получив стресс, а скорее даже, сшибку нервной системы, – уверенно произносил наболевшие мысли профессор. – Вбили людям в головы абсурдные, совершенно идиотские требования немедленной тотальной приватизации. «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» А зачем вообще нужно было прыгать в эту пропасть, если мы не самоубийцы? Но поток информации давил, и люди грамотные, казалось бы, думающие, легко заглатывали бредовые утверждения идеологов, попадаясь на глупейшие метафоры. «Нельзя быть немножко беременной!» Это к тому, что надо чуть не до основания поломать народное хозяйство, и таким образом перейти к «рынку». Уже скоро двадцать лет, как наши же СМИ обрушивают на людей бесконечную череду на первый взгляд бессмысленных утверждений, как будто наивных и лишенных смысла, но в них заложена система технологий, направленных на разрушение рационального сознания, деградацию мышления, потерю элементарного здравого смысла.

– Кстати, Марк Анатольевич, вы, как и вся страна, имеете возможность каждый день наблюдать подобную технологию в концентрированном виде, – конкретизировал Александр Васильевич.

– А именно?

– Майдан – самая, что ни есть современная технология. Надо отдать им должное. И сколько хороших и правильных слов, а главное – обещаний. Самые сказочных, самых нелепых, а массы верят. Посмотрите, как горят у людей глаза! Верят бывшим премьерам, министрам. Верят басням о сытом и богатом Евросоюзе, что ждет, не дождетя нас, голых и босых...

– Смешно, Саша, в девяносто первом массово брошюрки печатали, мол, Украина весь огромный Союз

кормит, все у нас есть, и нефть, и газ, и золото с алмазами. Промывали мозги. И сейчас все то же самое, как под копирку, только добавили байки про Европу, – прервал генерала Николай Яковлевич.

– А цель одна – оторвать Украину подальше от России, не дать сплотиться постсоветским государствам вокруг Москвы. Промежуточная цель, – пояснил Александр Васильевич. – Окончательная-то цель – Россия, ее ресурсы. Оттого и НАТО на восток так экстренно продвигается. И нашим революционерам соответствующие задачи поставлены. Неспроста Украина так раскололась пополам.

– Но это уж работа, нисколько не революционеров, как вы их так с иронией, причем совершенно неуместной, называете, – Марк Анатольевич посерьезнел и внутренне напрягся.

– Все приложили руки. Постарались. Натравить этносы друг на друга – милое дело для разрушения страны, если вспомнить Карабах, Фергану, Приднестровье, Кавказ, – генерала начала утомлять длительная дискуссия, тем более, время поджимало.

Он не стал реагировать на эмоциональный выпад доктора. Пропустил. В споре рождается истина, но зачастую гибнут хорошие отношения. А чаще и истина не рождаются, и отношения добрые пропадают.

– Украина раскололась совсем не потому, что одна половина за «честных», а другая – за «воров», – отозвался Николай Яковлевич. – Столкнулись два менталитета. И если отбросить все политические упаковки и обнажить самую суть, мы увидим простой и ясный принцип. Свой – чужой. Ментальный разлом. Граница цивилизаций.

– Прошу прощения, друзья, но предлагаю перенести дебаты на завтра. Вероника уже спит. У меня тоже глаза слипаются. Не возражаете? – без особых расшаркиваний поставил точку в бесконечной, неисчерпаемой теме Александр Васильевич.

– Да, конечно! Буду рад. Так что, до завтра! – Марк Анатольевич с сожалением попрощался, пожал руки собеседникам и отправился к себе топить печь, смотреть телевизор и мысленно продолжать дискуссию с оппонентами, ибо он больше давал высказаться другим, приберегая аргументы, и не успел ими воспользоваться до конца.

Профессор принес белье и одеяла, дал необходимые пояснения и отправился спать на второй этаж. Генерал выждал, пока шаги наверху стихли. Заскрипела кровать. Еще несколько минут. Тишина. Гостеприимный и участливый Николай Яковлевич, очевидно, спит. Александр Васильевич тронул девушку за плечо.

– Ой, это ты... – удивилась спрросонья Вероника.

– А мне, представляешь, такая белиберда снилась...

– Нам пора, Ника!

– Что-что?

– Нам надо уходить!

Глава 31

Николаю Яковлевичу снилось, что он лежит на софе в тени под большим раскидистым деревом. Вдали слышна песня, но не из тех, что он слышал в детстве, певучая и мягкая, а другая – гортанная и звонкая, упругая, словно эхо в высоких горах. Рядом кувшин с розовым, ароматным, молодым вином. Гудит пчела или шмель. А может, это вовсе лежит и не он, а какой-то другой человек, но знакомый и близкий, а он, – маленький мальчик, смотрит на мужчину с порога большого каменного дома. Воздух чист и прозрачен. Солнечные лучи время от времени слепят глаза, расщепляясь и пробиваясь, сквозь колышущуюся под слабым ветром, листву. Мужчина смеется, что-то говорит, и маленький мальчик его понимает, хоть и не знает незнакомый язык наяву. Только во сне, который снится с незначительными вариациями много лет. Всю жизнь, раз или два в месяц или в году. Когда как. Мужчина подходит к мальчику, гладит по голове, почему-то запомнились блестящие черные сапоги. Затем идет к черной округлой машине, оборачивается, машет рукой. Николай Яковлевич узнает в нем себя, но другого, не такого, как в зеркале. Когда-то – старше, теперь – молодого. Помнит женщину, но не всю, а только мягкий живот, к которому она прижимает его. И плачет. Помнит запах хлеба от ее живота, от белого в муке пятна передника. Шум, крики во дворе, люди, черные машины. Женщина плачет, кричит. Но он ее только слышит, не видит. Сам он уже едет в машине

– мальчик, зажатый среди крупных мужчин. Он не плачет. Ему интересно в машине, только тесно. И мелькают деревья. Тут во сне наступает привычный провал. Темнота. И вдруг – дом, но другой, деревянный и длинный и много детей. Холод. И голод. Очень хочется кушать. Сводит живот. Темнота. Дети. Дом. Они едут куда-то. Дорога. Идут. Холодно. Хочется кушать. И спать. Кушать и спать. И трудно стоять, а они почему-то долго стоят. А ему тяжело. Лечь бы прямо на землю, уснуть. Но дети куда-то строем идут. И снова – провал.

Затем появляются они – папа и мама. Он, Коля, стоит среди детей, а мама и папа остановились в дверях. Смотрят, ищут взглядом его. А он смотрит на них, как они не находят, пропускают его, и беззвучно кричит «я здесь!», «я же здесь!», «заберите меня!!!». Наконец отец замечает его, подходит, берет на руки, достает из кармана конфету. Он лучше помнит отца – крупного, высокого, в серой шляпе и сером плаще. Мама тоже высокая, тоже большая. Также в шляпе. И голода – нет. Не сосет в животе. В карманах конфеты, баранки. На голове – тюбетейка. Это папа ему подарил. Они едут на поезде. Долго. Колеса стучат, папа ловко разламывает вареных, обжаренных куриц, и ему хорошо.

Николай Яковлевич был единственным ребенком в семье. Родственники у родителей были, но жили они от Киева очень далеко, в Приморском крае и где-то в Казахстане. Много-много лет назад, когда он еще учился в школе, приезжала тетка, сестра отца. А так изредка обменивались с родными редкими письмами, узнавая, что «умер дядя Миша» или «тетя Галя». Позже – без «теть» и «дядь». Соболезновали в ответ. Родители ушли неожиданно рано, в один год. Николай Яковлевич любил их, сдержанных в своих чувствах, немногословных. Был благодарен им за все. Вот только в памяти, во снах прорывалась обрывками

другая, пусть и короткая, жизнь. Являлся мужчина, уносимый из жизни на черной машине, теплый женский живот, пахнувший хлебом и очагом. Живот матери. Ее крик, надрывный и безысходный, врезавшийся в память навсегда.

Сон перемежается с воспоминаниями и реальностью. Подрастая, он с волнением рассматривал редкие семейные фотографии. Мама, папа и он – худой и черноволосый. Совсем не такой, какой должен быть. На детские расспросы отец отвечал скупое. Он, маленький Коля, находился в пионерском лагере, куда они с мамой за ним и приехали. Что он и запомнил, наверно. Правда, зачем летом надевать плащ и шляпу, и были ли вообще пионерские лагеря в первое послевоенное время, отец не сказал. Коля и не спрашивал больше. Отец показал документы, метрику, там все написано, где и когда родился – город Арсеньев. Вернее, городок возле Владивостока. Кто – мать, кто – отец. Закрыв вопрос раз и навсегда. Умирая, ничего не сказал. Как и мать. Николая Яковлевича никогда не тянуло на родину, в Приморье. Он там ни разу и не был. Сердце настойчиво влекло на Кавказ, в Грузию, где у него по жизни оказалось много друзей, где душа его пела, а горло перехватывал ком от звучного многоголосья, вида горных вершин, уходящих пиками в облака, шума извилистых быстрых речушек, прорезающих горные отроги и перевалы.

Так что вопрос Марка Анатольевича, за что профессор так любит Советскую власть, был, в общем-то, не по адресу. Профессор любил чистоту эксперимента и беспристрастность в истолковании результатов. Как ученый.

Снился сон. Дом. Порог. Листва. Много солнца. Как никогда.

Николай Яковлевич открыл глаза, возвращаясь в действительность из сладких, но мучительных грез. В лицо ему светил яркий луч фонарика.

– Что та...

– Лежать! – приказал темный силуэт, словно многотонным грузом прижав руку профессора к груди. – Спокойно, Николай Яковлевич, не волнуйтесь!

Мы – друзья.

– Кто вы?

– Друзья. Александра Васильевича.

– Друзья по ночам...

– Так надо, профессор. Время такое. Где генерал?

– А что, он вас не встретил внизу?

– Не встретил.

– Ну...

– Профессор, без «ну». В темпе – где генерал?

– Не представляю, если их нет...

– Я повторяю, где Александр Васильевич и де-вушка?

– Я постелил им на первом...

– Их там нет. Куда они пошли? – незнакомец сжал пальцы Николая Яковлевича в кулак, надавил на ногтевые фаланги.

– Я не знаю, куда... Может, пошли прогуляться? Зачем вы это делаете?!

– Куда?! – незнакомец повысил голос и надавил на пальцы сильнее.

– Я же сказал... – от боли профессора затошнило. – Прекратите... сейчас же!

– Куда они пошли? – незнакомец продолжал давить.

– Вы сломаете мне...

В коридоре раздались шаги. В комнату вошел еще один с фонариком.

– Закінчуй! Вони пішли на станцію.

– Откуда ты знаешь?

– Слїди до хвїртки йдуть.

– Может, специально сбивают?

– Та ні. Вони й далі йдуть – я подивився по снігу.

– Хорошо.

– Коли ви лягли в ліжку, професоре?

– Я на часы не смотрел...

– Коли, перепрошую?

– Я не помню. Да, что же вы?! – профессор бесполезно дернулся, пытаясь высвободить руку.

– Так вспомни!

– Я не ...ааах! ...ууу! – безымянный палец хрустнул. У Николая Яковлевича потемнело в глазах, и он потерял сознание.

– Ау! Профессор! – мучитель похлопал его по щекам.

– Да... что... – два белых луча слепили глаза, палец разрывался от боли, словно в него вставили раскаленную спицу.

– Все то же – время? Только по-честному, профессор, чтобы вы расстались с нами по-хорошему. Во здравии. Ну?!

– Сейчас... соображу...

– Коли ви пішли спати? Тільки відповідайте, будь ласка, скоріше, бо в нас немає часу й наміру тут із вами цяцькатися!

Николай Яковлевич почувствовал, как сгибается и вот-вот хрустнет в суставе средний палец.

– Около десяти...

– Когда? – ночной пришелец придавил поломанный палец.

Боль пронизала руку.

– В половине десятого... все... – профессор в изнеможении отвернулся от слепящих лучей.

– Та й годі. Досить! Пішли, мабуть, ще встигнемо перехопити по дорозі.

– Берегите себя! – незнакомец похлопал Николая Яковлевича по груди, и оба пришельца растворились в ночной темноте, как и явились, оставив профессору после себя жгучую ломящую боль, унижение, стыд и раздавленность в душе.

Серебристый джип сделал круг, выехав к железнодорожной платформе. Электричка в сторону Киева прошла пятнадцать минут назад. Время прибытия на вокзал двадцать три сорок пять. Если постараться, можно успеть перехватить на перроне. Марьян резко дал задний ход, почти не тормозя, развернулся на снежной дороге, лихим маневром вызвав восхищение двух околачивающихся в ночи на платформе подростков, и с визгом четырех ведущих колес взял старт.

Глава 32

— **А** мне нравится ездить на электричках! — Вероника обняла Александра Васильевича за руку, прижалась головой к плечу.

— Почему? — он уже много лет не ездил в электричках, и как-то не задумывался о своем отношении к данному виду общественного транспорта.

Такие же, как и много лет назад, деревянные, покрытые лаком сиденья, редкие ночные попутчики, морозный воздух, гуляющий по вагону от остановки до остановки. В час пик или в сезон тут, конечно, не протолкнуться среди корзин, баулов, рюкзаков, мешков с саженцами или лыж, громоздких рыбацких ящичков и многочисленных пассажиров, радостно покинувших город, и предвкушающих долгожданную возню на собственных грядках, незаметный кивок зимней поклевки или шуршание укатанного в лыжне снега.

— Нравится — и все. С ними всегда что-то хорошее связано. Турпоходы, дачи...

— ...грибы, лыжи — романтика, — продолжил логический ряд генерал.

— Да. Я бы с удовольствием утром на лыжах походила. Там на веранде несколько пар стоят, и ботинки к ним. Я темно-синие себе уже присмотрела. Как раз мой размер, тридцать восьмой.

— Надо хотя бы на размер больше — для теплых носков.

— Я знаю. У меня родной — тридцать седьмой.

– Что же ты не сказала про лыжи? Наверняка бы остались в таком случае.

– Ты шутишь?

– Совсем чуть-чуть, – он бережно взял ее ладошку с намерением обогреть. Женские руки зимой всегда требуют дополнительного тепла. Желательно мужского. Но ее тонкие пальцы были теплее, и делились калориями со старшими по возрасту.

– Ты знаешь, куда мы едем?

– Да.

– И куда?

– В Киев.

– Понятно, – Вероника высвободила пальцы. Какое-то время смотрела в тускло-желтое отражение вагона в темном окне. – А потом? Вообще?

– Потом будет видно.

– То есть, определенного плана у тебя нет?

– План есть. Даже несколько.

– И мы по плану должны были ночью сорваться?

– Нет. По обстоятельствам. По плану мы должны были провести там три дня. Наверно, не самых плохих. Да?

– Не знаю. Ведь мы их не провели, поэтому не можем сказать, какие они были бы. Лучшие, худшие или обычные.

– Ты права.

– А почему обстоятельства изменились? Что случилось?

– Мелочь. Почти ничего. Просто перестраховка.

– Из-за звонка? Тебя Николай Яковлевич в разговоре с женой назвал?

– Да. Из-за того, что назвал.

– Рассекретил?

– Можно сказать и так.

– Разве ты его не предупреждал?

– Предупреждал, конечно, но недостаточно, как оказалось. Он, видимо, слишком сосредоточил свое внимание на тебе, на наших с тобой отношениях.

– Ты сказал ему, что у тебя со мною роман?

– Да. Что-то типа того...

– А что у тебя со мной?

– Что ты имеешь в виду? – генерал попытался уйти от неудобного прямого вопроса. Серьезного разговора не хотелось. Отшучиваться – неуместно.

«Что у него с этой милой девочкой? Что у них может быть? И что будет дальше? Какие-то приятные, трогательные моменты? А потом – ничего, только расставанье. У нее впереди долгая счастливая жизнь. У него в перспективе ...собираение камней. Условно говоря. А сейчас...»

– У тебя со мной роман, адюльтер или просто иногда хочется трахнуть кого-нибудь?

– Ну, зачем ты так, Вероника?

– Как?

– Я тебе уже говорил... ты очень мне дорога... и, прости, что втянул тебя в это все. Я неправильно поступил. Ошибся.

– Кто-то серый и пушистый промахнулся?

– Да. Так бывает. Извини за сложности. Я стараюсь...

– Не надо.

– Что – не надо?

– Не надо стараться. Надо... надо просто... быть.

Она, наверно, хотела произнести «любить», но в последний момент даже не передумала, а просто сократила на один слог слово. Пожалела Александра Васильевича, немолодого, но обаятельного и симпатичного мужчину. Ему и так достается сегодня. Сколько оно еще будет длиться – это сегодня? Никак не закончится, а уже и – пора. Некоторое время

они ехали молча в тряском пустом вагоне под мерный перестук колес.

– А вот интересно, что у тебя со мной? – неожиданно для самого себя вернулся на скользкую и неоднозначную стезю отношений полов, тем более в их случае столь разновозрастных, генерал. Нет, действительно, если она может задавать ему разные неловкие вопросы, загонять его в угол, почему он должен робеть, как мальчишка, перед этой смазливой... пичужкой?

– У меня? – переспросила Вероника.

– Да. У тебя.

– Ты мне нравишься. Мне хорошо с тобой. Интересно.

– Как сейчас?

– Даже сейчас. Это – жизнь.

– Ты, наверно, авантюристка по характеру, да?

– Может быть, – она посмотрела на него искоса, с неуловимой улыбкой в губах. – Хочешь, я тебе правду скажу? Почему я с тобой?

– Говори. Я же спросил... – Александр Васильевич почувствовал, что напрасно продолжил сей разговор. Ни к чему ему девичьи тайны и правда, которая, возможно, его как-то обяжет. В любом случае обременит. И вообще, это лишнее – углубляться в суть их абсолютно недвусмысленных отношений, искать золото, где залегают угольные пласты. Или все же – кимберлитовые трубки с редкими, но – алмазами?

– Ты мне очень напоминаешь отца. – Вероника смотрела ему прямо в глаза. – И меня это страшно заводит. Какой-то сдвиг происходит в голове и... везде. Как бы можно то, чего нельзя. Сладость и адреналин от нарушения табу. Вот так.

– Кхе... хм! – поперхнулся от неожиданности генерал. – А с отцом у тебя, что...?

– Нет, боже упаси! Ничего! Ужас какой ты

подумал! Папочку я очень люблю. Он у меня самый лучший – best of the best. Идеал! Почти. Только он у нас слишком добрый по жизни, и не все так сложилось, как надо. Так что, просто крутит баранку. Принципиально и типа честно.

– Мда... вот уж не думал... – Александр Васильевич поймал себя на мысли, что эта девушка слишком часто его удивляет. В очередной раз. А, может, просто он уже слишком стар для таких, как она, и несовременен? Несвоевременен? – А у меня, ты считаешь, в жизни сложилось?

– А разве нет?

– В общем, сложилось, ...хотя, все зависит от планки, высоты, какую хочешь взять. Какую ставишь цель.

– А ты всегда достигал поставленной цели?

– Нет, конечно. Бывало, не достигал.

– И что тогда делал?

– Выводы делал. Просто с годами стал спокойнее относиться к высотам, ...которые не взял. Суета сует все. Не это главное.

– А что главное? Сам процесс?

– Главное, главное... – генерал посмотрел в окно, уходящим в темную непробиваемую даль взглядом. – Главное – ради чего ты все делаешь. Ставишь цели, стремишься к чему-то. Что у тебя в душе. Это, наверное, главное, по самому большому счету. Так что, возможно, твой отец более прав, чем ты думаешь.

– Просто, ты – сильный. Я чувствую это. А отец – хороший, добрый, такой же, как ты, только пружины внутри нет. Он не гребет против течения. Приспособился и живет в своем небольшом мирке, и ему этого достаточно. Я недавно это поняла. А внешне вы с ним похожи. Только он чуть повыше.

– Надо понимать так, что, обнимая меня, ты представляешь его?

– Нет, совсем не так. Вернее, не совсем так. Обнимая тебя, я обнимаю тебя и думаю о тебе. Если какие-то мысли пробегают, то это случается раньше. С самого начала. И вообще, я ни о чем сама специально не думаю, все, ну... выходит само собой. Я первое время себе удивлялась и не понимала, что со мной происходит. А потом вы оба как-то сами собой в голове как половинки сложились.

– Ну, уж и не знаю. Лучше бы ты не говорила. Я даже не представляю, как мы теперь...

– Как обычно, – перебила его Вероника. – Такое бывает, и было всегда. «Эдипов комплекс», только в нашем случае – без инцеста. «Эдипов комплекс» light, облегченный вариант. Не такой, как у Нормы Джин Бейкер.

– Кто такая, эта Норма?

– Это? Ну, как же? Это – Мэрилин Монро. Ее отчим в детстве изнасиловал.

– Мда... «нет ничего нового под солнцем». Хотя, это, по-моему, не «эдипов комплекс», а криминал и конкретная статья уголовного кодекса. Вряд ли она этого хотела.

– Информация на эту тему двусмысленна.

Девушка поднялась, осмотрела стриженую голову генерала сверху. Привычно и с удовольствием запустила пальцы в ежик волос. За окном пробегали объекты промышленной зоны города. До вокзала осталось минут десять-пятнадцать пути.

– Так какие у нас планы по прибытии в город-герой? – Вероника легонько нажала ему пальцем на нос. – Пи-и-ип.

– Для начала надо обзавестись транспортом.

– И есть варианты?

– Да. Есть.

– А потом?

– Потом не мешало бы отдохнуть. Вторые сутки не спим.

– Просто так – взять и отдохнуть?

– Ну, не знаю. После твоих откровенных признаний я как-то смущаюсь, ...даже боюсь.

– Ладно – с комплексами разберемся. Это я беру на себя. А потом?

– Потом наступит мудреное по сравнению с вечером утро. Оно нам покажет...

– То есть, дальше, я так понимаю, план не проработан?

– Ну, почему? Наметки есть, а там... – Александр Васильевич посмотрел в окно. Электричка промчалась через переезд, приветствующий ее мигающими красными огнями и опущенным шлагбаумом.

– Це вони!!! – Марьян ударил двумя руками по рулю и прямо таки подпрыгнул на сиденье, указывая рукой в сторону удаляющегося окна поезда.

– Кто?

– Генерал та дівка його!

– Да брось, кого ты там мог в окне рассмотреть? – засомневался напарник «гонщика».

– Це дійсно вони! Жодних сумнівів. Я дівку добре запам'ятав. А зараз вона як раз біля вікна трималась. Та піднімайся ж ти, клята споруда!

Джип рванул через переезд, быстро обогнал электричку на параллельной рельсам дороге, но увяз в отрезках городских улиц, вынужденный стремиться к вокзалу не по кратчайшей прямой. Въехав прямо на привокзальный тротуар, Марьян и напарник бегом бросились на перрон. Пустая электричка стояла на «десятой коліі». Объекты их пристального интереса уже ушли и почему-то не встретились им по пути.

– Гидота!!! Яка гидота! Біжімо назад! Я – у метро! Ти – на вокзал!

Легко перепрыгнув турникет «гонщик» буквально слетел вниз по эскалатору под шум отходящего

электропоезда, «піймав облизня», в виде сигнальных фонарей последнего вагона. Пробежал по станции до конца и обратно, напрасно всматриваясь в лица разрозненных ночных пассажиров метро.

Напарник Марьяна, второй из тех «малых», что тормозили генерала на «Ауди», быстрым ходом промчался по пригородному участку вокзала – предполагаемому маршруту двух искомых пассажиров. Никого не догнал и не обнаружил в пустынных залах. Выбежал на улицу к стоянке такси. В машину на переднее сиденье как раз садился мужчина в «аляске», но наброшенный на голову капюшон не позволил «малому» провести визуальную идентификацию. Такси развернулось по кругу. На заднем сиденье сидела женщина. Молодая или в возрасте, осталось не ясно. Просто женщина. Не мужчина. Преследователь оглянулся вокруг. Мужчина и женщина заходили в светящийся прозрачный кубик привокзального «Макдональдса», еще одна пара приближалась к стоянке, мужчины и женщины входили и выходили в обновленное преобразенное здание вокзала. Да мало ли их ходит здесь – всяких женщин и разных мужчин? А он уже три дня не был дома. Позвонить, и то некогда...

– Анікого? – Марьян вырос, словно из-под земли. Еще секунду назад его не было в поле зрения.

– Ага.

– Бачив, хто в таксі поїхав?

– Не они.

– Отам був? – кивнул «гонщик» на центральный вход.

– Да где – там? Только подошел.

– Тоді пішли. Огляньмо.

– А смысл? Только время зря потеряем. Они же не дебилы на вокзале сидеть и ждать, когда мы за ними придем.

– Кто знает, напевне, на оте й розраховують, – Марьян быстрым шагом двинулся вперед, не обращая внимания на скепис напарника. Тот с сожалением бросил взгляд на аппетитный фастфудовский «Макдональдс», кажется, только завтракал сегодня во время обеда, и двинулся следом.

Глава 33

Выйдя из электрички, Александр Васильевич и Вероника двинулись к выходу в город не прямо по пустынному переходу, а в обход, через центральный вокзал, где, несмотря на поздний час, всегда наблюдалась людская суета. То есть, имелись какие-то варианты для маневра при возникновении нештатной ситуации. Теплые потоки воздуха окатили ночных скитальцев на выходе, и они направились к стоянке такси. Первый в очереди таксист услужливо распахнул двери объемного, изрядно потрепанного напруженной автомобильной жизнью, «Опеля». Приятно. Если раньше стояли в очереди люди, то теперь в очереди ждут клиентов машины.

Генерал позвонил со своего тайного телефона на такой же, засекреченный только для экстраординарных звонков, мобильник майора Прокопчука. Договорились встретиться, «где встречались в прошлый раз, но не самый прошлый, а перед ним». Невольные путешественники покинули такси возле метро «Университет». Проехали несколько остановок до «Почтовой площади». Метро еще работало — до часу ночи оставалось тридцать минут.

Прошли пешком по улице Сагайдачного, рассматривая, светящиеся в ночи, витрины модных магазинов, заодно проверяя, не идет ли кто за ними по следу. Так неспешно добрались до «Корсара». Оставив верхнюю одежду и дорожную сумку Вероники в гардеробе ресторана, расположились в отдельной кабинке, заказав сок, кофе, горячие бутерброды, коньяк и

нарезанный дольками грейпфрут на закуску вместо лимона. Геннадий должен подъехать и перезвонить. В позапрошлый раз, в первых числах ноября, они с Геннадием и еще двумя людьми встречались именно здесь, в сухопутном «Корсаре».

– Между прочим, уже двадцать четвертое число наступило, – посмотрела на часы Вероника. – The longest day has an end. Даже самый продолжительный день когда-то заканчивается.

– Да. Я обратил внимание.

– Рождественский сочельник наступает.

– Католический.

– Ну и что. Все равно мило так и приятно. Сочельник, – произнесла нараспев Вероника. – Трогательно как звучит. Что-то в нем доброе, задушевное. Детство, бабушка... А почему так называется – сочельник, не знаешь?

– От сочива, это еда, которое положено в сочельник вечером кушать. Вареная пшеница с медом и изюмом. Кажется так. Но это – у православных, а как в других странах, католических или протестантских, не знаю.

– У нас оно называется «кутья». Мама чаще с рисом делает, ей так удобнее, а бабушка, та только с пшеницей. У нее всегда вкуснее, с маком, орехами. Приготовит и уходит в церковь на всенощную. А дед ее дома ждет.

– Почему вместе в церковь не ходят?

– Ходят. Вернее, ходили, дедушка в прошлом году умер. Только в другие дни, когда, как говорил дед, каяться сподручно.

– Он у вас что, грешник большой был?

– Не знаю. Наверно. Бабушка говорит, что – большой был. Ты хочешь спать?

– Хочу.

– Я тоже. Глаза закрываются.

– Ну, так вздремни, пока ждем, – Александр

Васильевич кивнул на удобный закругленный буквой «П» диванчик, на котором они сидели.

– Да ну, неудобно. Я лучше кофе для бодрости выпью, – девушка сделала пару глотков. – А с кем мы должны встретиться, если это, конечно, не секрет?

– С одним человеком.

– И все?

– Да. Остальное – секрет.

– Государственная тайна? Top secret.

– Почти.

Завибрировал без звонка телефон.

– Подходи. Там же. Да! – коротко бросил генерал.

Спустя пять-шесть минут появился майор Прокочук, как-то сразу заполнив собой окружающее пространство. Мужчины пожали друг другу руки, обнялись слегка, словно не виделись значительный срок, хотя не прошло и двух суток.

– Вероника. Григорий, коллега, – скупое представил Александр Васильевич.

– Можно без официоза, просто Гриша! Генерал-полковник, – скромно отрекомендовался майор, чуть задержал ее руку, быстрым движением пальцев пощекотав ладонь, пробив визави борзым взглядом сверху донизу и, кажется, насквозь. – Очень, очень приятно!

– Вероника! – она высвободила руку и села. О! Этот генерал-полковник, судя по шаловливым рукам и глазам – готов ударить с места в карьер. Тоже, тот еще ...генерал. – И как вы успели так быстро дослужиться до такого высокого звания?

– Просто я служу родине с самого детства, с младых ногтей.

– Как Гайдар?

– Даже раньше. Беспризорное детство...

– Беспризорное детство, это...

– ...в Афганистане.

– Что-то на афганца вы не очень...

– Скорее всего, мои родители – пропавшие без вести английские дипломаты.

– А вас, значит, советские военные усыновили?

– Да. Шурави меня сделали сыном полка, отправили на большую землю, в Союз – учиться в суворовском училище. Потом – военное, академия генштаба, горячие точки...

– И какие ж у нас горячие точки?

– Не у нас, а по линии ООН с миротворческой миссией.

– Кажется, там военные принимают участие, а не спецслужбы, если я правильно поняла, что вы – коллеги?

– Ну, что вы?! А борьба с наркотрафиком, торговлей людьми и оружием?

– Все равно что-то на генерала вы не очень-то похожи...

– У нас я полковник, а генерал-полковник – это комплексное звание, присваивается после окончания виртуальной академии в форте Нокс в ЦРУ. Лэнгли... – небрежно бросил майор, пальцем поманив официантку.

– Какой-какой академии?

– Реальной. Реальная академия для высшего командного состава НАТО.

– А при чем тут, извините, вы и НАТО?

– А как же? На май запланировано вступление Украины в НАТО. Идет подготовка руководителей командных штабов. Кстати, в июне ожидается приглашение от Евросоюза.

– Лично для вас?

– И для вас тоже. Для всей страны. Разве вы не смотрите телевизор, Вероника?

– Смотрю. А курсы в НАСА для руководителей космических полетов вы, случайно, не проходили?

– Пока не проходил. Вы считаете, надо пройти?

– Ну, как же? В июле страна вылетает на Марс, разве вам не сообщили по телевизору?

– Знаете, Вероника, настоящему космонавту совсем необязательно куда-то лететь, он всегда находится в космосе.

– Так... мм... Ника... – произнес Александр Васильевич многозначительно. – Ты, кажется, собираешься...

– Да! Конечно! Извините, покину вас на пару минут, – девушка поднялась и взяла косметичку.

– Аппгрейд интерфейса? – проводил косметичку глазами майор.

– Да. И удаление ненужных файлов, – Вероника выиграла пикировку, и с достоинством отправилась в туалет.

Официантка принесла майору зеленый чай. Не просто чашку, а небольшой заварничек, сахар-песок в пакетиках и две розетки с мелкими сладкими вкусами-ассорти – кусочками сушеных фруктов, мармеладом, пастилой и еще какой-то съедобной мелочевкой.

– Интересная особа, – произнес в адрес Вероники майор. – Как специалист, одобряю. Достойный, очень достойный экземпляр. И, Александр Васильевич, если девушке нужна какая-то помощь, вы же меня знаете, я всегда готов...

– Я знаю, ты всегда готов. Что-то, смотрю, тебя понесло.

– Это я так, по инерции. Понимаю, что нужно побольше молчаливого текста, но пока не получается.

– Ладно. По делу. Что там у нас? – перевел разговор в серьезное русло генерал.

Говорили тихо. Средней громкости фоновая музыка скрадывала беседу от возможных ушей и прослушивающих устройств.

– Все вам звонят, разыскивают, переживают за ваше драгоценное здоровье. Прямо бум какой-то. Алла

Борисовна отбивается, как может. Объясняет, мол, заболел человек, давление поднялось от такой нервозности. Сейчас многие с давлением лежат. Ничего удивительного. Сплошное давление со всех сторон. И изнутри тоже в ответ поднимается.

– Что у тебя?

– Как обычно. Ловим помаленьку в мутной воде. Есть интересные материалы. Собираю до «купы». На работе их не держу, а так как спешил, скопировать диск для вас не успел.

– Ничего страшного.

– Я тоже так полагаю. Все еще впереди.

– Ты так думаешь?

– Я уверен, Александр Васильевич.

– Что еще? – генерал знал манеру майора самое интересное и важное приберегать на десерт, тянуть информационную «резину» и эффектно выкладывать козырные карты, казалось бы, на самом финише.

– Разговоры такие ходят, мне два источника оттуда подтвердили, что «внутренняя безопасность» вас негласно разыскивает. В аэропорты, и вообще на границу переданы ориентировки на задержание. Особо тщательно отрабатывается российское направление, белорусское, Крым. Кстати, в Севастополе двух сотрудников арестовали. Наших, киевских. С вами и с полковником Романенко связывают.

– Та-а-а, ...а как там Сергей Николаевич, не знаешь?

– Поправляется. В госпитале переведен в другую палату. Поменяли охрану. Встречи с родственниками ограничили.

– Откуда такая подробная информация?

– Супруга его звонила. Вас искала. Они с Аллой Борисовной беседовали.

– Это все?

– Да.

Вероника гламурно продефилировала мимо них к стойке бара, провожаемая липучими взглядами не только майора, сконцентрировавшимися на аппетитных, подчеркнутых стрейчевыми джинсами, округлостях ниже выраженной талии. Непринужденно взобралась на высокий никелированный табурет. Что-то заказала.

– Ты на колесах? – Александр Васильевич влил немного коньяка в кофе.

– Да. На «девятке». А что?

– Ничего. Думаю. Хотел предложить тебе на время на мою «Тойоту» поменяться, но, наверно, не стоит, раз такая напряженная ситуация. Ясно, что за машиной пасут.

– Вам машина нужна?

– Да.

– Не вопрос. Забирайте мою.

– А ты?

– А я на Валиной «Таврии» пока порысачу. Она все равно зимой никуда не выезжает, только летом по трассе в деревню.

– Спасибо. Выручил.

– Да ну, бросьте, Александр Васильевич, вы же знаете, я всегда...

– Так что, мне и поблагодарить уже нельзя?

– Можно, конечно.

– Вот так. Что там дома, нормально?

– Да нормально все. Как всегда. Вот, – майор положил на стол ключи от машины и ламинированный технический паспорт. – Сигнализация обычная. Под магнитофоном блок, там регулятор чувствительности на колебания, если вдруг от ветра будет вопить. Техпаспорт пусть будет, хотя, в принципе, вам он не понадобится. В багажнике, где записка, есть два комплекта номеров, днепропетровские и тернопольские. Смотрите по обстоятельствам. Лучше бы поменять. Ну, там отвертки, ключи...

– Разберусь, спасибо, – генерал положил ключи и техпаспорт в карман.

– Я бы на вашем месте из города никуда не уезжал. Посуточно бы квартиры снимал, где-нибудь на Нивках, Новобеличах или Святошино, тем более, в такой ...сладкой компании. Что тут осталось? Вам же не обязательно в центре апартаменты занимать? Подумайте.

– Подумаю. Тебя отвезти?

– Не надо.

– Тогда хотя бы на такси... – генерал достал портмоне.

– Прекратите, Васильевич! Много вы не дадите, а мало, вы же знаете, я не беру! – засмеялся майор. – Раз уж вызвали ночью на работу, надо отрабатывать. «Бойцы» заряжены. Ждут.

– Не переусердствуй, смотри, с «бойцами»! – Александр Васильевич поднялся, протянул руку. – Спасибо, Гена!

– Пожалуйста! Я с дамой попрощаюсь, а то неудобно...

– Да, конечно.

Глава 34

Логически рассуждая, конечно же, майор Прокопчук был прав. Затеряться и отсидеться несколько дней в большом городе проще и правильной с точки зрения не только азов конспирации, но и элементарного здравого смысла. Снимать неприятельные посуточные апартаменты где-нибудь на Позняках или Осокорках, на куличках, – вполне подходящий вариант, трудно отслеживаемый в теперешней напряженной обстановке, когда все силы и средства Службы и милиции прикованы к Майдану. Короче, залечь тихонько на дно и не рыпаться. Тогда и машина-то им не особо нужна. Даже наоборот. Она как поплавок будет сигнализировать настойчивым рыбакам, где, на какой крючок попалась рыбешка. Ау-у! Я здесь!

Но город, родной и любимый Киев, нервировал и раздражал его, казался чужим и враждебным. Так что внутренне, несмотря на все плюсы и правила, Александр Васильевич изначально принял решение в городе не оставаться. Монотонное убиение времени, сидение, лежание, пусть даже в компании с Вероникой, хождение по чужим наемным квартирам, – всю эту тягомотину его сознание отторгало. Уж лучше какое-то действие, движение, пусть даже и бесполезное, чем вынужденное и пассивное ожидание стука в дверь.

Его планы, о которых в электричке он оптимистично и уверенно рассказывал Веронике, на самом деле оказались расстроены и неопределенны. Майор

принес новости, и назвать их позитивными было нельзя, но уже хорошо, что он их узнал. Он проинформирован – красные флажки выставлены, охотники расположены на «номерах», карабины «Сайга» сняты с предохранителей. Ваш выход, пан генерал, будьте любезны! Собственно, он именно так себе все и представлял.

Что делать с Вероникой? Бесконечно таскать за собой? И о какой «бесконечности» можно вообще говорить, если счет идет на дни или даже часы? Но это уже его задача и компетенция – продлить максимально сей срок. Что им осталось? Три дня. После двадцать шестого придется расстаться. Ника поедет от «больной мамы» к бой-френду Андрюше, купят с милым зеленую душистую елку, украсят игрушками, дождиком и «бегущими огнями». С друзьями, такими же молодыми и глупыми или умными, встретят Новый «оранжевый» две тысячи пятый год.

А он вроде как лишний на этом идиллическом празднике новой европеизированной жизни. Персона нон-грата. Смешно! Просто бред. Иллюзии. Манипуляции массовым сознанием. Он отвлекся от частного, от своих личных проблем, стал невольно думать об общем.

Имея на руках серьезную «компру», они собирались с Сергеем вести свою игру в зависимости от складывающихся обстоятельств. Александр Васильевич знал, с кем и как реализовать «опрокидывающий ситуацию» сценарий. Кто поддержит на высшем уровне и на всех остальных. И не только у нас. Недовольных теперешним критическим положением вещей было много, и прогнозы как краткосрочные, так и долгоиграющие не сулили при данном раскладе ничего оптимистичного. Наоборот.

Взбаламученная страна втягивается в затяжную полосу противостояния внутреннего, что очень чревато, и внешнего, причем не на той, на неправильной

стороне, со смутными и очень тревожными последствиями. Уже примчались поляки. Забегали. Порядки наводят. А кто они сами? Америкосовские клиенты. И сам посол Ферст не стесняется и совершенно не комплексует насчет политкорректности, командует, как у себя дома. Есть на кого опереться, – когорта «евроатлантических мальчиков» загодя подготовлена и расставлена на доске. Королевский гамбит разыгран по нотам. Эндшпиль завершается эффектным матом. Кому? Нам. Ну, а Путину американцы пока что объявили шах. Одна игра завершается, но есть подозрение, что окончательно ничего не завершено, и эта партия – далеко не последняя.

А могли бы они с Сергеем и еще кое с кем загасить этот кризис? В чем суть и корень всего? Ведь о чем бы мужчины ни говорили, какие проблемы бы ни решали, в конечном счете, речь всегда идет о деньгах. Деньги любят спокойствие, тишь, благодать, конечно, не такие однозначные, как на кладбище, но и не революционную бурю, под красивыми, яркими лозунгами о справедливости и правде которой, скрываются ложь и банальный передел собственности и денежных потоков.

И она, эта убийственная «компра», на многое могла повлиять радикально, без подковерной хитромудрой возни и наших хуторянско-иезуитских комбинаций. Мощный залп из всех телевизионно-газетных орудий у нас и везде – по обе стороны океана, общий шок, шум и гам, естественно, – отмена третьего тура и назначение новых, уже более-менее нормальных выборов с адекватными кандидатами, без шекспировских трагедий и заготовленных загодя мегаспектаклей. Романтично, конечно, красиво, наивно, но это был шанс. И страну не обидеть, и себя не забыть.

В том, что компрометирующая материальная составляющая находится в чемоданчике, Сергей был уверен и генерала уверил, иначе бы они и не ввязывались

в дело. Полковник не ошибался, об этом свидетельствовал и список платежных поручений из перечня документов, который ему показывал Юрий Вячеславович на последней встрече возле Лавры. А теперь, в отсутствие зарубежных платежей нашим революционерам, захваченный набор документов представлял собой, скорее, не козырные карты, а черную метку. Для них. А ведь был, был же «мальчик»?! Но куда-то он очень не вовремя делся.

Ведь у кого-то ж эти платежи остались? У кого? У того, кто провернул эту многоходовую комбинацию, все просчитал, слил информацию по разным каналам заинтересованным лицам. У того, кто ими владел, у того и остались. Хотя, для всех прочих считается, что они теперь в кармане у генерала службы безопасности Шевчука. Неужели их просто использовали, как наживку и обвели вокруг пальца, как малых детей? Молодца! Что тут скажешь?! И рыбку съели, и документы себе поимели, и веревочки остались в руках все тех же кукловодов. И он, генерал, им теперь принципиально не нужен. Живой. Нет генерала, и концы в воду. Или еще куда. Так что, пионер, будь готов!

Морально-исторический формат папок, попавших к ним для обеспечения достоверности сложной комбинации, интересен, и являет собой непрямую дополнительную угрозу «лично», но слишком специфичен, чтобы реально на что-то и кого-то сейчас, сегодня влиять, ставить условия. Разве что, просто назвать какую-нибудь реальную сумму, как предлагал несчастный подполковник ФСБ? Но лента событий раскручивалась таким образом, что любой торг становился действительно неуместен. Оппоненты категорически не настроены торговаться. А сторона, сделавшая предложение, от которого они с Сергеем могли бы не отказаться, от переговорного процесса отстранена. Временно, но тем не менее. Теперь самому, если он так решит, надо выходить на контакты.

В общем, не такая большая проблема – позвонить, переговорить. Вот и все. Если он так решит. А он пока не решил. Он вообще ничего не решал в эти дни, только действовал вторым номером, рефлексировал, защищался, не нанося упреждающий или хотя бы ответный удар. Настраивал себя как-то собраться с разбегающимися мыслями, сконцентрироваться и принять решение. Что-то придумать. Что именно?

Пройдет третий тур, добро победит зло. Что есть зло? Существует мнение, что зло – это добро, пришедшее к власти. И такое мнение имеет под собой основание. Вполне. Ну, хорошо, а что принципиально изменится в его положении после выборов? Отменится прессинг? Дадут индульгенцию? Можно будет спокойно пойти на работу, и с укрепленным здоровьем выполнять свои функциональные обязанности? Абсурд. Для него ровным счетом не изменится ничего. Жизнь не начнется с чистого «аркуша», то бишь листа. From a fresh start – с нового старта, как говорит, тренируясь в английском, Вероника. Ну, так что из того? Может, стоит не ждать? Застрелиться? Избавить от гонений семью – переживут один раз. Имея пистолет в кармане, это можно сделать всегда. Но стоит ли? Нет, все-таки Ника тысячу раз недооценивает своего мудрого, мудрейшего отца, наплевавшего на всё в эту смутную эпоху, сосредоточившегося на баранке, своевременной замене масла и воздушных фильтров. Кто он у нее, таксист? Надо будет спросить.

Александр Васильевич поменял киевские номера на днепропетровские, решив ехать в юго-восточном направлении. Машина – их маленький передвижной дом. Ковчег. Бронепоезд, сошедший с запасного пути, и мчащийся не по рельсам, а по пахоте и бездорожью, оврагам и балкам, столичным автобанам и, побитым ямами, провинциальным шоссе.

Переночевать и выспаться, в конце концов, можно в какой-нибудь придорожной гостинице с номерами,

коих в последнее время построилось множество на обочинах, почти при каждом ресторанчике. Международный удобный стандарт «В&В» – «Bed & Breakfast», «Кровать и завтрак» в отечественной интерпретации «кровать и... кровать и... кровать...»

В четыре часа черной декабрьской ночи, оставив «девятку» на внутренней закрытой стоянке, генерал и девушка перешагнули порог маленького, как пенал, но зато теплого, с душем и туалетом, номера мотеля – made in Ukraine. И вырубились от усталости и недосыпа.

Сквозь жалюзи высокого узкого окна пробивался дневной свет. Александр Васильевич взял со столика, он же – тумбочка, свои наручные часы. Восемь пятьдесят. Зачем он проснулся так рано? Рядом сладко посапывала Вероника. Он с пульта включил маленький цветной телевизор, загнанный хозяевами заведения почти под потолок. Уменьшил звук. Самый честный «5-й канал чесных новын» генерал не любил – у ребят зашкаливает с демократией в один край. Разрешили им демократию, оплатили, их и несет. Нашел относительно вменяемый, демократизированный «Интер». Дождался девятичасовых новостей. Когда пошел международный блок, осторожно выбрался из-под одеяла. Провел по щеке ладонью. Бритие мое. Жесткая двухдневная щетина кололась, а бритвенные принадлежности, уходя к Веронике, он с собою не брал, как и многое другое.

На раковине лежал использованный одноразовый «Віс». Можно, конечно, побриться, но неизвестно, кто и что брил до него этой штукой. Обычно эти «Віс» продаются комплектом. Открыв зеркальную дверцу туалетного шкафчика, Александр Васильевич к своему удивлению обнаружил, практически все, что ему нужно. И пару одноразовых «косточек» в упаковке, и пенку, и гель после бритья, зубную щетку, новую, в упаковке. Побритый, освеженный после душа, генерал

вышел из ванной. Вероника продолжала уютно сопеть. Он также тихонько вернулся в постель, прижался к девушке, повторив ее позу. Обнял. Рука естественно легла на живот, и, естественно, спустилась чуть ниже.

– Спать!

– Ну...

– Я хочу спать! – Ника твердо вернула на место мужскую ладонь и, не выпуская из своей, тут же снова уснула.

«Вот, черт! Зачем я так рано проснулся? Теперь так и лежать? Совершенно не хочется спать!» – с досадой подумал Александр Васильевич и отключился.

Разбудили его свет и звук. Жалюзи подняты. Телевизор настроен на какой-то музыкальный канал. Вероника, замотанная в банное полотенце, энергично вытирала голову полотенцем, одновременно пританцовывая на махоньком пяточке между кроватью и окном.

– Good morning, a hard nut to crack!

– Кто-кто? Я попросил бы в моем присутствии еще и с утра не выражаться, – приподнялся на локте генерал.

– Крепкий орешек, который не всем по зубам.

– А... – он снова откинулся на кровать. – Брюс Виллис...

– Поднимайся, соня! Уже приходили, напомнили, что после двенадцати счет пойдет за следующий день. У нас осталось тридцать две минуты.

– Кто еще соня?! Я уже раньше, между прочим, вставал, – он смотрел на нее, молодую, свежую, чистую, как омытый росами прекрасный цветок, и любовался. Протянул руку. – Иди ко мне?

– Зачем? – она кокетливо повернулась в танце, соблазнительно мелькнув обнаженным телом в разошедшемся махровом разрезе, продолжая энергично работать руками.

– За всем.

– Таки за всем или чем-то конкретным?

– Пусть будет – конкретным. Почему бы и нет?

– А почему обязательно – да?

– Да – это хорошо. Позитив. Консенсус.

– Непротивление сторон?

– Да, очень точно. Ты не выступишь?

– Я не решила. Буду думать пока, – она повернулась к нему спиной, в такт музыке соблазнительно и призывно виляя бедрами.

– А я буду действовать! – он вынырнул из-под одеяла.

– Ой-ей-ей! Чтой-то мы так заспешили, засуетились? More haste, less speed...

– Я люблю тебя... – выдохнул он и обнял ее со спины, полотенце скатилось на пол. Прижался сильно всем телом. Ощутил, как и она вдавилась в него. Целовал шею, уши, колечки влажных волос. Нежно гладил небольшую упругую грудь, перебирая пальцами плотные сжавшиеся соски.

– Да... да... люби... мм... люби меня... – она запрокинула голову ему на плечо.

– Я люблю тебя... – он целовал ее губы, закрытые глаза. – Я очень тебя люблю.

Глава 35

Чем далее на юго-восток, тем однообразнее и скучнее становились пробегающие за окном пейзажи. Холмы и речные низинки, живописные перелески постепенно уступили место открытой ветрам, плоской равнине, поделенной линиями посадок на убежденные снегом и уходящие за горизонт прямоугольнички полей. Александр Васильевич старался быть осторожным на местах скользкой и гололедистой, посыпаемой свежим белым пушком, трассе. Держал ровную невысокую скорость, не разгонялся и не тормозил. Время себе не спеша утекало. Утекали и они.

Вероника, откинувшись, полулежала на переднем сиденье. То посматривала в окно, то закрывала глаза и пыталась уснуть, то переключала FM-станции, маясь от вынужденного безделья.

— Мы через Полтаву проедем? — она подняла выше слишком опущенную спинку сиденья, поерзала попой, уселась удобнее.

— Нет.

— Почему?

— Потому, что не по пути. Полтава левее остается.

— Жаль.

— А какая необходимость заезжать в Полтаву?

— Большой необходимости нет. У меня там тетка живет. Мама сестра.

— Мы без свидания с теткой обойтись можем?

— Можем, конечно.

— Вот и хорошо, — он бросил взгляд на топливный

датчик. Желтая лампочка начала помигивать, сигнализируя о необходимости пополнить бак.

– Это я так. Просто спросила. А вообще, куда мы едем?

– К одному человеку. Товарищу.

– Как тот Григорий в «Корсаре»?

– Нет. Совсем другой, – Александр Васильевич показал правый поворот и завернул на заправку.

Генерал решил навестить друга детства, ныне фермера, Леню Коржа. Фермерствовал Леня и жил «в приймах» у деятельной супруги, в Запорожской области. Пару лет назад он обращался к Александру Васильевичу с отчаянной просьбой о помощи. Какая-то «бригада» нахраписто, в наглую отбирала у селян семейные «гектары». Один раз фермеры отбились от бандитского наезда овчарками и дробью из охотничьего ружья. Но вскоре собак отравили, и Леня в панике примчался к генералу в Киев. Вопрос решили. Группировка, специализировавшаяся на отъеме у законных владельцев запугиванием и шантажом, за мифические или накрученные «на счетчике» долги, их земельных наделов и, это уже было нечто новое, – урожаев, попала в «разработку», в большинстве своем отправилась в места казенные, не столь отдаленные. «Крышевавшие» их менты выходили с предложением договориться и разойтись полюбовно, но генерал настоял на показательной экзекуции, в том числе и в отношении милиционеров. Двух сотрудников уволили из органов. Леня был благодарен, приглашал в гости. Так почему бы, проезжая мимо, не навестить старинного товарища?

Вероника вернулась из магазинчика при заправке. Бросила за заднее сиденье пакет сока и связку бананов.

– Тебе кофе или чай взять?

– Кофе. Со сливками.

– Какой? «Маккофе», «Якобс»?

– Все равно.

Отъехав метров пятнадцать от бензоколонки, генерал остановился, не выезжая на трассу. На вкус кофе из прозрачного пластикового стаканчика был никакой. Не чувствовался в нем аромат прокаленных коричневых бобов какао, зной южных плантаций. Так, унифицированное мировое пойло. А какой изыск он хотел вкусить за одну гривну – восемнадцать центов? Горячий – и это уже хорошо.

– Что-то курить так захотелось под кофе, прямо засосало внутри, – Вероника глубоко втянула носом автомобильный воздух, словно это был сигаретный дым.

– Ты же не куришь.

– Курила, когда молодая была.

– Молодая? – усмехнулся Александр Васильевич. – И когда же ты была молодая?

– Еще в школе. В десятом классе.

– Отчего же бросила?

– Понты это...

– ...дешевые, – добавил генерал и «девятка» продолжила путь.

– А через Никополь мы будем проезжать? – Вероника перегнулась назад и отломала от связки банан. Протянула Александру Васильевичу. – Тебе почистить?

– Нет. Не хочу. В город заезжать не будем, там вечно дороги разбиты. А что, в Никополе тоже родственники живут?

– Нет. Дальше. В Нововоронцовке. Там бабушка и дедушка, ну... сейчас одна бабушка живет. Дедушку похоронили. В октябре год был, а я не смогла приехать.

– Это уже Херсонская область?

– Да.

– Нет, мы в другую сторону едем.

– Давай к ним заедем, а? Тут недалеко. Я за бабунечкой так соскучилась... Ненадолго? Хотя бы на пару часов? Ну, пожалуйста...

Генерал задумался. Посещение близких родственников ни своих, ни Вероники в его планы никоим образом не входило. Афишироваться лишний раз? Пока доедем, потемнеет. Пятница, двадцать четвертое, убывает как луна. А в субботу утром, еще затемно, уехать. Разве что так?

– Хорошо. Раз ты соскучилась, то заедем.

– Ой, спасибо! Класс! – Ника чмокнула его в щеку. – Только остановимся на трассе, где магазинчик есть, я ей гостинцы куплю. Хорошо?

– Угу, остановимся – утрюмо кивнул Александр Васильевич. – И как ты меня представишь?

– Скажу – друг. Моей бабушке можно вообще ничего не говорить. Она и так все сразу поймет.

– По глазам?

– По всему. Она у нас «видит». Не только глазами, а чувствует что-то.

– Экстрасенс? Как болгарская Ванга?

– Могла бы, наверное, и как Ванга. Или по-другому. Но она не хочет. Считает, что «туда» лучше не заглядывать, чтобы не навредить и не испортить другим и себе в этом мире, здесь на земле.

– Бабушка у тебя непростая.

– У нее жизнь, между прочим, такая – можно фильм снимать. У нее и у деда. И не мыло и муть, как у нас в сериалах, жуют, не пережуют всё никак. А по настоящему, так, что все будут рыдать. Бестселлер.

– Голливуд отдыхает? – с иронией произнес генерал.

– Почему отдыхает? Как раз, в Голливуде снимать. Чтобы режиссерами – Спилберг или Полански, – на полном серьезе ответила Вероника.

– Полански, это у него беременную жену банда Мэнсона убила?

– У него. Шэрон Тейт. А ты смотрел его последний фильм «Пианист»?

– Нет. Интересный?

– Очень крутой. Серьезный. Про варшавское гетто. Меня всю колотило. Полфильма проплакала. Сильный фильм, посмотри. Только очень тяжелый. Как бомба.

– Постараюсь. Если будет возможность.

– А про моих деда и бабушку, если не в Голливуде, то, по крайней мере, на «Мосфильме» уж точно надо кино снимать.

– Почему именно там?

– А у нас бюджета не хватит, и таких режиссеров, как Кончаловский или Бортко нет.

– Вообще-то, для начала нужен сценарий, – внес резон генерал. – Ты не пробовала писать?

– Пробовала.

– Ну, и как?

– Никак. Два рассказа на литературных сайтах разместила.

– И что? Какой результат?

– И все. Никакой.

– Ну, хоть читает кто-то твои рассказы?

– Вначале читали, а потом они по дате и контенту сместились и перестали читать.

– Так надо что-то делать, продвигаться?

– А что можно сделать? Там разных писателей десятки тысяч на каждом портале. И какой я писатель? Две истории из студенческой жизни. Тили-тили, трали-вали, покурили, переспали!

– Я подумал, что ты о своих родных...

– Нет. Это тема серьезная, сложная, чтобы вот так взять, да и написать. Сама не потяну! Разве что, лет через двадцать.

– Отчего же так долго?

– Ну, опыта набраться. Чтобы жизнь повалила.

– Слушай, ты заинтриговала меня! С такой дорогой еще часа три, не менее, ехать. Расскажи мне вашу семейную историю. Если хочешь, конечно... – Александр Васильевич прикрутил звук радио.

Вероника некоторое время сосредоточенно молчала. Затем выключила радио вообще.

– Только не перебивай меня, хорошо?

– Хорошо. А если вопрос возникнет по ходу?

Девушка не ответила, внимательно смотрела вперед. Прошла минута, другая. Вероника начала говорить. Не спеша. Беря паузы. Внутренне проживая события, о которых знала по рассказам родных.

Глава 36

Бабушка познакомилась с дедом в самом начале войны в сорок первом году. Осенью. В лагере где-то под Львовом. Это были такие накопительные лагеря, куда свозили евреев, цыган, коммунистов, может быть, еще кого-то, я не знаю... А моя бабушка – цыганка. Ее и еще нескольких человек из их табора поймали и держали там перед отправкой в другие концлагеря для уничтожения. Ей как раз в то время пятнадцать лет исполнилось...

«Двадцать шестого года. Семьдесят восемь сейчас», – автоматически отметил про себя генерал.

– ...В лагере дед ее и увидел. Он... он у немцев в полиции работал. Служил. У них там отряд из украинцев был или взвод, или батальон, я не знаю, как он точно назывался, и они как раз ...собирали, отлавливали евреев, цыган, ну... разных людей, каких им приказывали, и свозили в тот лагерь. Но бабушку другие привезли, не их отряд... Дедушке двадцать один год был тогда, в сорок первом. Он рассказывал, что до войны сильно поляков не любил, боролся с ними, с друзьями взрывы устраивал, его даже арестовали, но он из тюрьмы сбежал и остался жив. Потом Советская власть пришла, «советы», как говорил дед, он всю жизнь их так называл. Как и многие, он даже рад был сначала, что русские их от поляков избавили...

«Это сентябрь тридцать девятого. Пакт Молотова-Риббентропа. Раздел Польши Германией и Советским Союзом».

– ...Ну, а потом стали многих в Сибирь отправлять. Весной, кажется в марте, ночью к ним в дом автоматчики русские пришли. Подняли всех, в чем кто был, почти ничего не позволили брать с собой, и погнали на вокзал. Мать, отца, его, двух братьев младших и сестренку. Там уже много людей было собрано. Солдаты с собаками охраняли кольцом. Затолкали всех по товарным вагонам, стоя, так, что трудно было дышать. И никто не понимал и не знал, в чем их вина, почему с ними так несправедливо и бесчеловечно поступают...

«Не русские автоматчики за ними пришли. Русские, украинские, казахские – национальность здесь ни при чем. За ними Система пришла. Родина, поживавшая своих детей, – и на Урале, и в Сибири, и в Москве, и на Украине. Везде. И за редким исключением вина перед Системой заключалась вовсе не в том, что ты совершил. Вина в том, что ты можешь подумать и совершить. Можешь! Любой может думать, значит, любой виноват. Оправдать невозможно, но как понять эти великие напрасные жертвы? Издержки теоретической классовой борьбы, практической борьбы за власть – извращенной и изуверской, противостояния с враждебным окружающим миром? Паранойя, бесчеловечность, подлость и страх, стекавшие сверху вниз по властной пирамиде? Сумрак неверия, ужас небытия, ухвативший костлявой рукой и парализовавший душу народа?»

Со временем у генерала набралось много вопросов, на которые не имелось верных и точных ответов. Отыскивались какие-то мелкие, по сравнению с масштабом репрессий в отношении собственного народа, объяснения властных причин. Но оправданий кровавому террору не находилось. А что бы он делал, родись на полвека раньше? Исправно выполнял ежемесячные разнарядки «по врагам народа»? Недрогнувшей рукой подписывал приговоры «троек» невинным,

получив в награду свои неизбежные «десять лет без права переписки» – свинцовую пулю в затылок?

– ...Он сбежал из вагона через дырку в полу. Младшие побоялись с ним прыгать, там кто-то под колеса попал и погиб, а деду удалось. Он очень сильный и ловкий был. Он тогда спасся, а о родных больше никогда не слышал. Считает, погибли или в поезде, или в зимней тайге, куда прямо в снег, как говорят, выгружали. Назад шел много дней по ночам, днем прятался, в лесу или стогах отсыпался. Вернулся, издалека посмотрел на дом, там уже другие люди живут. Он кого-то из друзей, своих хлопцев, нашел, ему документы сделали и помогли через границу перейти, в Польшу. Но там ему не повезло, и он не нашел людей, которые могли ему помочь, к кому он шел. Попытался подрабатывать, где придется, и вскорости теперь уже немцы его арестовали и отправили в лагерь, где содержалось много украинцев. Потом тех заключенных, кто согласился вместе с немцами бороться за свободу Украины от «советов», ну, ...и деда тоже, перевели в учебный лагерь где-то в Германии. И с немцами он во Львов вернулся в конце июня, когда война началась...

«Да, девочка, дедушка у тебя, оказывается, не простой. Был. Не сельский затурканный полицей. Соловей, соловей – пташечка! Батальон «Нахтигаль» – ни много, ни мало, получается так. «Роланд», тот, летом сорок первого участвовал в операциях в районе Кишинева. А «птичка певчая» полетела прямым ходом на Львов. Или «шущман»? Нет, «шущманшафты» – батальоны украинской охранной полиции, каратели и борцы с партизанами, формировались из добровольцев немного позднее».

ОУН-овская, «бандеровская» тематика досконально прорабатывалась и в Высшей школе КГБ в Москве, и особо – позднее, когда Александр Васильевич вернулся работать на Украину. Рьяные, убежденные

националисты в основной своей массе полегли в боях с истребительными отрядами НКВД и СМЕРШа в конце войны и в первые послевоенные годы. Выжили в большинстве ренегаты, сотрудничавшие с органами НКВД, регулярно «стука» на своих, устроенные со временем на работу, получившие от ненавистной Советской власти квартиры. Тема шлейфом тянулась через годы, так как еще были живы, да и живы сейчас, персонажи украинского националистического «супротиву».

А из добровольцев «Нахтигалья» и «Роланда» в конце сорок первого немцы сформировали двести первый штурманшафт-батальон, где заместителем командира майора Побегущего был легендарный для националистов гауптман Абвера, кавалер «Железного креста» Роман Шухевич, впоследствии руководитель УПА – Украинской повстанческой армии. В марте сорок второго фашистское командование перебросило батальон в Белоруссию для борьбы с партизанами. Там, в составе полицейской дивизии под руководством обергруппенфюрера СС Эриха фон Бах-Целевски были сожжены десятки деревень, убиты многие тысячи жителей. Отметился двести первый во многих городах и селах Белоруссии и Украины. В Хатыни отличился сто восемнадцатый украинский штурманшафт. Ровенское гетто, Бабий яр... За какие заслуги перед рейхом давались «кресты», медали и звания? Немцы предпочитали руководить в кожаных перчатках, а грязную работу, по инструкциям Гимmlера, перекладывали на плечи этнических национал-партиотов. А сейчас на Западной Украине Бандере, Шухевичу и иже с ними ставятся памятники, в их честь называются улицы...

Генерал понимал, что там, на Западной, люди имеют право ненавидеть НКВД за гибель невинных людей, как и в целом на просторах одной шестой суши. Но НКВД и «советов» уже давно нет, а

ненависть так и осталась, ищет выхода и находит, распаяля и отравляя сознание.

Нельзя бесконечно жить прошлым, тащить за собой все обиды, кровь и грехи. Когда на высшем уровне был дан зеленый свет националистическим партиям и движениям, как необходимой составляющей государственной независимости, и Служба перешла с ними на «мягкий режим» взаимоотношений, Александра Васильевича совсем не удивляло, что многие негласные сотрудники, бывшие члены КПСС резко и вдруг перекрасились в желто-блакитные цвета и возглавили национальные колонны. Удивляла их прорезавшаяся неадекватность – времени, истории, окружающей жизни. Галичане задавали экзальтированный национально-патриотический тон. Нутром чувствовал, он и они – разные, хоть и пишутся в паспорте одинаково – «украинец».

«Они – почти европейцы, получившие «вышкил» и ментальный заряд в золотую пору австрийских Габсбургов. Он – типичный украинско-российский «совок», не прошедший, к своему счастью, через сталинскую преисподнюю, ностальгирующий за безмятежными брежневскими временами. Такой вот он есть. Уж лучше – «совок», чем «почти». У них, западнцев, другая культура, история, вера, мировоззрение другое. Но нельзя же, в конце концов, вопреки фактам, бесконечно твердить на черное – белое и массово терять рассудок из-за многолетней ненависти ко всему, что лежит по за межами собственного свитогляда?! Одним из моторов развала Союза была Украина, ну, и Ельцин, конечно, которому разные Бурбулисы внушали, что надо, в конце концов, России отряхнуть с себя присосавшихся паразитов – Прибалтику, Среднюю Азию и Кавказ... А внутри Украины мотором самостоятельности и незалежности активно выступали лишь западные области. Крутили страной, как хвост собакой, хотя, надо было бы как раз наоборот.

Остальным-то было и так хорошо, во всяком случае, не настолько плохо. А ведь еще в начале прошлого века царский министр Дурново называл западно-украинские земли не иначе как «троянским конем Империи». И категорически предостерегал царя Николая от включения их когда-либо в состав страны. Понимал. Да. У кого, что болит...»

– Кхе... хм...

– На чем я остановилась? – Вероника встрепетнулась после затяжной паузы.

– Дед с немцами вернулся во Львов, работал в полиции и в лагере увидел юную цыганку. Про Белоруссию он не упоминал?

– Нет. Никогда не говорил. А что?

– Ничего. Продолжай.

– Да, он ее увидел и в один миг влюбился. И она. Вокруг война, смерть, а у них...

– ...любовь с первого взгляда?

– Я же просила – не сбивай меня!

– Извини. Продолжай, мне очень все интересно, – генерал успокоительно погладил ее руку. – История действительно удивительная, достойная и кино, и книги. Серьезно.

«Как вся наша жизнь, стоит только глубже копнуть».

– ...Он узнал, что ночью партию заключенных, в том числе и ее, будут отправлять дальше. Да! Так вот, дед помогает ей спастись из лагеря. Все свои деньги и ценности, что у него были, еще и у друзей одолжил, он заплатил охранникам, чтобы те ее выпустили. Бабушке и дедушке повезло, что охрана вербовалась из наших, из украинцев. Иначе бабушке не остаться в живых. С немцами б ни за что договориться не удалось. И так еле живая осталась. Дед вывозил ее в бричке, полной сена, и охрана обязана была все сено острыми штырями протыкать. Ткнули пару раз для вида, а все равно бабушке в ногу, в бедро, попали.

Но она терпела. Молчала, как ни было больно, и рану юбками зажимала. Хорошо, на ней их три или четыре было надето. Вот. Привел он ее к себе, и они стали жить вместе. Как муж и жена.

– Вероника, извини, а он все это время находился во Львове?

– Не знаю. Наверно. Если и уезжал, то ненадолго. У бабушки можно будет уточнить, если хочешь...

– Не нужно.

– ...Ведь на улицу она не могла выходить. Он прятал ее, а за это, если бы немцы узнали – расстрел. И не посмотрели бы, что в полиции служил. А когда наши, ну, Красная армия, стала наступать, он ушел с немцами, но они с бабушкой договорились, что после войны каждое воскресенье она будет ждать его возле собора святого Юра. Вместе с русскими вскоре и табор вернулся, поредевший уже, конечно. Из мужчин – только дети, взрослые на фронте, старики все погибли или умерли. Бабушка жила то в таборе, то в городе, но почти два года по воскресеньям приходила утром к собору и ждала до ночи, дотемна. А в сорок шестом году дед вернулся. Бабушка его сразу узнала, издалека, хоть он был без усов и прическу сменил. Рассказывает, только плечи увидела, ноги подкосились, ахнула и упала на землю. Сознание потеряла. Дед говорил, что он мог свободно в Америку уехать. Многие из его сослуживцев тогда перебрались в Англию. Но он, рискуя жизнью, вернулся к любимой. Они уголок в какой-то лачуге сняли, и опять стали жить вместе. А ее, за то, что сошлась не с цыганом, изменила своему народу, из табора навсегда изгнали и в придачу прокляли по-ихнему. За нарушение цыганских законов. Вот...

«Вот так просто взял и пришел? Оттуда. Через несколько стран и границ. А может, что вероятней, на парашюте спустился в родные края? Понятно –

любовь. Но сорок шестой – как раз самый разгар бандеровщины. Война после войны. Боролись за независимость, но получилось так, что сопротивление Советской власти превратилось в террор против народа – председателей колхозов, учителей, партийных работников, почтальонов, их жен, мужей и детей. Теперь только и остается «героическое прошлое» переодетыми энкаведистами прикрывать».

– ...Чуть больше года они так прожили и деда чекисты взяли. Бабушка считает, кто-то признал и донес. Ему вообще возвращаться во Львов было очень опасно, он был офицером, и его многие знали в лицо. Но он к ней вернулся, хотя, как сам говорил, знал, что рано или поздно его все равно арестуют. Вот так. Отправили деда в лагерь в Сибирь, и много лет от него не было никаких известий или писем. Бабушка тогда молодая была и очень красивая, за ней многие ухаживали, хотя, в то время после войны мужчин очень мало осталось. Но она всем отказывала и жила одна. Она все равно все годы его ждала, чувствовала сердцем, что он живой. Уверена была. Говорит, ждала бы всю жизнь до самой смерти. А если бы с ним что-то случилось, она бы почувствовала. В середине пятидесятых некоторые люди начали возвращаться оттуда, но о деде никто ничего не знал. А в пятьдесят восьмом от него письмо пришло, он знакомым для нее написал, и те ее отыскали. Она это письмо одиннадцать лет ждала. А через два года и дед вернулся. Ему во Львов запрещено было возвращаться, разрешили поселиться в Нововоронцовке в Херсонской области. Она приехала к нему. Вот. И уже не расставались ни на один день за всю жизнь.

«Не вернулся во Львов потому, что перед своими были грехи. Это факт. Иначе – расстрел. А так – жизнь сохранили, хоть и в лагерь отправили. Такой приговор надо было еще «заработать». Тринадцать

лет отсидел. Обычно круглые давали срока – двадцать пять, двадцать, десять... Что может от человека остаться после двадцати лет лагерей?»

– Прожили они вместе больше сорока лет, но так и не расписались официально из-за того, что табор ей запретил – такой цыганский закон. Дед всю жизнь рыбалкой на Днепре занимался, бабушка – на разных работах, а больше дома по хозяйству, да на огороде. Во время войны и сразу после нее, когда дед вернулся, она не беременела, хоть тогда и не предохранялись. Думали, что детей никогда не будет, а тут троих родила, одного за другим, и маму мою. Потом еще. Говорят, Бог так устроил, все по его воле. Вот. После девятого класса я на каникулах у них отдыхала. С дедом на лодке на воду выпшли, он крепкий был, до последнего дня на рыбалку ходил. Летом на воду, зимой на лед, он мне всю их историю и рассказал. Только мне. Даже мать не все знает, как я. А умер дед за столом. Сидел, ждал обед. Только к стеночке прислонился и отошел. Бабушка даже не заметила сразу. Думала, придремнул. Беспокоить не стала, ...а он и не дышит.

Вероника замолкла, утомленная эмоциональным рассказом. Александр Васильевич продолжал держать руль по возможности ровно. Ветер сдувал с асфальта дороги мелкую белую крупку. Призраки прошлого пронеслись перед ними, как пролетали и терялись в пространстве, убегающие вдаль деревья, голые кустарники и редкие, подрабобренные жителями окрестных селений, остановки. Пронеслись, но не исчезли – призраки имеют обыкновение укладываться в памяти, в сердце, чтобы однажды вернуться.

– Да... история... – по-новому, сквозь призму времен и генетики, посмотрел на рассказчицу генерал. – А я сразу почувствовал в тебе что-то такое колдовское. Недаром течет цыганская кровь.

– Ой, во мне много всего течет, если посчитать.

По маминой линии – четвертушка цыганской, четвертушка украинской, но дед говорил, что в ней и черкесская, и румынская есть. Папа – русский, но у него тоже набор хромосом – кроме русских, и татарские корни, и латышские. Прапрадед из северных поморов.

– Целый интернационал.

– Точно, – улыбнулась Вероника. – Знаешь, бабушка мне как-то призналась, дед каждый день ее до своей смерти любил. Добирал за все годы, что не были вместе.

– В смысле?

– Любил вообще и физически тоже.

– Да ну... ему же за восемьдесят было?

– Восемьдесят два.

– Ну, знаешь, это вряд ли, что до самой...

– Не знаю. Я верю. Она вроде бы в шутку сказала, но – серьезно так получилось. И вообще бабушка редко шутит. Чаще молчит.

– То есть, недаром она его большим грешником считала?

– Это – другое совсем... – осеклась Вероника.

– Что, успевал и налево ходить? – спросил Александр Васильевич и сам тут же почувствовал неуместность и бестактность вопроса. – Извини.

– Нет. Налево дед не ходил. Просто... он считал, что... что... – девушка замолчала и отвернулась.

– Можешь не говорить ничего, если тебя что-то смущает.

– Я расскажу, ...только ты никому, хорошо?

– Хорошо. Ты имеешь дело с профессиональным хранителем секретов, так что, не сомневайся и не переживай, – генерал переключился с «габаритов» на «ближний свет». Сбросил скорость, перейдя на третью передачу.

Темнело. Асфальт постепенно сменился до блеска укатанной белой коркой. Встречные машины

неспешно ползли по гололеду, сбиваясь в многоглазые караваны.

— С ним в конце войны случай произошел, о котором он очень сильно жалел всю жизнь, переживал и молился. Прощенья просил у Бога и человека, ...которого убил. Он считал, что в лагерях его только молитва спасла об этой душе и любовь бабушки. ...Однажды осенью он столкнулся в лесу с красноармейцем. Дед без оружия был, а тот парень с винтовкой. Молоденький такой, вместо усов светлый пушок. Белобрысый и розовощекий. Дед запомнил его... на всю жизнь.

«В лесу без оружия, значит, к «братьям лесным» наведывался. Не за грибами ж по полоньям бродил? Дедушка».

— ...Солдат приказал руки поднять и повел к своим. Пока шли, дед стал упрашивать парня, чтобы тот отпустил его. Война закончилась, мол, уже хватит смертей. Уговаривал, что жена ждет, очень любит ее, а его сейчас «красные» расстреляют, раз поймали в лесу. Мол, ты человек и я человек, не губи, давай разойдемся, не бери грех на душу. Красноармеец шел молча, а потом остановился. Ладно, говорит, уходи к своей жене, меня тоже дома девушка ждет, а то, что расстреляют, то верно — ребята злые, много бойцов в отряде полегло. Дед поблагодарил его, развернулись и двинулись в разные стороны. Тут дед о булыжник, будь он неладен, споткнулся. Как затмение на него нашло — перед глазами встали родители, братья, сестра, и такие же красноармейцы их толкают в вагон. Схватил камень, развернулся и, что есть силы, бросил солдату в голову. Тот упал. Дед подбежал, выхватил винтовку и штыком заколол его. В горло. А потом... парень этот ему часто снился. Много лет по ночам приходил. Дед просыпался, к иконе шел. Молился. И в лагере тоже молился. Прощенья просил. Говорил, Бог простил, раз детей дал. И солдат простил, пере-

стал приходить. А сам себя не могу простить. Маюсь душой. Закрою глаза, и вижу, как солдатик хрипит, а кровь толчками, как фонтанчиком бьет, по листьям бука течет. Листья яркие, золотистые и оранжево-красные – намокают от алой крови, буреют. А он смотрит и смотрит в глаза...

Некоторое время ехали молча. Вероника устала от рассказа. Переживала. Закрыла глаза, глубоко дышала. Александр Васильевич под впечатлением задумался в очередной раз о смысле бытия, мимолетности жизни и вечности души, если она, то есть, душа, есть. О жене и дочери, изводящихся в Турции, полковнике Романенко, лежащем в больнице под арестом, о ребятах, попавших под раздачу по их с Сергеем милости, об эфэсбэшниках, земля им пухом.

«Пути по-прежнему неисповедимы, а мы с нашей свободной волей настойчиво выбираем всё не те и не те. Как попутал лукавый, так и не отстают ни на шаг».

Глава 37

— **В**от мы и приехали, — произнесла Вероника, когда машина миновала дорожный знак с названием населенного пункта.

— Родное село?

— Не село, а поселок городского типа и, между прочим, даже райцентр.

— Тогда это в корне меняет дело.

— Здесь мама родилась, а я — в городе. На следующем повороте налево, потом направо, я буду говорить, куда ехать.

Александр Васильевич послушно крутил баранку то влево, то вправо, внимая указаниям гида, и вскоре они притормозили почти на окраине райцентра. До конца улицы оставалось три-четыре дома. Далее на пологом речном склоне расстились поля, плавни и прочие пространства, убеленные снегом и сокрытые вечерней темнотой. Фары уперлись в голубые металлические ворота. За забором из штакетника просматривался небольшой одноэтажный дом, обложенный белым силикатом. Залилась высоким лаем собака.

— Гай! Гаюшка! — обрадовалась Вероника, выпорхнула из машины и исчезла за калиткой, предварительно глубоко просунув руку и открыв знакомую задвижку. — Я сейчас!

Генерал вышел размять колени. Прошелся вдоль машины по мягкой, липнущей к подошвам, нескрипучей пороше. Собачка дежурно подгавкивала со двора на постороннего человека без какой-либо злобы,

просто сигнализируя хозяевам, что она при деле и ситуация находится под контролем. На дальнем конце улицы горел одинокий фонарь, скорее всего, возле какого-нибудь частного домашнего магазинчика. Слабый, неопределенного направления, ветер колебал в разные стороны голые ветки невысоких, похоже – вишен, деревьев, насаженных вдоль домов. Спокойствие и тишина. Благодать. Только отдаленные шумы машин с трассы – как позывы проезжающей мимо цивилизации.

Во дворе включилась тусклая желтая лампочка. Ворота загремели, открылись. Собачка взбудоражилась и активизировалась, провоцируя окрестный соседский лай.

– Гаюшка! – Вероника потрепала за морду небольшое симпатичное мохнатое существо. – Вот, ты разгавкался, местный секьюрити! Давай, иди в будку. Гай, в будку! Сап, заезжай!

– Цыть! – на пороге дома показалась хозяйка. И песик живо юркнул в собачью конурку.

Машина вкатилась на длинную бетонную полосу возле дома, укрытую во всю длину арматурной аркой под виноград. Собачка подавала недовольный приглушенный голос из будки. Ника закрыла ворота.

– Здравствуйте! – генерал покинул машину под внимательным взглядом сверху.

– Добрый вечер! Проходите до хати! – хозяйка кивнула повязанной платком головой и скрылась в дверном проеме.

– Прямо взлетно-посадочная полоса тут у вас, – Александр Васильевич вытащил из багажника сумку.

– Две машины помещаются, а с «Запорожцем» так три. Дед специально сделал, а то родственников много, все на своих колесах приезжают. Ну, идем.

Миновав холодную веранду, гости попали в тесный «предбанник», а из него, через сдобренную печеными кулинарными ароматами кухню, в небольшую,

но аккуратную, с низкими потолками комнату. Теплую, натопленную залу, с неизменными атрибутами – телевизором «Электрон», диваном, столом под скатертью и полированной красно-коричневой «стенкой» семидесятых годов, ее не самой громоздкой частью.

Вероника отрекомендовала бабушке своего «хорошего знакомого, военного, Александра Васильевича, которому было как раз по пути». Представила генералу любимую «ба», бабушку Аню, Ганну Ивановну. Бабушка выглядела молодцевато для своих семидесяти восьми. Как минимум, лет на пятнадцать моложе. Ниже среднего, сухонькая, но вполне крепкая и подвижная. На лице, несшем черты былой красоты, выделялись широко поставленные, все еще миндалевидные карие глаза и крупноватый нос с горбинкой. Судя по всему, немало сердец в свое время разбилось пред этой таинственной женщиной.

Одета «ба» была вроде и по-цыгански, но и не без налета «секонд-хендовской» современности. В неясное количество традиционных цветастых юбок «ба» заправила ярко-красную футболку с черным «ирокезом» на груди и логотипом «iesel» по кругу. Сверху футболки – короткая светло-коричневая замшевая жилетка. На голове – пиратски повязанная косынка, стягивающая сзади седые волнистые волосы. Надеть на ноги высокие кованые ботинки, и вполне можно размещаться на заднем сиденье «Харлея» за спиной дедушки, прикинутого в косой кожан с байкерскими цепурами и прибабасами.

– Ба у нас крутая, да? – Вероника обняла бабушку, поцеловала, погладила по голове. – Я ей банданы клёвые подарила, чтоб вместо старушечьих платочков носила. И она носит!

Александр Васильевич молча согласился. Он чувствовал себя неловко, прямо не в своей тарелке под цепким пронизывающим взглядом Ганны Ивановны.

– Сідайте за стіл. Повечеряймо як раз. Нещодавно щось вирішила пиріжків спекти. Нібито чула десь гостювальники до мене прямують.

– Ба, я допоможу тобі, гаразд? – Вероника подхватила за бабушкою на кухню.

На столі появились две миски с пирожками. «З сиром» – домашним творогом, и «картоплей з луком», литровая банка желеобразного плотного кисляка, сметана, копченый нарезанный лец, соленые огурцы, высокая бутылка домашнего темно-фиолетового вина и пол-литра самогона, настоянного на орехах.

Трапезничали под вечернюю поздравительную программу областного телеканала, по всей видимости, предпочитаемую хозяйкой. Внучка щебетала про столичную жизнь, учебу, революцию и Майдан, из-за которого Андриуша не смог вместе с ними приехать.

– Це не той хлопець, що до матері вчора дзвонив, а мати вже мене й про тебе питала? – в этом месте «ба» внимательно посмотрела внучке в глаза и перевела взгляд на «одного хорошего знакомого».

Вероника, как ни в чем не бывало, стрекотала дальше. Все нормально, она оставила Андрею записку, а он не увидел, вот весь сыр-бор и разгорелся. По мобилке звонила, всех успокоила, всё уже хорошо. No problem, charming grandma.

Выпили за знакомство. Генерал – рюмку крепкого, градусов шестьдесят, но качественного прозрачного самогона чайного цвета. Знаменитый «Johnnie Walker» скромно отдыхает и пылится в дальнем углу. Женщины пригубили вино. Александр Васильевич похвалил пирожки. Нежные, с легким тестом, с пылу с жару, они прекрасно укладывались поверх алкоголя в компании с плотной сметаной и хрустящими огурчиками.

На расспросы внучки Ганна Ивановна отвечала скупой и односложно, с изрядной долей стариковского фатализма.

Життя важке, пенсії підвищили, але все одно коштів вистачає ледь-ледь. Богові хвала, допомагають і підтримують діти та гавкун цей не дає бабці нудьгувати. Ніяк ні обвикнеться без діда, рідного Костя. Не хочеться навіть ні дихати, ані жити без нього. Однак не час ще їм матися разом. А позавчора Ритка Маньків приходила, розпитувалася про тебе.

– Ритка?! – обрадовалась Вероника. – Ой, я ее уже сто лет не видела! Не говорила, надолго приехала?

– Казала, що до Різдва в батьків буде, а вже після сьомого на навчання поїде.

– Это подружка, – об'яснила Вероника Александру Васильевичу.

– Я понял.

– Я почти каждое лето у бабушки и дедушки отдыхала, так мы с Риткой тут пацанов ох как гоняли...

– Це ще питання, хто кого ганяв.

– Ой, ладно, ба, а как мы Сережке за пазуху ужаска кинули?

– Чи не за те він вас ледве в річці не потопив?

– Прямо так и потопил, ...ну, поплавали немножко, – Вероника поднялась из-за стола. – Я сбегаю, пока не поздно. Ненадолго. Тут рядом. Утром ведь уезжаем.

– Я провожу, – он двинулся следом за ней.

Не надо бы ей куда-то ходить, но Вероника не спрашивала, можно или нельзя. Сама себе разрешила. И бабушка внимательно смотрит на них. Фиксирует. Александру Васильевичу не нравился такой поворот сюжета. Звонки Андрея, матери. Они были совсем ни к чему. Надо бы сняться, да ехать дальше, налив в термос чай, прихватив пирожков. Но им овладела какая-то апатия, а скорее, усталость. И он не мог повлиять на события. Мог только выразить к ним свое отношение. Выразить исключительно себе самому. Вероника естественно пребывала в этом домишке,

предвкушала встречу с подружкой, и на каком основании он должен ограничивать ее в этих радостях? А утром она хочет заехать на кладбище к деду. Затем-но покинуть село не получится.

– Не надо. Здесь рядом – на следующей улице. А вы пока с бабунькой чаю попейте. Новости послушайте, – Вероника набросила пальто и выскочила на улицу.

Генерал возвратился за стол. Есть и пить не хотелось. Беседа не клеилась. По телевизору закончили поздравлять «дідусів і бабусь, мам и пап, детей, внуков, тётъ, дядь и любимых племянников». Пол девятого. Начались местные новости. Последний вечер предвыборной агитации.

– Відпусти її.

– Что? – ему показалось, что голос Ганны Ивановны прозвучал где-то внутри него, в голове.

– Відпусти дівчину цю, – бабушка смотрела ему прямо в глаза, говорила негромко, но как-то особо уверенно и значимо. – Ти не її мужчина.

– Я не держу ее... что вы... – смутился Александр Васильевич. – Вероника свободный человек.

– Втримуєш ти її. Серце її приваблюєш своєю чоловічою силою, – Ганна Ивановна смотрела генералу в глаза, скорее даже сквозь его глаза в только ей зримую даль.

– Если на то уж пошло, то скорее это она меня манит, притягивает или приворожила, – он решил не совеститься и не оправдываться перед Вероникиной бабушкой, а говорить начистоту. Чистосердечное признание и явка с повинной всегда облегчают душу, а иногда и судьбу проштрафившегося. – Со мной она вольна во всем. Уйти или оставаться. Она говорит «да» или «нет». И я понимаю, что ее жизнь и моя пересеклись и вот-вот разойдутся.

– Ця дівчинка йде по життю, як по квітковому полю, і збирає до себе всі квіти, інде деякі з котрих бодай і торкатися не потрібно.

– Вероника живею своєю життяю, просто так... обставителства сложились, что нам надо побыть еще два дня вместе. Для нее будет лучше...

– Задля неї буде набагато краще, якщо ти не будеш притримувати її крила. Хай летить високо. Задля цього вона народилася на цьому світові.

– Ну да, человек создан для счастья, как птица для полета, – процитировал революционного классика Александр Васильевич.

– Маячня це, бо безглуздість. У кожній людини свій шлях. Польоти та падіння. Їй летіти. А тобі... тобі... приготуватися необхідно.

– До чого приготуватися? – генералу стало не по себе, холодок пробежал по спине.

Ганна Ивановна повернулася к телевизору, словно не слышала его вопрос, с таким видом, как будто и не было всего этого странного разговора между ними. Иносказательного, но предельно откровенного и понятного за исключением ее последней фразы.

– До чого мені приготуватися потрібно, Ганно Іванівно? – он невольно повысил голос переспрашивая.

– Я не бачу – до чого. Не пізнаю. Напевне щось кепське, недобре... – бабушка поднялась и стала убирать со стола.

– Я прогуляюся немного. Подышу. Собачка ваша, барбос, не укусит?

– Уже ні. За свого признав. Та він взагалі не кусається, лише гавкає, бабці дзвіночок.

Александр Васильевич набросил «аляску» и вышел во двор. Песик порычал для проформы, лениво гавкнул и не вышел из будки. Погода неожиданно быстро переменилась. Ветер совсем стих. В воздухе появилась прозрачная морозность. Облака рассеивались. Кое-где на ночном небе стали видны неясные звезды. Генерал нащупал задвижку калитки. Вышел на сельский простор. Побродил по дороге туда и обратно, особо не отдаляясь. Старался осмыслить и

понять, что сказала ему Ганна Ивановна. Приготовиться к чему-то плохому, недоброму. Что он, собственно говоря, только и ждет. Пожеланье Вероникиной бабушки прозвучало сугубо в контексте.

– А вот и я! Привет! – Вероника слегка толкнула его в спину.

– Привет! – он повернулся. – Увидела подружку?

– Да. Поболтали немного. А что ты тут делаешь?

– Ищу.

– Что ищешь?

– Свое счастье.

– И какие успехи?

– Нашел.

– Неужели?

– Но ты же пришла.

– Ты как всегда врешь, но все равно мне приятно, – она быстро чмокнула его в щеку. – Идем?

– Я не вру. Идем... – Александр Васильевич обнял ее, как девушек в юности, за талию и они двинулись по направлению к калитке.

Во дворе Вероника прошла по бетонке за машину в сторону сарайчика, а может быть летней кухни. В темноте хозяйственное предназначение строения окончательно не идентифицировалось.

– Иди сюда... – негромко позвала.

– Иду... пришел.

– Ближе... – Вероника притянула его к себе и крепко прижалась губами в затылочном поцелуе. Оторвалась, задохнувшись дыханьем. – Я...х... хочу тебя.

– Здесь и сейчас?

– Now and then!

– Ну... неудобно...

– Удобно! Здесь ниоткуда не видно.

– Мне неловко, Вероника, я не знаю...

– А я знаю! – она решительно, с какой-то даже экзальтацией, расстегнула его, вернее Андриюшину, куртку, на брюках ремень, молнию...

– Вероника, не надо... я не хочу так, – он отстранил ее, погладил по щеке, волосам. – Извини, что-то нет настроения.

– Боже мой! Какая идиотская фраза! А ведь мы еще не успели прожить с тобой каких-нибудь двадцать или двадцать пять нудных до зубной боли лет?! Осталось только сказать «дорогая, извини, я сегодня устал, хочу спать»...

– ...отвернуться, захрапеть, а рано утром уехать на рыбалку.

– Да. Точно... – она привычно запустила пальцы в его короткую жесткую шевелюру. – Ты все-таки милый, несмотря ни на что, мистер Большие Неприятности.

– Да... я такой.

– Тогда идем в дом. Будем пить чай с абрикосовым вареньем и пирожками. Остались еще «пырижки»?

– Yes, of course.

Глава 38

Вероника постелила им в зале на разложенном диване. Вместе. Бабушка все понимает, а потому играть в супер-пупер целомудренность и девичью скромность не было никакого смысла. Половой вопрос не возник, не поднялся сам собой не только ввиду крайней слышимости и близости комнат. Душевное состояние Александра Васильевича после беседы с Ганной Ивановной находилось в некотором смятении, и не располагало к плотским утехам. Генерал обнял девушку, положил руку на грудь и скоро уснул, сморенный обстоятельствами, домашним теплом и отчасти ореховым самогоном. Молодая, крепкая нервная система Вероники тоже не страдала бессонницей.

Проснулся он не рано, чтобы подняться, но и не поздно, чтобы уехать. Субботнее утро декабря двадцать пятого серело и развиднялось за окном. Александр Васильевич лежал на спине, заложив руки за голову, слушал незнакомую тишину, нарушаемую доносившимися со двора и из дома звуками, чувствовал, как бежит, как убывает пронизывающее всё и вся время. А он беспечно, безответственно лежит и не думает будить, спящую рядом, прекрасную обнаженную нимфу.

Из кухни в залу проникали аппетитные запахи и хозяйственные перестуки. Ганна Ивановна готовила что-то вкусное, иногда выходила во двор, где убедительно переговаривалась с верной собачкой. Вероника повернулась к нему, обняла.

– Хорошо у бабули, да?

– Да. Хорошо.

– Так спокойно. Тихо. Давай, останемся здесь?

– На всю жизнь?

– На один день.

– Нет.

– ...а завтра вернемся в Киев?

– Нет. Мы вернемся во вторник. А сейчас встанем и поедем.

– К твоему другу?

– Да.

– А зачем нам ехать к твоему другу?

– Движение – это жизнь, – генерал почувствовал, что фраза прозвучала надуманно и фальшиво. – Лучше уехать. Осталось два дня.

– И что? С понедельника «мы будем жить теперь по-новому»? – в ее голосе слышалась нескрываемая ирония.

– Может быть, – Александр Васильевич не имел желания углубляться в спор. Хотя, в окружающей действительности мало, что изменится, ему эта «новая жизнь» ни с какой стороны не улыбалась.

– Саш, я много думала...

– Когда?

– Ночью. Ты спал, а я думала...

– И что ты надумала?

– Извини, Саш, я не поеду дальше с тобой. Не обижайся только, но ты езжай сам.

– Почему... ты так решила?

– Потому, что это – твоя жизнь. А я здесь совсем ни при чем. Просто случайность.

– Я понимаю... случайность. Для меня – нет. Ты для меня не случайность.

– Я о твоей работе, о ...делах твоих говорю, Саш. Будет лучше, если мы разойдемся сейчас. Пусть уляжется все, а... там посмотрим. Ведь жизнь не заканчивается?

– Не заканчивается, – согласился генерал. – Просто, я хочу, чтобы с тобой ничего не случилось и... смогу тебя защитить.

– ...и будешь меня за собою все время возить?

– Мы же договорились. Во вторник возвращаемся в Киев.

– Нет. Я возвращаюсь сегодня. Или завтра.

– Каким образом?

– Самым простым. Автобусом. Пойду на автостанцию. На кладбище к деду найду – там рядом. Если проходящего рейса на Киев не будет, поеду на Днепр, а оттуда или автобусом, или поездом. Андрюшка уже с ума без меня сходит...

– Ты звонила ему?

– Да.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Я же просил?!

– Не волнуйся, я звонила с Ритинового мобилника.

– Это не имеет значения.

– Ну, извини... я ведь тоже... не из дерева сделана. И Андрюша... в чем он виноват?

– Ни в чем... он «виноват лишь в том, что хочет мне кушать».

– Вот видишь, ты же сам все понимаешь.

– Понимаю....

– Лады?

– Лады. Проехали. Я согласен. В понедельник – послезавтра мы с тобой возвращаемся в Киев. А сейчас...

– Нет. Не отговаривай, я так решила. Извини, Саш.

– Ника?!

– Пожалуйста, отпусти меня?

– Ты совершаешь ошибку, Вероника.

– Может быть. Это не первая и не последняя из моих ошибок. Надеюсь, – она грустно усмехнулась.

«Так, наверно, зачастую и в крупных делах все летит в тартарары или просто-напросто коту под хвост, из-за женских капризов, мужских эмоций, совершенно нерациональных, но обычных человеческих чувств и поступков».

В годы его учебы в Москве в КГБ ходила легенда, а теперь уже и не легенда, а реальность, что супер-женщина мира – Мэрилин Монро в свое время находилась в действительной разработке наших всепроникающих «органов». На пике перестроечной гласности материалы по Ли Харви Освальду, американцу, прожившему некоторое время в Союзе, и имевшему русскую жену Марину из Минска, – официально убийце президента США Джона Кеннеди, и по секс-легенде – кинодиве были переданы Комитетом в ЦРУ. Эдакий акт доброй воли в напрасной надежде на взаимность.

Из материалов досье выходило, что сотрудник советской разведки в течение некоторого времени являлся одним из любовников живой богини. Настолько сильно влюбился, что так и не смог предстать перед ней не джентльменом, а вербовщиком – подлым шпионом. Пожертвовал собственной карьерой. Покаялся начальству в своих больших и искренних чувствах и напрочь отказался вербовать предмет всепоглощающей страсти. Естественно, разведчик был отозван из Штатов, понижен в должности, звании. Накануне отлета, девятого апреля шестидесятого года он позвонил любимой Мэрилин в Лос-Анджелес и попрощался с ней, ни о чем не подозревавшей, навсегда. И жил с чистой совестью, во всяком случае, в отношении ее. Вот такая легенда, а может быть явь.

А прекрасная Мэрилин Монро пострадала и без коварного КГБ. Став любовницей президента Джона Кеннеди, а затем его брата Роберта, министра юстиции, как это часто случается со звездами, слишком

ярко она загорелась и вскоре погасла. А, скорее всего, погасили. Загасили. В шестьдесят втором, как раз накануне своего до сих пор сомнительного самоубийства, Монро встречалась с Бобби – Робертом Кеннеди. Они ссорились, Мэрилин угрожала поведать прес-се всю правду о предполагаемом вторжении американцев на Кубу и еще о разных интересных вещах. Министр юстиции поздним вечером покинул любовницу в крайне расстроенных чувствах, а к утру ее нашли мертвой от передозировки снотворных таблеток. Агенты нашли раньше, когда актриса еще подавала признаки жизни, но удалились и подождали в доме напротив, пока «объект будет готов». А вскоре погибли от выстрелов сиятельные братья. В шестьдесят третьем – президент Джон Кеннеди. Пятью годами позже – сенатор и кандидат в президенты Роберт Кеннеди.

Также в начале шестидесятых в чопорной Великобритании случился «секс-скандал века» с министром обороны Джоном Профьюмо, уличенном в аморальной связи с проституткой высшего пилотажа красавицей Кристиной Киллер. В то время восемнадцатилетняя Кристина пребывала любовницей доктора Стивена Уорда, пациентами которого являлись, к примеру, экс-премьер-министр Уинстон Черчилль, миллиардер Поль Гетти и дипломат, финансист и политик Аверелл Гарриман. Доктор славился как хороший художник, и ему заказывали портреты даже члены королевской семьи. На даче за бриджем у модного доктора собирались политики, персонажи бомонда, и в том числе дипломат, а на самом деле сотрудник Главного разведывательного управления Генштаба министерства обороны СССР симпатичный мужчина Евгений Иванов, начавший разработку Кристины и министра Профьюмо. Была ли Кристина любовницей самого Иванова, мнения сторон расходятся диаметрально. Британские журналисты пишут, что – да,

и через нее Иванов выводывал военные секреты Королевства, в частности о возможных поставках ядерного оружия в ФРГ. Сам сотрудник советской спецслужбы утверждал, что, естественно, – нет. Во всяком случае, после тщательной общественной перетряски сомнительного постельного белья докторских апартаментов, где Кристина принимала Профьюмо, британский министр обороны подал в отставку. «Засвеченный» Евгений Иванов вернулся в Москву и, став невыездным, распрощался с блестящей карьерой. Летом шестьдесят третьего года против доктора Уорда открылся судебный процесс. Его обвинили в аморальности, в содержании борделя, в том, что он за плату поставляет высококлассных проституток состоятельным высокопоставленным клиентам, и многим другом. Писали о бисексуальности богемного эскулапа-художника. Не выдержав тотальной травли, доктор застрелился. А Кристине Киллер, фамилия которой дословно переводится, как «убийца», сейчас должно быть немногим за шестьдесят. Несколькими годами позднее в печати появилась версия, что банальная любовная интрижка была использована и неизменно раздута лейбористами, политическими конкурентами консервативного кабинета. И, скорее всего, именно она имеет право на жизнь.

Веселая история приключилась в Москве с президентом Индонезии Ахмедом Сукарно, основателем и председателем индонезийской Народной партии, лауреатом международной Ленинской премии.

Под Казанью, а может, и еще где, существовало мощнейшее специальное подразделение КГБ, готовившее секретных секс-агентов, идеально владевших приемами обольщения. Призывая выполнить патристический долг по защите Советской Родины, вербовались симпатичные студентки, спортсменки и балерины, которым обещали и высокую зарплату, и быструю карьеру, и разнообразные блага и привилегии.

Девушкам демонстрировали всевозможную порнографию, абсолютно избавляли от застенчивости и стыдливости, обучали различным приемам секса, проводя групповые оргии, которые снимали на пленку, а потом просматривали, подвергая анализу ошибки. Тела – это тоже оружие на передовом фронте изоциренной борьбы в «холодной войне». Объекты сексуальных атак изучались заранее – вкусы, пристрастия, извращения, чтобы никто не сорвался с крючка. Многократно отрабатывались ролевые игры под названием «знакомство». Оно всегда должно выглядеть совершенно случайным и не вызывать никаких подозрений.

Ахмед Сукарно слыл большим любителем групповых игр в постели. И во время своего визита в Москву в самолете, поднявшемся в небо в Джакарте, он познакомился с очаровательными «стюардессами» «Аэрофлота». Президент пригласил девушек в свой люксовский номер московской гостиницы, где провел с ними феерическую сексуальную оргию, отснятую в лучших ракурсах на две кинокамеры, установленные за зеркалами. Перед «серьезным разговором» президента Сукарно пригласили в кинозал для частных просмотров, где и презентовали подарок, продемонстрировав документальный порнографический фильм с его президентским участием. Сукарно посмотрел фильм и к удивлению советской стороны попросил сделать еще несколько копий для показа в индонезийских кинотеатрах.

– Народ еще больше будет гордиться своим президентом, когда увидит его таким сильным и дееспособным, – разъяснил президент Сукарно растерявшимся высоким чинам партии и КГБ.

Выдающегося мастерства добилась восточногерманская «штази» Маркуса Вольфа, разработавшая и осуществившая супер-операцию «Ромео» по соблазнению незамужних секретарш, работавших в высших

государственных учреждениях Западного Берлина, ФРГ, других стран. Проблема с одинокими секретаршами, трудившимися в разных секретных организациях Западной Европы, оказалась столь нешуточной, что в штаб-квартире НАТО в Брюсселе на стенах развесили плакаты, с призывами к женщинам «держаться сердца на замке». Однако, по признанию прославленного шефа разведки ГДР, иногда эти операции терпели крах и выходили из-под контроля из-за того, что люди по-настоящему влюблялись друг в друга.

Могучий воин Самсон доверился и открылся красавице Далиле. Утомленный любовью уснул, а коварная соблазнительница срезала волосы, таившие божественную силу героя. Филистимляне ослепили и заковали в цепи Самсона, а царь филистимлян наградил Далилу тысяча стами сиплями серебра.

Много разных историй – правдивых, легендарных, невероятных и еще более удивительных, и самых банальных, в том числе и из собственной жизни, хранила память генерала. Все люди поддаются слабостям и искушениям, совершают ошибки и упорно не учатся ни на своих, ни на чужих. Это факт.

Дорога убегала под машину серой, с грязными латками льда, лентой. Миновав извечно разбитый участок вдоль Каховского водохранилища, с рыбаками, рассыпанными черными семечками на белом снежно-ледяном покрывале до горизонта, населенный пункт с колоритным «гоголевским» названием Чортомлык, город Никополь – когда-то бойкое место чумацкого тракта, Александр Васильевич повернул колеса в сторону Запорожья. Опустил на три пальца стекло. Холодный влажный ветер ворвался в салон. Генерал поежился от мороза и взбодрился.

Это редко бывает, но сегодня Александр Васильевич поступил не так, как считал нужным. Послушал бабушку Ганну Ивановну, уступил Веронике. Наверно, так спокойней и проще. Но правильной ли?

Кто знает? Только Он. Как это трудно – всю жизнь надеяться только на самого себя! Ведь Он может помочь, хотя бы изредка, иногда. Как сейчас. Помоги нам, прошу Тебя! Пожалуйста, помоги! Защити ее! Я знаю, Ты можешь... Я прошу Тебя!

Ошибкой было к Веронике пойти – ибо слаб человек. Такой же ошибкой было – сегодня расстаться.

«...Вдвоем лучше, чем одному... Ведь если упдут, друг друга поднимут, но если одинокий упадет, нет другого, чтобы поднять его. Да и если лежат двое – тепло им; одному же, как согреться?»

Глава 39

Вероника распрощалась с собачкой. Обняла бабушку. Та перекрестила внучку три раза, поцеловала и напутствовала «нічого не боятися, підкорятися серцеві й робить так, як воно підказує, не дивуватися несподіваним зустрічам, дальнім шляхам, великим змінам у житті, ангел тебе підтримує, але й ти до нього прислухайся, дівчисько, трохи здержуй себе, золотко моє ненаглядне, кісточка, краплиночка наша рідна, лети, ластівко, хай Господь тобі спомагає, а мені щастя відпустить, тебе хоч би ще один лише разочок побачити на цьому світові».

Еще никогда расставание с бабушкой не было для Вероники столь грустным, драматическим и слезливым. Что-то на них обеих нашло. Она вытерла слезы платочком и ей, и себе, пообещала звонить, заезжать при первой же возможности, и с тяжелым сердцем направилась к Рите Манько. Позвонила подружке сказать «до свиданья», а та вызвалась ее проводить. Александр Васильевич два часа, как уехал после длительных с ней препирательств и уговоров, и Веронкина жизнь, дав трехдневный сумасшедший зигзаг, возвращалась в привычное русло. Болтая, за двадцать минут, они притопали к автостанции.

До Киева автобусов не было, на Днепропетровск должен подойти проходящий часа через полтора. Зато на Никополь грузилась маршрутка. А уж с Никополя на Днепр автобусы и маршрутки бегают каждые полчаса или того чаще. Попрощавшись с Риткой, подружкой веселого детства, с досадой отложив посещение

кладбища на следующий раз, Вероника заняла место у окна в салоне и вскоре уже тряслась на ледяных дорожных ухабах в громыхающей «Газели», измученной непрерывными автопробегами, как работающая кляча нудной изнурительной работой. Скучные вчерашние пейзажи теперь пробегали за окном в обратном отсчете. Девушка прислонила голову в зимней вязаной шапочке к стеклу и незаметно для себя задремала.

Проснулась она от толчка. «Газель» остановилась прямо в поле. Впереди перекрыл дорогу серебристый джип, прижав маршрутку к обочине. Мгновенно пришло осознание – вот оно. То, от чего они так настойчиво, но тщетно скрывались и убегали. Сердце екнуло вниз в пустоту. Екнуло спокойно и без страха. С чувством предопределенности и невозможности что-либо изменить. Сразу вспомнились слова бабушки «ничего не бояться и ничему не удивляться». Она постарается следовать этому напутствию. Ба знает лучше. Ей виднее.

Из джипа вылез здоровяк в высоких ботинках и черной спецназовской униформе. Сбоку под беретом закреплен наушник с микрофоном, и за спину под куртку уходит спиралью закрученный шнур. Спецназовец что-то коротко сказал водителю микроавтобуса, предъявив «корочку», и направился к пассажирской двери. Следом из джипа вышел еще один массивный боец в униформе с коротким «калашниковым» на шее. Встал перед носом машины, положив крупные руки на игрушечный по сравнению с размером кулаков, автомат, уставился сквозь лобовое окно внутрь маршрутки.

– Добрий день, громадяни! Служба безпеки України! Не турбуйтеся, шановні, звичайна перевірка документів. Будь ласка! – здоровяк втиснулся в салон, мгновенно выделив взглядом Веронику среди остальных пассажиров.

- Оружие? Наркотики?
- Тільки сало!
- Гарзд!

Для проформы спецназовец пробежал глазами, протянутые в его сторону паспорта и прочие пенсионные и ученические «ксивы». Взял паспорт девушки, внимательно полистал, закрыл, вроде как протянул документ владелице, но в последний момент задержал руку в воздухе. – Что ж это вы заставляете родителей так сильно волноваться, Вероника Николаевна?

- Я?! – ее рука тоже зависла в пространстве.
- Вы. Панина? Вероника Николаевна?
- Да...
- Ну? Что же вы, девушка...
- Что?

– Пропали! Родители вас потеряли, в розыск подали, а вы...

– При чем тут вообще мои родители?! Какой вообще розыск?!

- Розыск по Украине и странам СНГ. А вы...
- Это ерунда какая-то... я матери сейчас позво-

ню... прямо сейчас... – Вероника в спешке достала из бокового карманчика сумки телефон, аккумуляторную батарейку, принялась суетливо вставлять. Она торопилась и нервничала, задняя крышка мобильного телефона никак не закрывалась, не попадала точно в паз.

Спецназовец, не дожидаясь, вытащил из нагрудного карманчика мобильник, быстро нашел запрограммированный номер, нажал дозвон.

– Алло! Наталья Константиновна? Здравствуй-те. Это Богдан Павлович ...да ...насчет Вероники, да ...не волнуйтесь, пропажа нашлась ...все нормально ...спасибо, у нас работа такая ...ну, что вы! это совсем необязательно ...спасибо. Даю вашу красавицу.

Он протянул телефон опешившей Веронике.

– Алло? ...мам? ...ничего не случилось ...какой переполох? ...я не знаю ...у бабушки ...ерунда ...телефон разрядился, а зарядное я не взяла ...ну, так получилось ...я потом все объясню, тут люди, мама ...да, все у меня ...приедем ...с Андреем ...хорошо ...пока, мам.

– Вероника Николаевна! Давайте вашу сумку! Вам теперь по пути с нами, – телефон, а с ним и ее паспорт спецназовец положил себе в карман.

– Я в Киев...

– Мы тоже. И некоторые формальности надо вам утрясти.

– Какие формальности?

– Обычные в таких случаях. Бюрократические. Объяснительную написать. Мы ее в папочку положим, и дело закроем по причине розыска объекта, – он протянул даме руку. Помог покинуть машину. Задвинул дверь, гулко ударив ладонью по кузову. – Езжай, брат!

Джип выжидательно медленно катился по дороге. Вероника расположилась на заднем сиденье между двумя бойцами в униформе. Все это неприятно, конечно, но звонок матери ее успокоил, ничего страшного или безобразного с ней не случится. Не должно. А неприятности она переживет. Не привыкать. Промурыжат и оставят в покое. Зачем им она?

Впереди сидел крупный пожилой мужчина. Седой. В коричневой замшевой кепке. За рулем – тот, что дрался с генералом у нее в квартире, и кого она огрела по голове сковородкой. Ну и правильно! Сам напросился!

Как она испугалась тогда?! А сейчас, встречаясь взглядами с водителем в зеркале заднего вида, он почему-то не казался ей страшным или отталкивающим. Даже наоборот, вполне нормальный парень. Не то, что милашка или симпатичный, а – мужественный и не урод или «бык». Мачо. Что-то в нем есть. Глаза голубые или серые? Вроде серые. Ишь ты, уперся!

Вероника выдержала длительный взгляд водителя, не отвернувшись, тот сам первый отвлекся на дорогу. Один – ноль. Шапочка у него смешная, спортивная. Темно-синяя с белым ободком. «упато Куїв». Наверно, гривен за пятнадцать приобрел на базарчике возле метро.

– Вероника Николаевна, вам знаком этот мужчина? – спецназовец прервал ее, несколько отклонившись от реальности, размышления и протянул фотографию генерала. Незаметно включил диктофон в одном из многочисленных нагрудных карманов.

– Знаком... – после паузы произнесла Вероника. Александр Васильевич выглядел на фото немного моложе, чем сейчас.

– Подробней, пожалуйста. Имя, фамилия?

– Саша, ну... Александр Васильевич. Фамилию я не знаю...

– Странно. Не считаете?

– А мне его паспортные данные не нужны.

– Вероника Николаевна, вы отвечайте, пожалуйста, по существу, и напрягите свою короткую память. Александр Васильевич... этот, совершил серьезное преступление против государства. Я офицер службы безопасности. А в вашем положении я бы советовал вам переменить тон и быть максимально откровенной. В ваших же интересах. Тем более, это – долг каждого сознательного гражданина. Или вы к таким не относитесь?

– Отношусь. А в чем состоит мое положение? Я совершила преступление? Нанесла какой-то вред государству? – Веронику начал раздражать изначально обвинительный тон эсбэушника. В конце концов, переспать пусть даже с государственным преступником пока еще преступлением не является. И она, между прочим, ни к кому ночью в квартиру не ломилась, а ломались как раз к ней, сознательной и законопослушной гражданке.

– Вы все скоро поймете. Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Александром Васильевичем?

«Ой-ей-ей, прямо как страшно! Где, когда и с какой целью вы родились?»

– Сейчас... познакомилась летом...

– Где?

– На дне рождения...

– Чем?

– Я не помню, на чем. Отмечали на даче. Наверно, у хозяина дачи был день рождения.

– Логично. Что вы там делали, если даже не знаете, у кого именно был день рождения?

– Приехала туда со знакомым. Он меня попросил составить компанию. Я и ехать-то особенно никуда не хотела.

– Но поехали. Хорошо. С каким вашим знакомым вы приехали на дачу? Имя, фамилия, чем занимается?

– Ну... он не имеет к Саше, к Александру Васильевичу, и вообще ко всему этому никакого отношения... – запнулась Вероника.

– Ответьте, пожалуйста, на поставленный вопрос, а мы сами решим, кто и к кому имеет или не имеет отношение.

– Ну, хорошо, если для государства это так важно... – Вероника назвала имя и отчество бывшего приятеля-депутата. На душе у нее стало как-то тошно и противно.

– Ну, дальше? Фамилия? Кто такой этот Валера, Валерий Ефимович?

– Фамилию я не знаю. Чем занимается тоже... – Вероника знала фамилию депутата. Раза два даже видела его недавно по телевизору. Экс-кавалер с воодушевлением объяснял журналистам что-то про избирательные комиссии и участки. Полное занудство. Встречаясь с ней, Валера постоянно козырял

в разговорах Верховной Радой, своей вхожестью во все кабинеты, известными на всю страну фамилиями, спецномерами на машине, спецпропусками и спецталонами, как мальчик новыми игрушками. Жлобом он не был, но быстро утомлял не по возрасту юношеским бахвальством и понтовитостью. Мир – народам, землю – крестьянам, «Ауди» – к подъезду!

– Не находите, странно у вас как-то все получается, Вероника Николаевна?

– Что именно?

– Вы о своих знакомых ничего, кроме имени и отчества не знаете?

– Ну, ...Валера, кажется, бизнесмен ...по манерам. Машина у него большая, тоже джип. Похожа на вашу, только черного цвета. Номера не запоминала. А Саша, Александр Васильевич, – военный. Мне так кажется... – отвечая, Вероника раздраженно пожала плечами, вот, блин, прицепился. Нашел отдел кадров.

– Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с Валерой?

– В ночном клубе познакомились. При танцевальных обстоятельствах. Пригласил человек на медленный танец. В клуб с подружкой пришла. Про нее тоже рассказывать?

– Пока не надо. И в каких вы с ним отношениях? – имея в виду Валеру, Валерия Ефимовича, спросил офицер безопасности.

– С Сашей?

– Нет. С Валерой.

– Сейчас ни в каких.

– А раньше?

– Тогда... были в каких-то отношениях. Встречались.

– Как часто?

– Это что, тоже для безопасности страны необходимо?

– Вероника Николаевна, вас спрашивают, и вы, будьте любезны, четко и правдиво отвечайте на заданный вам вопрос, а не ерничайте.

– Родина и в постели...

– Вот, сука! Подстилка! – с ненавистью произнес спецназовец, тот, что выходил с автоматом, и сейчас сидел слева, казавшийся равнодушным к происходящему диалогу. Он повернулся к ней, прищурив глаза. Внезапно схватил за руку и, загнув ее пальцы в кулак, надавил на ногтевые фаланги. – Тебя, блядь подзаборная, спрашивают – отвечай! Тварь! Задавлю, сука!!!

Вероника вскрикнула от неожиданности и застонала от боли.

«Как же больно-то! Как больно! Уй-й-й!»

Стало по-настоящему страшно, вмиг забылась и мама, и всё остальное. Она ощутила себя абсолютно беззащитной, словно нагой перед этими четырьмя, враждебно настроенными, мужчинами. Которые могли сделать с ней все, что угодно. И ни мама, ни папа, ни занятое своими важными делами государство, не найдут и ничем не помогут.

«Да! Это государство! Мы вас слушаем, Наталья Константиновна! Нет, где ваша дочь Вероника мы не знаем. И не должны, не обязаны. В государстве слишком много сыновей, дочерей, чтобы контролировать местонахождение каждого. У нас, знаете ли, свободная страна, а не тоталитарный режим, как было раньше. Вам звонил по поводу дочери Богдан Павлович? Ай-я-яй! Офицер? Ну и что? Кто такой Богдан Павлович? Мы не знаем такого. У нас такой не работает. Откуда мы знаем, кто вам звонил и вообще может звонить, что-то там говорить, кем-то там представляться? У государства другие задачи, вы понимаете? Может, дочь ваша в Москву или Турцию на заработки уехала, мамаша? А-га, они все не такие. Оставьте в приемной

заявление. Там есть образец, как писать. Будем искать. Уже ищем. Прямо бегом побежали. А-га. Ждите. Пи-пи-пи-пи...»

– Ладно, Леха, ты не психуй. Подожди. Девушка просто забыла. А сейчас постарается вспомнить... – успокоил коллегу «офицер Богдан Павлович». Забрал Вероникину руку у «автоматчика». – Итак, Вероника Николаевна, в каких отношениях вы состояли с этим Валерием Ефимовичем?

– ...состояли в отношениях. Два раза... – Вероника потирала и разминала несчастные пострадавшие пальцы. Она постаралась, насколько позволяло сиденье, отодвинуться от жестокого нервного мучителя. – Рассказывать в подробностях?

– Пока не надо, об этом поговорим позже. Вернемся к Александру Васильевичу. В каких отношениях вы с ним состоите, что о нем знаете, чем занимаетесь, с кем из его знакомых встречались? Где он сейчас находится или может скрываться? Все по порядку. Я слушаю вас.

– О работе он ничего не говорил. Я так поняла, что – военный или в органах служит... Насчет встреч? Несколько раз за это время он приезжал ко мне... вот и все.

– Вы, Вероника Николаевна Панина, состояли с Александром Васильевичем Шевчуком в половых отношениях? – нарочито четко задал вопрос эсбэушник.

– Я же сказала, что приезжал...

– Значит, состояли?

– Да.

– С какой целью?

– Что?

– С какой целью вы поддерживали интимные отношения с Александром Васильевичем Шевчуком? – продекларировал очередной уточняюще-углубляющий вопрос эсбэушник.

– Ни с какой. Нравился, хм... нравится человек, вот и поддерживала.

– У вас разница в возрасте почти тридцать лет. Сколько он вам платил за одну встречу?

– Никто мне ничего не платил. А насчет разницы, так мне с ровесниками совершенно не интересно, может быть...

– Это почему же? Впрочем, можете не отвечать. К делу это не относится.

– Тупые они. Им все по-быстрому надо.

– Тем не менее, вы, Вероника Николаевна, сожительствуете с гражданином Матвиенко А. Д. восьмидесятого года рождения. Весьма молодым человеком.

– Мы с Андрюшей находимся в гражданском браке, а не сожительствуем, – Вероника опять начала внутренне заводится. Эсбэушник формулировал вопросы иезуитски, очевидно, стараясь максимально унижить ее, заставить почувствовать себя во всем виноватой дрянью. Пальцы понемногу отошли и уже почти не болели.

– ...говорите, живете в браке, хоть и гражданском, а сами встречаетесь с немолодым, так сказать, мужчиной...

«Как же он достал, этот козел безопасности?!»

– Встречаюсь. Ну и что? Я что, при этом изменяю стране? Может быть, я с ним оргазм множественный испытываю, или это уголовно наказуемо? – Вероника снова поймала в зеркале взгляд водителя, тот смотрел на нее с легкой улыбкой и интересом. Она смутилась и отвела глаза. Один – один.

– С двадцать третьего по двадцать пятое декабря, сегодняшний день, вы постоянно находились вместе с Александром Васильевичем. С кем встречались и где? – эсбэушник пропустил мимо ушей ее эмоции, посчитал, что половой вопрос освещен достаточно полно.

– Ну... с Николаем Яковлевичем встречались, профессором, фамилию я не знаю. На дачу к нему ездили. Там сосед приходил, врач, Марк Анатольевич. Невропатолог, нет – психиатр.

– Кто еще на даче присутствовал?

– Больше никого.

– О чем говорили?

– Да все о политике они говорили, как заведенные. Спорили про майдан, Советский Союз, Запад... Я вообще-то уснула. Мне это скучно слушать.

– Потом?

– Потом Саша... Александр Васильевич меня разбудил, и мы пошли на электричку. Вернулись в Киев.

– В Киеве с кем встречались и где?

– В Киеве ...встречались с ...Григорием.

– Подробнее. Где? Кто такой этот Григорий?

– Ну... в каком-то ресторанчике, на название я не обратила внимания. Что-то с морем связано. «Корвет»... или...

– «Корсар»?

– Да. «Корсар». Ждали минут двадцать, пока этот Григорий пришел. Представился генерал-полковником, правда, был в штатском.

– О чем говорили?

– Я не знаю.

Нервный спецназовец повернулся к ней. Потянулся за рукой.

– Я, правда, не знаю. Меня Саша в туалет отправил, а потом я у бара ждала, пока они дела обсуждали, – Вероника прижалась к допрашивающему, спрятала руку в карман пальто.

Нервный спецназовец отвернулся, снова потеряв к ней видимый интерес.

– Который из них Григорий? – эсбэушник выгудил из кармана фото «генерал-полковника» в парадной форме и фуражке с высокой загнутой тульей и кокардой и еще две фотографии неизвестных ей людей.

– ...этот.

– Машина у Александра Васильевича его? Григория?

– ...да.

Опять на душе стало совсем кисло. Но все равно они ведь и так знают все. Фото в кармане лежит, так что и машина для них не загадка. Маршрутку догнали. У бабушки, точно, были. Для полной уверенности можно еще и у соседей спросить, какая машина из ворот выезжала. Им, соседям, это всегда интересно, кто приехал и с кем и на чем. Потом на неделю разговоров, разных версий.

– Где сейчас находится Александр Васильевич?

– Я не знаю.

– Когда вы расстались?

– Часа три назад... может, чуть больше.

– Куда он поехал?

– Я, правда, не знаю. Он ничего не говорил, куда собирается.

– Вероника Николаевна! Я последний раз спрашиваю, где находится Александр Васильевич, и куда он поехал?!

– Я действительно ничего об этом не знаю! Мы с ним поссорились и разошлись. Правда!

– Отчего ж вы поссорились?

– Я решила вернуться домой в Киев. К Андрею. А он настаивал ехать с ним дальше.

– Куда?

– Я не знаю.

– Куда?!!

– Я не...

– Давай!

«Нервный» спецназовец начал вырывать ее руку из кармана, пытаясь добраться до пальцев.

– Аааа!!! – завизжала Вероника и сжалась в комок между двух здоровенных мужиков, отбиваясь от цепких железных рук.

– Досить! – прикрикнул водитель, прекратив возню и предстоящую пытку на заднем сиденьє. – Достатньо з неї! Залиште дівчину в спокої. Краще зв'яжись із «центром», хай проб'ють по комп'ютеру всі його контакти та справи років за п'ять. Координати наші повідомити потрібно. Хай перевірять й у цьому напрямку пошукають ретельно.

– А мы пока с нашей милой пленницей кофе попьем, – подал голос и повернулся посмотреть на перепуганную «милую пленницу» седой мужчина с переднего сиденья. В руке он держал металлический термос, похожий на скругленный артиллерийский снаряд – Вы имеете что-нибудь сказать против чашечки прекрасного черного кофе, Alice – in the country of miracles?

– Why not? I only shall switch off my panic button.

– А вы ...мужественная девушка. Что ж, выключайте свою «паническую кнопку». Не волнуйтесь. The devil is not so black as he is painted. Не правда ли?

– Возможно... – задумчиво произнесла Вероника, глядя «седому» в глаза. – Дьявол опасен не тогда, когда он появляется и пугает, а тогда, когда мы его не видим.

Глава 40

Вертолет сделал круг над остановившимся джипом и приземлился метрах в пятидесяти в поле, подняв вокруг себя клубы снега. Основной винт вращался вхолостую, оголяя ссохшиеся замерзшие бурьяны, прибывая их к земле по кругу, как в свое время Тунгусский метеорит уложил в тайге вековые деревья.

– Пішли! – водитель кивнул «автоматчику» следовать за ним, быстро взглянул Веронике в глаза, то ли улыбнулся, то ли подмигнул незаметно, а может, ей просто показалось.

– Хай щастить! – «седой» протянул компаньону руку.

– До біса! – водитель ответил коротким рукопожатием, не снимая кожаной, с обрезанными пальцами, перчатки и решительно двинулся к вертолету, пригибаясь от ветра и прикрывая шею воротом короткой куртки. Спецназвец в такой же согнутой позе, с автоматом, перекинутым за спину, ступал за ним.

Дверь кабины открылась, поглотив пассажиров в темном проеме. Вертолет отделился от земли и, поднимаясь и одновременно заваливаясь на правый бок, ушел в сторону Каховского водохранилища, имея целью фермерское хозяйство, расположенное на левом берегу Днепра в Каменско-Днепровском районе Запорожской области километрах в двадцати пяти от районного центра. Учитывая вектор движения генерала от Киева, и сопоставив все данные, в «центре» предположили, что с большой

долей вероятности Александр Васильевич Шевчук может в данный момент находиться именно здесь.

Фермеры Леонид Леонидович Корж и его супруга Галина Михайловна в позапрошлом году проходили по делу, которое курировал непосредственно генерал, хотя это не совсем отвечало уровню его компетенции. А главное, год и место рождения Л. Л. Коржа и А. В. Шевчука совпадали.

Александр Васильевич уже час, как приехал к Коржам. Встретил его старший сын Леонид – типичный Корж, такой же долговязый, худой и сутуловатый как папа Леня. Родители уехали торговать в Каменку-Днепровскую на большой субботний базар, который затягивается надолго «писля обида». Но засветло должны по-любому вернуться. Будут рады приезду дорогого гостя.

– А вы, дядя Саша, заезжайте в ворота и проходите до дому. Я только собак в вольер загоню.

Фермерский хутор Коржей представлял собой переоборудованный под современные нужды бывший колхозный или совхозный полевой стан с недавно отстроенным большим домом. Территорию, обнесенную забором из сетки, охраняли три, устрашающего вида, кавказских овчарки, яростно набросившиеся на стальную проволоку вольера при виде незваного визитера. Крупная деbeatая невестка Нина предложила свои услуги напоить-накормить гостя, но генерал отказался, и она удалилась в комнаты возиться с проснувшимся годовалым малышом – уже четвертым Леонидом Леонидовичем по мужской линии Коржей. Почему старшего сына необходимо обязательно называть Леонидом, никто толком не знал и не помнил, но традицию не нарушали. Так повелось. Леонид-третий считал своим долгом развлекать Александра Васильевича. Уделять уважаемому гостю внимание. В большой комнате, укрытой за исключением потолка, яркими многоцветными коврами, он

включил телевизор, быстро организовал чай с разнообразными аксессуарами – медом, вареньем, домашним печеньем и булочками.

Леонид отвечал на вопросы генерала, повествовал о непростой сельской жизни. На выборы завтра, конечно, поедут. Всей семьей. Вообще-то, веры нет никому. За все годы кто только не обманывал селян весной задранными вверх ценами на солярку и прочие производные нефти, а осенью бросовыми ценами на выращенную зубожильным трудом продукцию и опять же сезонно завышенный доллар. На этот раз всей семьей решили голосовать за «оранжевых» – уж больно красиво и заманчиво всё и всем обещают. Может, хоть что-то да исполнят? Уже и то хорошо.

С улицы донесся, заглушаемый телевизором и плачущим за дверью ребенком, шум машины.

– Вот и родители приехали! Я ж говорил, скоро приедут, – Леонид отодвинул оконную занавеску. – Нет... не родители... ничего себе!

Александр Васильевич подошел к окну. Кинул взгляд.

– Это, Леня, ко мне. По работе. Я пойду, поговорю, а ты с женой из дома не выходи. Понял?

– Да.

– Что бы ни случилось.

– Так, может, я с вами?

– Нет! Это приказ! – генерал набросил «алюску», снял с предохранителя «ПМ» и направился к вертолету.

«Эх, Вероника, Вероника... А что – Вероника? Он тоже хорош! Вход в ситуацию он-то нашел, а вот выход, похоже, будет не совсем элегантным. Да. Сам полез в мышеловку, вместо того, чтобы выкинуть какой-нибудь фортель, нестандартный, сбивающий с толку и накатанной мысли, финт. Оставить на стоянке машину и уехать на поезде, на автобусе в дальние дали и дебри, вырыть землянку в лесу, провести

в ней остаток своих дней и годов. Лучше было, конечно, вообще машину не брать. Как приехали на вокзал, так и двинуть на ближайшем поезде дальше. Или в «спальный район». И – спать. А теперь... что теперь?»

А теперь он мыслил спрятать машину, чтоб не маячила, у Лени. Двинуть на Запорожье, а оттуда в Донецк. Раствориться в крупном промышленном центре. Там есть, у кого и где залечь, завалиться на дно. До вторника или среды, если – с Вероникой. А без нее можно и после Нового года в столицу вернуться. По его подсчетам он имел запас времени, опережал преследователей на пять-шесть часов. Минимум. Но он ошибся в расчетах и временных, и тактических. Это бывает. Одна ошибка влечет за собой следующую. Нарушается гармония и алгоритм действий, и ошибки идут одна за другой, нарастают, как снежный ком, катящийся с высокой горы. Накрывают лавиной. Самое дорогое у человека – его глупость, она обходится и ему, и тем, кто с ним рядом, дороже всего. Ладно, что тихо скулить? Ты еще крепкий старик, Розен Бом! Вперед!

Навстречу ему двигались две фигуры – «гонщик» Марьян и вооруженный автоматом здоровяк в спецназовской упаковке. В открытом дверном проеме вертолета, спустив ноги на ступеньки, сидел снайпер с винтовкой наизготовку. Александр Васильевич взглянул вниз. На груди у него, хорошо выделяясь на черной болоньевой ткани куртки, дрожал красный зайчик лазерного прицела. Неприятное чувство. Марьян и сопровождающий остановились метрах в трех так, чтобы не перекрывать линию снайперского обстрела.

– Ще не набігався, старий щур? – «гонщик» смотрел на него издевательски, чувствуя себя победителем и хозяином положения.

– Это – моя проблема.

– Та ні, друже, ти навіть жорстоко помиляєшся. Це так само й наша справа.

– А это – ваши проблемы... – какой-либо словесный креатив не приходил генералу в голову.

– Кау! Зараз ми всі проблеми й вирішуємо.

– Давай – решай.

– Відразу й почнемо, генераль сікьюріте, – «гонщик» спокійно приподняв куртку, витягнув із-за пояса «Беретту», дослав патрон и неожиданно, без положенных в таких случаях многословных предупреждений, выстрелил.

Фонтанчик снега взметнулся возле ног генерала.

– Ну и что? – Александр Васильевич посмотрел на куртку. Красный пятчок все так же подрагивал у него на груди. Пока документы у него, можно особо не опасаться.

– Нічого, наступна буде у твоїй нозі, – Марьян навел ствол на бедро генерала.

– Следующая будет у тебя в голове! – Александр Васильевич выхватил пистолет из кармана.

– Товарищ генерал, завязывайте чудить, – флегматично произнес «автоматчик», покачав стволом «калаша».

– Это вы завязывайте! Оружие на землю! – генерал быстро переводил ствол с «гонщика» на спецназовца и обратно.

– Кау! Я бачу тут зібралися дужі круті хлопці, це приємно, – на Марьяна команди Александра Васильевича не произвели никакого впечатления, он спокійно убрав «Беретту» под куртку. – Генерале, ви програли й не слід сперечатися та марнувати час. Ви нам ні в якому разі не потрібний. Я б з насолодою набив вам пику, але в цьому випадку задовольнюся тільки документами. Якщо ви отакий міцний лицар, що не шкодуєте своє життя заради дрібних папірців, мабуть, життя та гарний фізичний стан вашої дами серця вас хоч би занепокоять? Чи ні?

– Какой дамы сердца? – Александр Васильевич по инерции еще старался быть убедительным, но земля уже поплыла под ногами.

– Дуже гарної дівчини. Вероніки. Ніки – богині Перемоги.

– Что с Вероникой?

– Та нічого. Може, їде десь. У джипі.

– Она у вас?

– А чому б ні? Можливо, є бажання з Веронікою поспілкуватися?

– Так. Бажання є.

– кау! – Марьян достал из кармана мобильник, набрал номер. – Nick? All right. Yes. Дай телефон дівчині. Вероніко? Як справи? кау! Наш спільний знайомий має намір із вами поговорити. Ловіть!

«Гонщик» бросил телефон генералу. Александр Васильевич поймал его левой рукой, прижав к куртке.

– Алло... Вероника?

– Да... Саш, это я.

– Я понял. Ты как?

– Я в машине... с ними...

– Все нормально? – генерал горько про себя усмехнулся. Ну, какое может быть «все нормально»? Девочка у них... я под прицелом... а в остальном все нормально. All right.

– Ну, так... в общем – да.

– Вероника?

– Да...

– Вероника?!

– Да. Саш, я слышу.

– Достаточно! – Марьян протянул руку.

– Вероника, ты... это...

– Хорошо, Саш, я поняла. Пока.

– Досить!

Генерал кинул трубку обратно. Убрал пистолет. Недолгое время, с полминуты, сосредоточенно

поразмьшлял ни о чем, не перебиваемый настойчивым собеседником. Достал из внутреннего кармана диск и пакет. Протянул «гонцику».

– Кау! – Марьян поспешно сунул диск в карман. Вытянул из пакета бумаги, стал перелистывать. Сначала спокойно, удовлетворенно, но, чем ближе к концу, тем нервнее. – Що це таке?

– Документы.

– Це лайно, а не документи!

– Других нет.

– Нам потрібні платіжки й розписки. Де вони?

– Платежек и расписок не было в дипломате изначально.

– Ти брешеш!

– Какой смысл мне врать?

– Брешеш, суко!

– Мне все равно... – генерал равнодушно пожал плечами.

– Зараз подзвоню, аби їй зламали руку!

– Это напрасно.

– ...або око...

– Возьмешь грех...

– Де платіжки, наволоч?! Де вони?!

– Я повторяю. Никаких. Финансовых. Документов. В дипломате. Не было с са-мо-го на-ча-ла. Ты понял?!

– Так! Я все зрозумів, паскудо! Ти вирішив дівчиною прикритися, енкаведистська гадина?! Документи схоронив...

– Никаких плате...

– Візьми їх із собою в могилу! – Марьян резко выхватил пистолет и нажал на курок.

Генерал увидел вспышку и в то же мгновение его, словно молотом, ударило в грудь и опрокинуло навзничь. Нестерпимый огонь разлился внутри. Мир сузился до чувства всепоглощающей боли. Он задышался, хрипел, но не слышал себя. Низкое серое небо,

словно перевернувшееся свинцовое море, навалилось на него всей тяжестью своих атмосфер, прижимая к земле, не давая вдохнуть. Серый свет постепенно потух, не оставив ни блика, ни туннеля последней надежды. Ни-че-го. Темнота.

Александр Васильевич не слышал, не видел, не чувствовал, как «гонщик» подошел к нему, наклонился, поднял его верный «ПМ», сделал два выстрела в воздух, тщательно вытер свои отпечатки и вложил пистолет в ладонь генерала, крепко сжал ему пальцы.

– Це тобі за моїх ненароджених тіток, племінників, за діда... за всіх... – Марьян повернувся и пошел к вертолету.

Глава 41

Александр Васильевич просыпался теперь рано. Часов в пять утра. Лежал. Думал. Иногда негромко включал телевизор – что-нибудь круглосуточное познавательное-индифферентное о природе, животных, космосе, об истории стран и народов. «Дискавери» или киевский «Тонис». Он слышал, как поднималась в половину седьмого Ирина, шла в душ, готовила кофе и тосты, распространяя ароматы по дому, будила неподъемную на занятия Ольгу. Жена перебралась из спальни в «большую» комнату на диван после его возвращения домой из госпиталя. Того же Главного военного клинического госпиталя Министерства обороны, где лечился и Сергей Николаевич, отправленный по выздоровлении домой, под подписку о невыезде.

В госпиталь генерала, потерявшего много крови, в тяжелом, почти безнадежном состоянии, доставили санавиацией из районной больницы. Но организм выдюжил и ранение, и продолжительную операцию, в ходе которой пациент лишился верхней доли левого легкого, размочаленного пулей. Новый, две тысячи пятый год, Александр Васильевич встретил уже в пришедшем накануне сознании. Вскоре домой, в Киев, примчались супруга и дочь. Им позвонил вездесущий Геннадий. Сообщил. В госпитале генерала, кроме родных и майора Прокопчука, всегда оптимистично-шумного, утомительного и с виду веселого вне зависимости от собственного настроения и состояния внешней и внутренней политики в стране, никто не

беспокоил. Не допрашивали и не спрашивали, не выставляли охрану у дверей. Лечили на общих, можно сказать, основаниях, как лечат всех генералов. Проскучив и обдумав житие свое в персональной палате почти месяц, на период реконвалесценции, то есть, полного восстановления, Александр Васильевич был отправлен домой под присмотр и опеку родных, и амбулаторный надзор медицины.

– Ты проснулся? – Ирина включила в комнате свет.

– Как видишь.

– Привет, дорогой! – она нагнулась, поцеловала его в щеку.

– Привет! – он ответно чмокнул ее.

– Какие планы на сегодня? – жена повернулась к шифоньеру с вещами. Легким движением плечами сбросила на пол шелковую ночную рубашку. Коротенькую, на тонких бретельках. Весьма эротичную.

– Никаких. Наверно, пойду прогуляться. Хочется побродить.

– Возьми обязательно палочку, она у двери стоит, чтобы не было, как в прошлый раз, – Ирина перебирала «плечики» в привычном поиске, «что бы сегодня одеть». Зачастую женщин одолевают две извечные проблемы – нечего одеть и маленький шкаф, но жена не утомляла Александра Васильевича собственной экипировкой.

А в «прошлый раз», позавчера, из-за профилактических работ в отключенном лифте, ему тяжело было подниматься вверх по ступенькам. Не хватало дыхания, сил. И медицина предписала первое время, а сколько оно будет длиться, неясно, передвигаться обязательно с палочкой. Легкие постепенно компенсируют функцию. Надо привыкать, ходить, тренироваться. Все будет хорошо. Рано или поздно.

Она стояла к нему спиной. Обнаженная, похудевшая, своя, знакомая каждой клеточкой тела, но в

то же время и какая-то немного чужая, подзабытая им. Оттого соблазнительная. Ирина моложе на пять с небольшим. Сорок пять. Опять – ягодка. Ну, не такая уж ягодка. Ягодкой она была раньше, двадцать пять, двадцать, лет пятнадцать назад. А сейчас – фрукт. Яркий, спелый, сочный и очень даже привлекательный. И вкусный – он это знал, как никто.

Как раз насчет этого «никто» в последнее время генералу стали закрадываться грешные мысли, да еще в Интернете как-то некстати попала статья, что лидерами в супружеских изменах являются, само собой разумеется, актеры, певцы и певицы и прочая артистическая богема, тусующаяся в борьбе со скукой по ночным клубам в поисках заменителей жизненных ощущений. А на втором месте прочно удерживаются медики, люди в белых халатах. Сближает их что-то, врачей и интернов, маститых хирургов и молоденьких медсестер? Возможно, общее материальное понимание бренности жизни и всесильности смерти, необратимости старения и неотвратимости разных болезней, в один час переворачивающих жизнь, а также корпоративный цинизм, воспитанный ежедневным погружением в людские несчастья и страдания. Ответная реакция на среду профессионального обитания – стремление к плотскому удовольствию здесь и сейчас. Завтра все может оказаться совершенно иначе. И поздно.

Ирина в последние годы зачастила по субботам в бассейн и спортзал, солярий. Подтянула фигуру, устранив некоторую возрастную рыхлость и неопределенность. Подчеркнула свои изящные формы. И хоть соски на груди уже не смотрели на мир удивленно и вверх, она своим внешним видом могла дать фору многим из молодых.

Они редко бывали в постели близки, учитывая, многолетье обоюдной привычки, постоянную занятость генерала на работе и после – физическую,

физиологическую и душевную, ее загруженность в будни и усталость по вечерам. Но женская усталость в отношении мужа удивительным образом сочеталась в ней с повысившейся даже на глаз энергетикой, гормональным подъемом. Он мог бы легко, без усилий узнать, есть ли у жены, как ему представлялось, молодой жеребцовый бой-френд. Но он не узнавал, не хотел узнавать из-за имеющейся вероятности положительного результата.

Он смотрел на обнаженное стройное тело жены и ему хотелось его, несмотря на категорический запрет врачей напрягаться, несмотря на одышку после перехода к туалету или на кухню, несмотря на привычку и точившие в избытке свободного времени подозрения, которые только распаляли болезненное воображение и возбуждали. И возбуждали...

– Ты хорошо выглядишь.

– Да? Ты заметил? – отложив на постель блузку и юбку, она надевала белье, не спеша, нарочито медленно пряча тело в заманчивую упаковку, словно специально для него исполняя свой номер.

– Присядь... – он показал рукой на кровать.

– Я спешу, – Ирина присела на край. – Что?

– Ничего, – он взял ее руку, поцеловал ладонь. –

Мне не хватает тебя.

– Это поправимо. Теперь будем больше времени проводить вместе.

– Я надеюсь...

– Пока ты не поправишься окончательно и снова не окунешься с головой в свою работу.

– Не окунусь.

– Правда?

– Правда.

– Звучит обнадеживающе.

– Так и будет.

– Посмотрим...

– Я хочу тебя.

– ??? – она с удивлением, но приятным, выразительно повела вверх бровями.

– Все время думаю о тебе, жду, когда ты придешь.

– Ты можешь звонить на работу.

– Не хочу. Ты там занята. Вечно спешишь.

– Если хочешь, я позвоню, когда буду свободна.

– Хочу.

– Ну, вот... – она попыталась подняться, но он держал ее крепко за руку. – Саша?

– Я хочу тебя.

– Я рада, но мне надо идти...

– Я хочу тебя.

– Сейчас Лялька выйдет из душа! Саша!

– Я хочу тебя!

– Я тоже хочу, если на то уж пошло. Но тебе надо поправиться, войти в форму...

– Я в форме.

– Я вижу, – она посмотрела на одеяло ниже вставшего живота и улыбнулась. – И смех, и грех с тобой! Не оклемался еще, и о чем ты тут думаешь?!

– О тебе.

– Спасибо, дорогой, это очень приятно. Только нагрузки такие в твоём положении категорически противопоказаны. Я тебе это, как доктор, говорю. Ты уяснил?

– А мы осторожно, не нагружаясь...

– Господи, ты как ребенок!

– Ну, так что, моя доктор-любовь?

– Ничего. Я подумаю.

– Это не ответ!

– И что, я весь день так буду сидеть?

– Меня это устраивает.

– А меня нет.

– У тебя есть выход.

– И какой же у меня выход?

– Дать положительный ответ.

– Хорошо. Я подумаю.

– Ответ не засчитан.

– Ну, хорошо! Я придумаю что-нибудь. Так устраивает?

– Да. Так устраивает, – он отпустил ее руку.

– Я смотрю, иногда полезно, наверно, иметь много свободного времени? – Ирина быстро надела и поправляла у зеркала юбку.

– Определенно – да.

– Привет, па! – в комнату заглянула, мокрая после душа, дочь.

– Привет!

– Ты фен не видела, мам?

– На кухне.

– Угу.

– Только, пожалуйста, не спали мне его! Я уже устала их покупать! – крикнула вдогонку дочери Ирина.

Она села на низкий пуфик у столика наводит ежедневный, за исключением воскресенья, макияж. Александр Васильевич сосредоточился взглядом на выраженной талии жены, половинках, тесно облегаемых черной блестящей тканью. Уж слишком это все откровенно и смело, вызывая даже. На его, мужа, взгляд.

– Ты раньше немного иначе одевалась.

– Разве? Это как?

– ...скромнее, наверно. Строже.

– Дорогой, раньше мода другая была. Посмотри в телевизор.

– Я смотрю. Там – сплошной гламур.

– Ну, до гламура мне далеко. Просто хочется почувствовать себя женщиной.

– Привлекать? Соблазнять?

– Почему обязательно – соблазнять. Я не собираюсь никого соблазнять.

– Тогда что?

– Хочу хорошо выглядеть. Глядя в зеркало, получать от самой себя удовольствие.

– Только в зеркале?

– Не только. Вообще.

– У тебя кто-то есть?

– Что? – от неожиданности Ирина выронила тюбик помады.

– У тебя есть кто-то?

– Почему ты так решил? – она повернулась к нему. Спокойно и пристально посмотрела в глаза.

«Не ответила сразу «нет». Задала встречный вопрос. Перевела на него».

– Я не решил. Я спросил.

– Нет. У меня никого нет. А почему ты спросил?

– Ну... просто мы отделились как-то в последнее время... друг от друга.

– Может быть, это ты от нас отделился, Саша?

– Может быть... Наверное... Извини. Я не хотел обидеть тебя, просто, такое могло быть... то есть, ну... я бы...

– Я понимаю и...

– ...но я не хочу, чтобы так было.

– И я не хочу.

– Иди ко мне... – он снова взял ее за руку, поцеловал несколько раз.

– Не переживай, – Ирина наклонилась над ним, щекоча лицо волосами.

«Take it easy» – отделись в голове эхом словечки Вероники. Мол, будь проще, не накручивай себя!

– Не буду. Ну, может, немножко, – он отпустил жену. – Не задерживайся! Хорошо?

– Хорошо! – она улыбнулась ему в двери. – Как только, так сразу!

«As soon, as I can!»

Глава 42

По телевизору началась торжественная трансляция инаугурации. Александр Васильевич нажал красную кнопку пульта и стал собираться на прогулку. Его медленный променад выпадал из общего ритма города, из повседневной и сегодняшней особенной суеты. Он получал от этого огромное удовольствие, как и от неспешной ходьбы пусть даже с палочкой. Чувства и ощущения обострились, усилились. Углубились, как говорил когда-то Горбачев с ударением на втором «у». Природа радовала не хорошей комфортной погодой, а просто тем, что она есть. И он есть, как малая часть, атом, песчинка той самой природы. Снег или ветер, обнаженные ветви спящих деревьев, нависшее серое небо или голубая бесконечная лазурь – все тешило душу. Аз есьмь.

Генерал ковылял по тротуару. Дышал часто, неглубоко. Останавливался. В витрине современного «маркета» бытовой техники и аппаратуры на огромном экране войска, одетые в парадную форму, козыряли и приветствовали нового главнокомандующего, Президента, гаранта и надежду нации. Именно – нации, считал генерал, а не страны. Новый Президент произносил тронную речь убедительно, пафосно и одухотворенно. Александр Васильевич не слышал слов через стекло, но он прекрасно знал, представлял, о чем может вещать этот человек. И он не верил ему.

Генерал зашел в магазин. Купил два чистых диска. Позвонил Георгию Петровичу на мобильный.

– Да. Слушаю! – голос генерал-майора был, как всегда, строг и напорист.

– Здравия желаю!

– Это тебе надо здравия набираться.

– Стараюсь.

– Ты как вообще?

– Нормально. Вот, прогуливаюсь.

– Ну и – молоток. Мне «наш парень» звонил насчет тебя. Докладывал, – Георгий Петрович «нашим парнем» называл майора Прокопчука по телефону.

– Я знаю. Ты дома?

– Да. Сижу, вот, концерт наблюдаю.

– Чаем угостишь?

– Не вопрос. Могу не только чаем.

– Тогда жди. Скоро буду.

Александр Васильевич без труда поймал такси, расположился на заднем сиденье, назвал адрес. Двадцатиминутное автомобильное путешествие с одного берега Днепра на другой по зимнему, залитому солнцем Киеву, после месячного заточения воспринималось глазами и сердцем свежо и неизбито.

– Ну, заходи, дружище! – генерал-майор широко распахнул руки для объятий.

– Сильно мять меня пока нежелательно, – Александр Васильевич протянул в ответ руку, зная крепость дружеских объятий и похлопываний по спине бывшего шефа.

– Проходи, присаживайся!

– Спасибо!

– На свету выглядишь отлично. Похож на здорового.

– Ирина обычно говорит, что любой здоровый человек – это плохо обследованный больной.

– Ей, как доктору, виднее. Как у нас говорили? Невиновность – это не ваша заслуга, это – наша недоработка.

– Рвешь сердце? – кивнул гость в сторону телевизора, располагаясь за столом.

– Что его уже рвать? Побережь сердце надо в моем возрасте. Еще пригодится. Так... просматриваю свиту.

– Какого цвета король, такова и свита.

– Согласен. Ожидают нас в скором будущем три проблемы.

– Насколько я помню, Георгий Петрович, классик писал, что «в России только две беды – дураки и дороги»?

– А у нас теперь будет три – дураки, дороги и Россия, – заключил отставной генерал-майор.

– Похоже на то.

– Похоже?! Такие бабки вложены не за красивые ж глаза?

– Понятно, тут многоходовка разыгрывается.

– Тебе понятно, мне понятно, еще кому-то, а остальным оранжевое небо застит свет и глаза и здравый смысл. А их цель, вернее, цели – вбить клинья между Украиной и Россией. Используя нас, поляков и прибалтов, – между Россией и Европой. Ослабить всех. Разобщить славян, не дать им, не дай Бог, вновь сплотиться. К ресурсам подобраться. Откровенно пишут, решают за всех, никого не стесняются ...пиндосы! – помянул в сердцах Георгий Петрович нелюбимых им американских и прочих мировых неоконсерваторов. – Как началась эта ...долбаная перестройка, так и живем в хаосе уже двадцать лет. Заводов, фабрик не построили, зато ...эх, да что там говорить! Что-то я несанкционированно разговорился сегодня – это пустое. Давай лучше по пятьдесят, ты как?

– Вообще-то, Георгий Петрович, я напросился на чай. Мне пока спиртное противопоказано. Да и не хочется...

– А я приму чуть-чуть для настроенья, если не возражаешь.

Александр Васильевич не возражал. Генерал-майор налил товарищу запашистого зеленого чая. Себе коньяка. Выпил за здоровье присутствующих. Выключил телевизор в связи с окончанием трансляции церемонии.

– Кстати, Георгий Петрович, у тебя случайно не сохранились в компьютере документы, которые я приносил в декабре?

– Случайно в компьютере не сохранились.

– Но ты ведь сканировал, может, в папке какой-то лежат?

– Сканировал, но в папке они не лежат.

– Жаль... – Александр Васильевич разочарованно посмотрел по сторонам, словно надеясь увидеть нечаянно оброненный файл где-нибудь на полу. Досадно. И непохоже на генерал-майора, да на любого работника Службы.

– В компьютере не сохранились. Я удалил все и вычистил, чтобы даже по дате восстановления системы ничего не нашлось.

– Я понимаю.

– А вот на диске все, что сканировал, сохранил, если это тебя, Саша, интересует.

– Интересует, интересует, – расплылся в улыбке Александр Васильевич.

– Тогда подожди минут двадцать. Чайком побалуйся. Короче, хозяйничай тут, а я скоро вернусь.

– Я газеты пока посмотрю, – Александр Васильевич взял со стопки, лежащей на краю стола, верхние «Факты». Стал механически, не вдумываясь в текст, перелистывать.

Решение пришло утром. Теперь, по возвращении Георгия Петровича, останется только реализовать коварный гбэшный замысел.

«Эту песню вам пропели

И не леди, и не сэр,

И не Ленин, и не Сталин,

А КГБ СССР».

Позвонила Ирина.

– Ты где? А то я звоню на домашний – никто не отвечает.

– Прогуливаюсь.

– Давно?

– Может, полчаса.

– Палочку не забыл?

– Не волнуйся, взял. Как я теперь без нее?

– Я постараюсь пораньше приехать сегодня.

– Это хорошо.

– Как ты просил. Ты помнишь?

– Я помню. Начинаю готовиться прямо сейчас.

– Вот-вот. Готовься. Все. Целую. Я еще звоню.

– Целую. Пока.

Звонок Ирины несколько поколебал решительные и непримиримые намерения генерала.

«А, может, гори оно все синим пламенем? Хватит с него? Ему больше всех надо?! Больше – не надо, меньше – тоже. Что заработал – его. Вопрос не может, не должен повиснуть в воздухе сам по себе, лопнуть, как мыльный пузырь, уйти в песок, как вода. Вопрос есть, и он должен быть отработан от «а» и до «я» – до конца. Логического. Какого угодно. Он делает это, раз Фортуна к нему повернулась лицом, а не спиной. Спиной обычно поворачивается Судьба. Рок».

Вернулся Георгий Петрович.

– Держи! – протянул ему диск.

– Я скопирую.

– Как хочешь. Компьютер в кабинете.

Таксист высадил генерала возле «Макдональдса». Александр Васильевич, опираясь на палочку, спустился в «Глобус» – подземный торговый мир бутиков и развлечений. Разыскал компьютерный Интернет-клуб. Оплатил три часа времени. Работник клуба загрузил диск, показал, в какой директории он находится.

– Вас устроит тринадцатый компьютер?

– Мне все равно, лишь бы Интернет был скоростной.

– У нас самый быстрый! Фирма! – похвастался парень в фирменной бейсболке.

Генерал зашел на поисковик «Yandex». Создал новый виртуальный почтовый ящик. Отыскал по рейтингам Интернет-изданий два десятка самых известных украинских и российских политических сайтов, несколько европейских. Занес в адресную книгу почтовика их электронные адреса. Составил более двадцати единообразных писем с одинаковыми приложениями – отсканированными копиями наиболее интересных на его взгляд документов. Занес все письма в папку – «исходящие». Без паузы и высокопарных внутренних размышлений нажал клавишу «Enter». Длинная полоска в нижней части экрана начала медленно заполняться зелеными прямоугольниками.

ЭПИЛОГ

В феврале Александр Васильевич Шевчук, генерал Службы безопасности Украины, появился на работе лишь на один день – написать рапорт, попрощаться с коллективом и выйти на пенсию по состоянию здоровья. Здоровье его прогрессивно улучшалось, прибывало день ото дня благодаря стараниям медиков и, особенно, домашнего лекаря души и тела – жены. Он много и упорно ходил пешком уже без помощи палочки. Совершенно отказался от лифтов, поднимаясь на этажи по ступенькам, тренируя выносливость, легкие, ноги.

Дело о покушении на него «неизвестным лицом», как указал в заявлении генерал, было открыто и велось без каких-либо шансов на раскрытие. Никто ничего не видел, не слышал. Проходил мимо злой человек, да и стрельнул то ли случайно, то ли с кем перепутал. А может, из ревности. И такое бывает, случается, как с обычными гражданами, даже бомжами, вооруженными преимущественно кухонными ножами, топорами или отвертками, так и с государственными служащими высокого ранга. Редко, но происходит. Вертолет, замеченный некоторыми местными жителями в тот зимний день, никакого отношения к случаю с генералом не имел – обычный рейд по борьбе с браконьерами, промышляющими со льда судака на фарватере и по многочисленным ямам широко раскинувшегося Каховского водохранилища.

Акция, проведенная Александром Васильевичем в медиа пространстве, не прошла уж совсем

незамеченной. Одно украинское издание, электронное и печатное, решительно оппозиционное пришедшей демократической власти, ухватилось за тему и разразилось целой серией большущих статей. Попыталось провести собственное расследование, послав даже корреспондентов за границу. Но тема быстро сошла на нет, завяла без живого интереса публики и заинтересованности журналистов, не желавших бросать хоть какую-то тень на новое культурное и патриотичное европейское руководство, даровавшее им долгожданную демократию и свободу слова. Европа и Россия вообще промолчали, каждая, очевидно, из своих побуждений. Пусть так. Слово сказано, а когда оно прорастет – вопрос времени. Он сделал то, что считал нужным.

Телефоны Вероники упорно молчали. За два месяца многое переменялось у генерала в душе. Он не считал возможным продолжение их отношений. Как ни приятны, волнующи и трогательны их бурные встречи, но больше они не нужны ни ему, ни, главное – ей. Она – не объект одноразовой, плотской любви. Светлая девочка, звездочка. Соприкоснувшись орбитами, они продолжили, каждый свой путь. Он – на излете. Скорее всего. А она? Хотелось бы встретиться и узнать, что с ней и как. Все ли в порядке? Помочь, если необходимо и не возражает. Короче, поставить красивую точку. «Отработать вопрос».

Александр Васильевич зарулил на заправку. Залил до полна бензобак. Отъехал в сторонку. Подошел к заправщику.

– Вы – Матвиенко? Андрей Дмитриевич?

– Да. А что?

– Ничего. Надо поговорить, – генерал, не раскрывая, показал молодому человеку удостоверение с тисненными золотом буквами «СБУ» и трезубом.

– Опять?! Все что знаю, я уже написал.

– Необходимо уточнить ряд вопросов. Отойдемте на пару минут.

– Я сейчас! – крикнул Андрей напарнику, и двинулся следом за Александром Васильевичем.

– Когда вы в последний раз видели Веронику Николаевну Панину?

– Я же писал?!

– Повторите. Подробно.

– Двадцать второго декабря. Я как раз уходил на дежурство, ну, на Майдан. Двадцать третьего утром она позвонила. Сказала, что мать заболела, и она срочно к ней выезжает. Разговор оборвался. Ника на мои звонки не отвечала. Я начал волноваться. Вернулся домой, там цепочка дверная поломана. Запереживал еще больше. Позвонил ее матери. Наталья Константиновна ничего не знала и никуда Нику не вызывала. Я сказал, что пойду в милицию заявлю, а они как раз сами и приехали.

– Милиция?

– Ну да. Только в штатском. Я заявление написал, что она пропала. Может, похитили и продали? Все может быть...

– Дальше.

– Двадцать девятого декабря, когда меня не было дома, я уже здесь, на работе был, она приходила в квартиру. Забрала кое-какие свои вещи. Оставила ключи и записку, ну, там, «что будет помнить, останемся друзьями, извини» и все такое.

Рассказ «бой-френда» перебил телефонный звонок.

– Да! – Андрей отвернулся от собеседника. – Я занят! Ну что? Мне все равно, Лиза. Как обычно. Пожарь картошку... хорошо. Я куплю. Все!

– Что еще? – продолжил прерванный разговор генерал.

– Вот и все...

– С родителями Вероники вы еще связывались? Или они с вами?

– Да. Конечно. Я звонил. Наталья Константиновна рассказала, что Ника заезжала к ним в день выборов, кажется. Это в воскресенье. Потом после

Рождества с каким-то парнем или мужчиной. Сообщила, что ей работу за границей предложили. Документы оформляла на выезд. Ей в паспортном столе очень быстро все сделали.

– Какую именно работу?

– Я не знаю. Я недели две назад звонил, перед Днем влюбленных... – разговор опять прервал телефон. Андрей посмотрел вызывающий номер. Нервно оборвал звонок.

– Вы позвонили родителям и что?

– Наталья Константиновна, мать Ники, сказала, что она им письмо прислала. У нее все в порядке. Всем очень довольна. Сказала, чтобы я за нее, ну, Нику, не волновался больше. И не звонил. Посоветовала мне свою жизнь устраивать.

– Я так понимаю, устроил?

– А что ее устраивать? Только свистни... – с сожалением произнес симпатичный высокий работник заправки.

– Какой у Натальи Константиновны номер мобильного?

– Сейчас посмотрю.

Александр Васильевич договорился с матерью Вероники встретиться в три часа, но приехал в город на полтора часа раньше. Ждать не стал. Позвонил. Наталья Константиновна назвала адрес.

Она ожидала его на скамейке возле подъезда стандартной «хрущевской» пятиэтажки. Поднялась навстречу, как только «Тойота» завернула во двор. Худощавая, чуть выше среднего, миловидная женщина, типом лица напоминающая Софию Ротару. Какие-то общие с дочерью черты на первый взгляд не просматривались, очевидно, Вероника больше пошла в отцовскую линию. Представились. Познакомились. Извинившись и сославшись на беспорядок в доме, мать Вероники предложила приезжему чину беседовать здесь на скамейке.

Наталья Константиновна добавила к рассказу бывшего бой-френда, что после Рождества Вероника приезжала к ним не одна, а со спутником – молодым человеком.

– Андреем? – простодушно спросил генерал.

– Нет, другим. Иностранцем. Канадцем. Ну, может, не совсем молодым, конечно, постарше ее, но таким основательным и воспитанным. Надежным. А то, что мужчина старше лет на десять – двенадцать, только плюс. Помог ей загранпаспорт оформить, а потом в Киеве в посольстве получить визу.

– А как зовут ее иностранца? – поинтересовался Александр Васильевич.

– Имя оригинальное. Красивое, хоть и женское на наш слух. Мариан.

– И чем занимается этот Мариан, кем он представлялся?

– Журналист. Свободный. Слово такое интересное, я не запомнила...

– Стрингер?

– Да, кажется, так. Сразу в нескольких известных газетах работает. Называл их, «трибюн», «пост» какие-то. Несколько языков знает, на украинском прекрасно говорит, только с акцентом. Родители у него наши, с Западной Украины, с Тернопольщины. Во время войны их в Германию на работу угнали. Потом оказались в английской зоне оккупации, да так и остались на Западе. Он так рассказывал.

– И как он вам показался?

– Что вы имеете в виду?

– Как человек, спутник для дочери. Я так понял, Наталья Константиновна, что он проявил интерес к вашей дочери?

– Какой интерес? Влюбился он в нашу Веронику прямо ...по уши! Как мальчишка.

– Вы уверены?

– Я же, как женщина, чувствую. Мне и объяснять

ничего тут не надо. А вот Коле, отцу, так сначала он совсем не понравился. Николай Иванович наш прямо психовал. Зато на второй день вместе поехали в магазин на автомобиле Мариана, наш папа вернулся в полном восторге. Говорит, в жизни не встречал человека, чтобы так здорово и лихо тачку водил. А если мужик так управляется с машиной, то и женщину ему можно доверять. Тем более, такое драгоценное сокровище, как наша доця.

– А Вероника?

– Что Вероника?

– Тоже чувства питает, или у нее какой-то расчет?

– Ой, товарищ генерал, Александр... э...

– ...Васильевич.

– Александр Васильевич, что-то вы такие вопросы личные задаете... меня и так уже ваши спрашивали-переспрашивали...

– Обычные вопросы, уважаемая Наталья Константиновна. Вы ж понимаете, наша задача – безопасность. И страны, и ее граждан, где бы они ни находились.

– Я понимаю.

– Поэтому для нас важна мотивация и вашей дочери, и этого журналиста.

– Думаете, разведчик?

– Ну, что не разведчик, это точно. Разведчики это – наши. А все остальные – шпионы.

– Это как?

– Это шутка, Наталья Константиновна.

– А...

– Так, какое у вас мнение, любит его Вероника?

– Ну, не знаю... – замялась и задумалась Наталья Константиновна. – Парень он симпатичный, надежный. Как женщине, так положиться на него можно. Ника наша всегда мечтала куда-то уехать. А Мариан ей нравится. Не старик какой-нибудь. Можно

сказать, наш, украинец. Сколько они тут знакомы? Со временем и полюбит. Нам Вероника письмо недавно прислала. Пишет, всем очень довольна и счастлива. Вы так переживаете за нее, хотите, я вам фотографию покажу, она вложила?

– Да, если это возможно, – Александр Васильевич оставил без ответа женскую колкость. Для Натальи Константиновны, очевидно, стали прозрачны причины данного визита и столь неподдельного интереса безопасности целой страны к скромной персоне ее дочери. Плевать.

– Я скоро, – мать Вероники поднялась и скрылась в дверном проеме подъезда.

В ожидании Александр Васильевич рассматривал двор, облупленные стены домов, промышленяющих в переполненных мусорных баках, котлов. Обычный двор, обычного провинциального промышленного города. Серость и безысходность. Тупик.

– Вот! – Наталья Константиновна протянула глянцевоый снимок.

С фотографии на него, улыбаясь, смотрела счастливая, загорелая Вероника. В узеньком белом купальнике. Рядом – такой же счастливый Марьян. Одной рукой он обнимал ее за плечи, в другой держал за жабры крупную продолговатую рыбу, серебристую, с темной, почти черной спиной и большим хвостовым плавником. Они стояли на корме яхты, отделенные сказочно-синей водой от, укрытого зеленью леса, холмистого острова с белой полоской песка, пальмами, невысокими прибрежными строениями, смутно различимыми вдалеке. Выше острова прямо по чистому голубому небу Вероника написала фломастером «I Love You, Hedgehog!»

Александр Васильевич машинально перевернул фотографию.

– Это они на Антигуа. Антильские острова, – пояснила Наталья Константиновна.

– Я понял.

Задав еще несколько протокольных вопросов, генерал отправился домой восвояси, раздосадовано уговаривая себя, что все рано или поздно кончается, правда, зачастую не так, как нам того хочется.

Счастье... what is it счастье? К которому все мы стремимся, и которое неизбежно, неминуемо ускользает и отдаляется, стоит лишь приблизиться, дотянуться, дотронуться до него. Обнять... испытать...

Александр Васильевич набрал номер майора.

– Я вас слушаю, Александр Васильевич!

– Гена, здравствуй!

– Добрый день! Вы в дороге?

– Да.

– Я так и понял. Слышу, машина шумит.

– Гена, что означает на английском слово «хэд-жхог»? Или кто?

– Так навскидку, не припоминаю. Вроде бы, не встречалось.

– Посмотри в словаре. Я подожду.

– Продиктуйте по буквам.

Генерал продиктовал. Подождал с полминуты.

– Алло! Шеф, вы здесь?

– Да. Ну что?

– Оказывается, «Hedgehog» это – ежик. Вот так просто. Алло! Вы слышите?

– Да, Гена. Спасибо. Пока.

Александр Васильевич посмотрел на неожиданно просветлевшее небо. Улыбнулся.

«I Love You, Hedgehog!»

«Я люблю тебя, ежик!»

* * * * *

Олег Любимцев

Май, 2007 г.

ЛЮБИМЦЕВ
Олег Владимирович
«ДЬЯВОЛ НЕ ЛЮБИТ, КОГДА ЕГО НАЗЫВАЮТ
ПО ИМЕНИ»

Информационная поддержка типографии
ЧПФ «ТДС»

ISBN 978-966-8915-11-6

Макет и верстка ЧП «АС».
Подписано к печати 20.06.07.
Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано с диапозитивов
в ЧП «АС».
Украина, 75700,
г. Скадовск, ул. Володарского, 27/69.
Тел./Факс: (05537) 5-37-35.